

Библиотечка военно-исторического журнала «ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК» Выпуск № 32

Орловцы прошли лес и двинулись дальше, но внезапно были атакованы противником, спрятанным в оврагах. Произошла жестокая рукопашная схватка. Наше знамя несколько раз переходило из рук в руки, и, в конце концов, французы завладели им. Древко было сломано и осталось одно полотнище. Видя своё знамя в руках врага, адъютант Орловского полка (к сожалению, фамилия его неизвестна) бросился в самую середину рукопашной схватки, выхватил его и с ним благополучно вернулся назад...

К.В. Зеленко «Двухсотлетняя служба 36-го Пехотного Орловского генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского полка» – Кременчуг, 1911

Боевое Знамя – символ чести

УДК 82-1+94(47)+335/357
ББК 84(2p)6
Б 75

Редакционная коллегия: С.А. Ветчинников (главный редактор),
А.И. Кондратенко, В.В. Паршин,
В.Г. Чернега, С.В. Широков

Б 75 Боевое Знамя – символ чести / Библиотечка «Орловского военного вестника». Выпуск № 32 / – Орёл: «Картуш», «Союз военных литераторов», 2023. – 232 с.

ISBN 978-5-9708-1113-9

Этот выпуск, объединил на своих страницах статьи о Боевых Знаменах воинских частей Российской империи, СССР, Российской Федерации, как новые, так и статьи по теме, опубликованные в разное время в журнале «Орловский военный вестник». Основой книги послужили очерк Михаила Щеглова «Возвращение Спаса Звенигородского полка» и статьи из книги Олега Гончаренко «От Аустерлица до Парижа. Дорогами поражений и побед».

Мы вспомним имена Героев, рискующих жизнью ради спасения святыни, коей является Боевое Знамя для воинской части.

А в заключение выпуска – стихи знаменитых и неизвестных поэтов, которые очень эмоционально подчёркивает тематику выпуска. Открытием для многих читателей станет Военная поэзия: юбилейные стихи, полковые и флотские песни (1854-1922), где упоминаются знамёна и штандарты.

УДК 82-1+94(47)+335/357
ББК 84(2p)6

Вместо эпиграфа – цитата из книги «Краткий исторический очерк двухсотлетней службы 36-го пехотного Орловского генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полка». Составил штабс-капитан К.В. Зеленко. Чертежи подполковника Н.А. Володимирова. Кременчуг. 1911 г.

На обложке: коллаж на основе картин Андрея Ромасюкова. «Бой за знамя 29-го пехотного Черниговского полка под Орлау. Август 1914 г.» и А. Дроздова «Знамя Победы».

Оборот: Лицевая обратная стороны полотнища знамени 42-го Якутского пехотного полка; лицевая и обратная стороны правого верхнего угла полотнища знамени Звенигородского полка, хранящегося во ВИМАИВ и ВС; солдаты Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.

ISBN 978-5-9708-1113-9

© Союз военных литераторов 2023
© Щеглов М.В. (статья), 2023
© «Библиотечка ОБВ», 2023

От издателя

В издательство военно-исторического журнала «Орловский военный вестник» обратился **Щеглов Михаил Вадимович** по поводу возможности опубликования статьи **«Возвращение Спаса Звенигородского полка»**, сказав, что сам имеет непосредственное отношение к героям статьи. Мы, конечно, согласились напечатать статью в нашем журнале. Когда же Михаил Вадимович прислал материалы, редколлегия решила, что статья несомненно имеет большую художественно-научную ценность, прекрасно проиллюстрирована фотографиями из личного архива; автор провёл кропотливую работу по теме, поэтому было решено выпустить вышеуказанную статью в рамках Библиотечки «Орловского военного вестника».

Так и появился этот выпуск, который объединил на своих страницах статьи о Боевых Знамёнах воинских частей Российской империи, СССР, Российской Федерации, как новые, так и статьи по теме, опубликованные в разное время в журнале «Орловский военный вестник».

И хоть в некоторых очерках, порой, речь идёт об одних и тех же случаях спасения знамён, но описанные по-разному, мы решили, что будет нелишним вспомнить имена Героев, рискующих жизнью ради спасения святыни, коей является Боевое Знамя для воинской части. Да и читатели часто читают сборники не «от корки до корки», а отдельными статьями, так что сокращать их мы не стали.

Мы расскажем о главном символе Победы в Великой Отечественной войне – Знамени Победы. Напомню читателям, что 10 лет назад, в апреле 2013 года, вышел 1-й номер журнала «Орловский военный вестник» «Молчание знаменосцев», посвящённый истории водружения Знамени над Рейхстагом в апреле 1945 года.

В заключение выпуска – стихи о знамени известных и самобытных поэтов. И как «изюминка» выпуска – Военная поэзия: юбилейные стихи, полковые и флотские песни (1854-1922), где упоминаются знамёна и штандарты.

*Главред «Орловского военного вестника»
Ветчинников С.А.*

Дмитрий Иванов*

Боевое Знамя воинской части – символ воинской чести, достоинства и славы

БОЕВОЕ ЗНАМЯ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ (далее – БОЕВОЕ ЗНАМЯ) – официальный символ и воинская реликвия воинской части. Оно олицетворяет её честь, доблесть и славу, служит напоминанием каждому военнослужащему о героических традициях и священном долге защиты Отечества, указывает на предназначение воинской части и её принадлежность к Вооружённым Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам.

Значение воинского знамени во все времена было огромно. Всегда считалось, что знамя – это эмблема чести полка, эмблема чести тех, кто собрался под ним. Честь и Родина – две тесно связанные между собой идеи, воплощённые в воинском знамени. Каждый воин должен жертвовать своей жизнью для защиты знамени. Роль воинского знамени заключается в установлении связи настоящего с прошлым, чтобы сделать современность достойным нашей славной истории.

В основу рисунка полотнища Боевого Знамени нового образца положена наиболее почитаемая награда в России – Георгиевский крест, символизирующий готовность Вооружённых Сил к защите Отечества от потенциального внешнего агрессор-

---

* Иванов Дмитрий Николаевич, преподаватель-организатор ОБЖ.

ра. Крест символизирует орден Святого Георгия, учреждённого Екатериной II в 1769 году, и солдатский орден Славы, введённый во время Великой Отечественной войны в 1943 году.

Боевое Знамя состоит из двустороннего полотнища, древка, навершия, скобы, подтока, тесьмы с кистями и знаменных гвоздей. В комплект с Боевым Знаменем также входят орденские ленты (для гвардейских воинских частей – георгиевские знаменные ленты).

На лицевой и оборотной сторонах полотнища – прямой, равноконечный крест с расширяющимися концами. Рисунок полотнища различается в зависимости от принадлежности воинской части (в Вооружённых Силах Российской Федерации – белый крест с чёрной каймой и оранжевыми углами между концами креста, углы равно разделены чёрной полосой (в воинских частях Военно-морского флота – синий диагональный крест на белом полотнище).

На лицевой стороне полотнища Боевого Знамени, в центре креста, – круглый красный медальон, обрамлённый золотистым (серебристым) лавровым венком с развевающейся лентой в нижней части. В медальоне – главная фигура Государственного герба Российской Федерации.

На оборотной стороне полотнища Боевого Знамени, в центре креста, – круглый красный медальон, обрамлённый золотистым (серебристым) лавровым венком с развевающейся лентой в нижней части. В медальоне – знаменная эмблема воинской части (в Вооружённых Силах Российской Федерации в верхней части венка – эмблема Вооружённых Сил Российской Федерации).

Знаменная эмблема – геральдически оформленный воинский официальный символ, отражающий особые признаки функционального предназначения и способов воинской деятельности конкретного воинского формирования.

В углах лицевой и оборотной сторон полотнища Боевого Знамени – круглые медальоны, обрамлённые золотистыми (серебристыми) лавровыми венками с развевающимися лентами в нижней части. В медальонах – эмблемы видов Вооружённых Сил Российской Федерации, родов войск Вооружённых Сил РФ, других войск, служб, органов.

Из истории боевых знамён

Воинские знамёна возникли задолго до появления регулярных армий. В древности первоначально роль знамени выполняли определённые фигуры (орёл, сова и др.), помещённые на верху древка, а с IX века знамя – это прикреплённое к древку полотнище. В битвах знамёна указывали местонахождения военачальников и отдельных отрядов.

На Руси воинское знамя как эмблема Родины и символ воинской доблести и славы зародились у наших предков – восточных славян.

В начальный период военное знамя представляло собой шест с каким-либо отличительным знаком наверху. Знамёна служили ориентиром места сбора для войск и местоположения начальника, в походе указывали направление движения, а также применялись для управления боем путём поднятия, наклонения или перемещения знамени.

Аквила («акила») -...

за ними носили знамена и посреди них орла, которого римляне имеют во главе каждого легиона. Как царь птиц и сильнейшая из них, орел служит им эмблемой господства и провозвестником победы над всяким врагом, против которого они выступают.

Прапоры

отличались размерами, изображениями, отделкой, богатством украшений.

Прапор состоял из прямоугольной середины, к которой пришивался один, два или три треугольных откоса. Откосы назывались хвостами, яловцами и лопаустями. Середина прапора украшалась каймой. Середина и откос могли также украшаться бахромой.

У древних славян они именовались «стягами». Со временем стягом стали называть не шест (жердь, древко), а матерчатое полотнище («поставить стяг» – означало «изготовиться к бою»).

С принятием христианства на Руси на знамени стали помещать лик Иисуса Христа. Перед боем воины на коленях молились о победе и спасении у освящённого, как икона, стяга. Вкопанный древком в землю во время битвы, стяг указывал на ставку князя и центр боевого порядка. Упавший стяг означал поражение.

С конца XIV века слово «стяг» стало постепенно заменяться словом «знамя». В свою очередь слово «знамя» происходит от старинного слова «знамение», которое имело смысл знаменовать, означать. В старинных рукописях впервые слово «знамя» (знамение) было применено к названию стяга Дмитрия Донского. В стрелецких войсках (середина XVI века) в каждом полку и в каждой сотне имелись свои знамёна. Сотенные знамёна именовались «меньшими» знамёнами, а полковые – «большими».

Боевые знамёна XVII – XIX веков

К концу XVII века знамёна состояли из больших полковых, полковых воеводских, стрелецких, солдатских, драгунских, рейтарских и сотенных знамён этих полков. Знамёна отличались друг от друга размерами, цветом и отделкой.

Одно из первых знамён Петра I 1696 года, в традициях предков. Знамя старой формы с центральной частью и откосом. Изготовлено из красной тафты с изображением золотого двуглавого орла и фигурами святых. Орёл в когтях держит копыя, увитые лентами, а под орлом изображено море с парусными кораблями

Большие полковые знамёна и знамёна воеводских (боярских) полков после возвращения из походов сдавались на хранение в Оружейную палату, а знамёна стрелецких и солдатских полков находились в войсках постоянно.

В XVIII веке Пётр I установил форму и рисунок знамени с соответствующей расцветкой для различных частей. В воинском уставе Петра I Великого был определён культ знамени.

Пётр Первый впервые в России ввёл знамёна в табели войсковых частей, определил размеры и внешнее оформление, ввёл в армии присягу перед знаменем, которая произносилась перед распущенными стягами словами: *«...от роты и знамени никогда не отлучаться, но за оными, пока жив, непременно добровольно и верно, как мне приятна честь моя, живот мой, следовать буду... Тот, кто знамя своё до последнего часа своей жизни не оберегёт, оный не достоин носить имя солдата».*

В русской армии солдат учили, что знамя есть священная воинская хоругвь, под которую собираются все верные своему долгу воины и с которой они следуют в бой с врагом. Знамя являлось напоминанием солдату, что он присягнул служить Родине до потери самой жизни. Величайшим позором для части была потеря своего знамени. Такая часть подвергалась расформированию, а люди, которым непосредственно была вверена охрана знамени, подвергались смертной казни.

В русской армии вынос знамени к части всегда встречался с большими почестями. Полк брал оружие на караул, офицеры салютовали, музыка играла, барабанщики били «поход».

Знамя – душа армии. Знамя – великий символ бессмертной защиты Родины. Много людей с опасностью для жизни сохраняли и выносили из боя знамя части, не уронив честь своего воинского подразделения.

В каждой роте имелось своё знамя. Знамя первой роты имело белый цвет и считалось полковым, в остальных ротах знамёна были различных цветов. С 1814 года в полку было определено одно знамя на батальон. С 1827 года стали выдавать знамёна в войска бессрочно. В «Уставе воинском» 1716 г. указывалось, что воины должны оборонять знамя «даже до смерти», предусматривалось самое тяжёлое наказание за его утерю. Как исторические памятники, как реликвии боевой славы до сих пор хранятся: великокняжеское знамя Дмитрия Донского, бывшее с ним на Куликовом поле; «великий стяг» Иоанна Грозного; воеводские, полковые и сотенные знамёна XVII века; знамя Дмитрия Пожарского; знамёна первых регулярных полков, созданных в России.

японских и других*.

Как свидетельство силы русского оружия, величайшего мужества и героизма русских воинов является коллекция трофейных знамён. Достоверно известно, что в музеях СССР хранилось 360 шведских знамён эпохи Карла двенадцатого, 370 прусских знамён армии Фридриха второго, более 200 французских знамён армии Наполеона, около 1000 турецких знамён, а также итальянских, финских,

Боевые знамёна в Советской армии

Воинские знамёна в частях Советской Армии были введены в 1918 году. Почётные Революционные Красные Знамёна стали первой официальной советской коллективной наградой. Уже **20 августа 1918 года** Президиумом ВЦИК было утверждено пер-

* О трофейных знамёнах Третьего рейха – см. статью «Судьба немецких знамён на Параде Победы 1945 года» на стр. 180. (Прим. ред.)

вое Постановление о награждении Почётным Революционным Красным Знаменем – его получил «за самоотверженную и храбрую защиту г. Казани 5-й Земгальский Латышский полк. В дальнейшем многие отличившиеся части РККА были удостоены Почётных Знамён.

Первыми почётными наградами были орден Красного Знамени и почётное революционное Красное Знамя.

Постановлением ВЦИК и СНК СССР от **11 июня 1926 г.** было введено «**Положение о революционных Красных знамёнах частей РККА**», согласно которому знамёна вручались войсковым частям на всё время их существования, был утверждён единый образец знамён для частей Красной Армии.

21 декабря 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил новый образец воинского Знамени для вручения частям при их формировании. Знамя состояло из двухстороннего полотнища, древка и шнура с кистями. Полотнище Знамени изготавливалось из сложенного вдвое красного шёлкового фая и по краю обшивалось с трёх сторон золотистой шёлковой бахромой. На одной стороне полотнища в центре были нашиты серп и молот из цветного шелка, а по верхнему и нижнему краям полотнища золотистым шёлком был вышит лозунг «За нашу Советскую Родину». На другой стороне полотнища, в центре, – пятиконечная звезда из шелка бордо с вышивкой по поверхности в виде лучей. Под звездой золотистым шёлком вышивался номер и наименование воинской части. Деревянное древко Знамени, окрашенное в темно-коричневый цвет, в верхней части имело никелированный наконечник. Шнур Знамени кручёный, изготавливался из золотистого шелка с двумя кистями по концам.

Красный цвет Знамени – это цвет крови, пролитой лучшими сынами нашего народа в борьбе за своё освобождение. Пятиконечная звезда символизировала пролетарскую солидарность трудящихся всех пяти частей света.

Серп и молот символизировал свободный труд советских людей на благо своей Родины.

5 февраля 1944 года были утверждены новые образцы воинских знамён Красной Армии и Военно-Морского Флота.

С 1975 года воинское знамя стало называться Боевым Знаменем.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР:

«Боевое Знамя всегда находится со своей частью, а на поле боя – в районе боевых действий части.

Весь личный состав части обязан самоотверженно и мужественно защищать Боевое Знамя в бою и не допустить захвата его противником».

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РФ

«О БОЕВОМ ЗНАМЕНИ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ»

18 декабря 2006 г.

№ 1422 (НТЦС)

1. Утвердить прилагаемые: Положение о Боевом Знамени воинской части; описание типового образца Боевого Знамени воинской части; рисунки типового образца Боевого Знамени воинской части (лицевая и оборотная стороны).

2. Федеральным органам исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, до 1 января 2010 г. утвердить описания и рисунки боевых знамён воинских частей, обеспечить их изготовление и вручение.

3. Признать утратившим силу раздел «Боевое Знамя воинской части» Устава внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г. N 2140 «Об утверждении общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации» (Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, N 51, ст. 4931).

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации В. ПУТИН
18 декабря 2006 г. N 1422

Положение о Боевом Знамени воинской части

Боевое Знамя Тульского артиллерийского инженерного института

Боевое Знамя воинской части (далее – Боевое Знамя), вручаемое дивизиям, бригадам, полкам, отдельным батальонам (дивизионам, эскадрильям) и им равным воинским частям, а также военным образовательным учреждениям профессио-

нального образования (далее – воинская часть), является официальным символом и воинской реликвией воинской части, олицетворяет её честь, доблесть, славу и боевые традиции, указывает на предназначение воинской части и её принадлежность к Вооружённым Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам.

Боевое знамя вручается воинской части в торжественной обстановке от имени Президента Российской Федерации представителем соответствующего федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба (далее – федеральный орган):

- при формировании воинской части;
- при замене Боевого Знамени в связи с его обветшанием, существенным повреждением или утратой, которая не связана с обстоятельствами, указанными в пункте 10 настоящего Положения, а также в связи с утверждением новых образцов боевых знамён;
- при восстановлении права воинской части на новое Боевое знамя, если ранее произошла утрата Боевого знамени по вине личного состава воинской части.

Лицевая сторона

Оборотная сторона

Рисунок Боевого Знамени воинской части Военно-Морского Флота Российской Федерации

При вручении воинской части Боевого Знамени ей выдаётся Грамота Президента РФ к Боевому знамени.

При присвоении воинской части наименования «Гвардейская» ей вручаются георгиевские знаменные ленты и наверхие. Боевое Знамя с георгиевскими знаменными лентами и наверхием именуется «Георгиевское знамя» и является высшим знаком отличия воинской части.

К Боевому Знамени воинской части, награждённой орденами СССР и иностранных государств, крепятся их орденские знаменные ленты.

Боевое Знамя всегда находится с воинской частью, а в районе боевых действий – в условиях, исключающих захват Боевого знамени противником.

Военнослужащие воинской части в случае угрозы утраты Боевого Знамени обязаны принять все возможные меры к его спасению, самоотверженно и мужественно защищать Боевое знамя в бою и не допустить его захвата противником.

В исключительных случаях при непосредственной опасности захвата Боевого Знамени противником и отсутствии реальной возможности его защиты и спасения Боевое знамя подлежит уничтожению по приказу командира (начальника) воинской части.

В случае утраты Боевого Знамени проводится разбирательство в порядке, определяемом руководителем соответствующего федерального органа. Военнослужащие, виновные в утрате Боевого Знамени, привлекаются к ответственности по основаниям и в порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации.

Если утрата Боевого Знамени произошла по вине личного состава воинской части, то она лишается всех своих отличий. Решение о восстановлении права воинской части на новое Боевое Знамя принимается Президентом Российской Федерации по представлению руководителя соответствующего федерального органа в знак признания новых заслуг воинской части.

В «Уставе внутренней службы» (утверждён Указом Президента РФ от **10 ноября 2007 года № 1495**) говорится: «Военнослужащий должен ... оберегать Боевое Знамя воинской части».

Боевое Знамя всегда должно быть под охраной караула (дежурной смены командного пункта, пункта управления), а при выносе его к воинской части – под охраной знамённого взвода.

Боевое Знамя на посту при казарменном расположении воинской части (в помещении командного пункта, пункта управления) хранится в расчехлённом виде на древке в застеклённом шкафу, опечатываемом гербовой сургучной печатью воинской части. Оно должно быть установлено в вертикальном положении в знаменную сошку (стойку с вырезами для крепления древка).

При перевозке воинской части Боевое Знамя зачехляется и для него выделяется отдельное место в транспортном средстве. Вместе с Боевым Знаменем следуют знаменщик, ассистенты и караул.

За хранение и содержание Боевого Знамени непосредственно отвечает начальник штаба воинской части. Он обязан:

- систематически проверять лично или через своего заместителя и помощников несение службы часовыми на посту у Боевого Знамени;

- производить не реже одного раза в месяц осмотр Боевого знамени в порядке, указанном в пункте 25 настоящего Положения;

- принимать меры к устранению недостатков, обнаруженных при осмотре Боевого Знамени, докладывая об этом командиру воинской части;

- вести журнал осмотра Боевого Знамени, отмечая в нем время осмотра, недостатки, обнаруженные при осмотре Боевого Знамени и места его хранения, а также меры, принятые к их устранению.

Осмотр Боевого Знамени производится начальником штаба воинской части в присутствии знаменщика, ассистентов и начальника караула (командира дежурных сил (смен), начальника пункта управления) В случае, когда Боевое Знамя зачехлено, для осмотра начальник штаба воинской части приказывает его развернуть. По этому приказу знаменщик опускает Боевое Знамя в горизонтальное положение, один из ассистентов снимает чехол, а знаменщик, медленно поворачивая древко, развёртывает Боевое Знамя. Ассистенты помогают зна-

менщику и следят за тем, чтобы не запутались кисти и чтобы полотнище не касалось земли (пола). При этом проверяются состояние полотнища, орденов знаменных лент (для гвардейских воинских частей – георгиевских знаменных лент), исправность знаменного чехла, галунной тесьмы с кистями, а также древка с навершием, скобой и подтоком.

По приказу начальника штаба воинской части свернуть Боевое Знамя знаменщик опускает Боевое знамя в горизонтальное положение так, чтобы его полотнище не касалось земли (пола). После этого один ассистент берет полотнище за углы и слегка натягивает его, а знаменщик и другой ассистент, медленно вращая древко, свёртывают полотнище лицевой стороной внутрь, следя при этом, чтобы не было складок и не запутывались орденовые знаменные ленты, галунная тесьма с кистями. Кисти укладываются вдоль свёрнутого полотнища.

Ремонт полотнища Боевого Знамени силами и средствами воинской части запрещён. В случае необходимости ремонта полотнища Боевого Знамени командир воинской части обязан возбудить ходатайство в порядке подчинённости об отправке полотнища в специальную мастерскую. При получении разрешения полотнище Боевого Знамени направляется в мастерскую в секретном порядке фельдъегерско-почтовой связью. Сдача полотнища в ремонт оформляется актом и приказом командира воинской части.

Источники: <https://urok.1sept.ru/articles/671620>;
<https://kuhntorino.ru/bathroom/prezentaciya-k-uroku-obzh-boevoe-znamya-voinskoi-chasti-simvol/>

От редакции: 12 июня 2007 г. начался процесс замены боевых знамён в российской армии.

Новые знамёна изготовлены из «мокрого шёлка», латуни и бука. В основу рисунка положен Георгиевский крест, который, по словам начальника Геральдического управления Минобороны полковника Олега Кузнецова, «символизирует потенциальную готовность воинской части к защите Отечества». Знамя каждой воинской части имеет свои особенности: на обратную сторону полотнища помещены «знаменные эмблемы», отражающие функциональную принадлежность каждой части и являющиеся аналогом полковых знаков, использовавшихся в дореволюционной армии. Изготовление одного знамени обходится в 37 тысяч рублей, знаменный комплекс стоит порядка 60 тысяч.

**Из воспоминаний Ильи Осиповича Попадичева о войне
1805-го года:**

Михаил Преснухин

ВОСПОМИНАНИЯ ПОПАДИЧЕВА 1805 ГОД

О кампании 1805 года и битве при Аустерлице

<***>

ОТСТУПЛЕНИЕ С ПРАЦЕНСКИХ ВЫСОТ

Выведенные Ланжероном батальоны уже не было смысла посылать к Працену. Бригада Каменского, несмотря на отчаянное сопротивление в присутствии самого главнокомандующего, к 11-ти часам утра была вынуждена уступить численно превосходящим французским войскам. Обескровленные Фанагорийский гренадерский и Рязский мушкетёрский полки отступили по направлению к Гостиерадеку.

<***>

По некоторым сведениям Подольский мушкетёрский полк, всё же возможно попытался поддержать атаку Курского полка, продержавшись на склонах горы несколько дольше остальных частей бригады Селехова. Но полк был крайне малочисленный, после сражения под Шенграбеном насчитывавший в строю всего 709 человек, и не успел ничего предпринять, как Куряне были уже окружены и разгромлены. Курский полк, расстреливаемый артиллерией, в короткое время потерял половину состава своих двух батальонов одними только убитыми и тяжело ранеными. Остатки подверглись атакам французской кавалерии, были полностью рассеяны, и почти поголовно уничтожены.

Генерал Тьебо писал: «...мы не брали в плен, мы не могли рисковать; никто ни перед чем не останавливался, и, таким образом, в нашем тылу не оставалось ни одного живого врага». Трофеями французов стали знамёна и полковая артиллерия. В Курском полку, возрождённом после Аустерлицкой битвы, сохранялось полковое – «белое» знамя, спасённое подпрапорщиком Григорием Васильевичем Сверщевским (Свиричевским), который подобрал его после ранения портупей-прапорщика Лаврова. Укрыв полотнище на своём теле, он сохранял его в плену до тех пор, пока ему не удалось бежать и догнать рус-

скую армию. 24-го декабря этого же года Кутузов докладывал императору о доставлении к нему подпрапорщиком спасённого знамени. Два (или по другим данным четыре) «цветных» знамени были захвачены французами, судьба остальных знамён неизвестна. Всего же все три батальона Курского полка потеряли в Аустерлицкой битве до 1600 человек убитыми ранеными и пленными. Спасти удалось всего лишь несколькими десятками человек. Полк практически перестал существовать, таких поражений русской армии ещё не доводилось испытывать.

<***>

ОБОРОНА СОКОЛЬНИЦА ЧАСТЯМИ ВОЙСК 2-Й И 3-Й КОЛОНН

После ухода из Сокольника Ланжерона с 8-м егерским и Выборгским мушкетёрскими полками, на западном берегу ручья оставались из его колонны 3 батальона Пермского мушкетёрского полка, и 1 батальон Курского полка. Они были отрезаны атакой дивизии Фриана от пути отступления вместе с частями 3-й колонны: 2-мя батальонами 7-го егерского полка, 3-мя батальонами Галицкого, 3-мя – Бутырского, и 2-мя - Нарвского мушкетёрских полков. Всего, вероятно, более 7-ми тысяч человек. Им противостояли едва ли большие силы Даву.

<***>

По собственной инициативе командиры отдельных частей приняли меры предосторожности для сохранения своих знамён, отправив их сначала в Сокольник, а затем и далее в тыл. Известно, что знамёна гренадерского батальона Галицкого мушкетёрского полка давно уже находились в этом селении, когда туда прибыла знаменная группа 1-го мушкетёрского батальона этого же полка.

<***>

Нарвцы пытались до последней возможности спасти знамёна, срывая их с древков, и пряча на своих телах. Как минимум два из четырёх «цветных» знамён им удалось сохранить даже в плену, и впоследствии вернуть в полк. Портупей-прапорщик Гавриленко бежал из плена и в начале января 1806-го года доставил полотнище и кисти к русской армии. Знамя было возвращено в полк, а Гавриленко произведён в прапор-

щики. Портупей-прапорщик Михайло Шеремецкий сохранял одно из знамён мушкетёрского батальона полковника Раковского до самого выхода из плена в 1808-м году. Знамя уже не вернули в полк, а сдали на хранение в Архив Военного Министерства. В 1905-м году Шеремецкого навечно зачислили в списки полка.

Немногим больше, по сравнению с Нарвскими мушкетёрскими батальонами повезло другим частям группы Вимпфена. Подольский полк под командой генерал-майора Левицкого мощными ударами французов был отрезан вместе с частью Азовского полка от Сокольницкого замка, и от самого генерала Селехова с остатками Азовцев и Нарвских гренадер. Очевидно, Левицкому удалось вовремя выскользнуть из-под главного удара Наполеона, хотя он и утверждал, что его отряд сражался до 3-х часов пополудни, пока сам Левицкий не был ранен. Судя по потерям Подольцев – всего 180 человек (по официальным данным) из 709-ти полк не был отброшен к Сокольницу, а пошёл по восточному берегу Гольдбаха вслед за Ланжероном. Возможно, не всё было так гладко во время его отступления, т.к. известен факт, что в плен к французам попал портупей-прапорщик Лецык, сохранивший на себе одно из знамён. Ему удалось вскоре бежать из плена, и он смог до-ставить знамя в полк в начале 1806-го года.

Азовский же полк, очевидно едва не подвергся полному разгрому, разрезанный на части, он был сбит со своих позиций и стал отступать вслед за Подольцами. Поражение его было довершено ударом внезапно обрушившейся на него с гор французской 3-й драгунской дивизии. Шеф Азовского мушкетёрского полка генерал-майор Алексей Абрамович Селехов, видя невозможность удержать неприятеля, решил прорываться на соединение с Пржибышевским, перед этим он, по его собственным словам, приказал солдатам полка срывать с знамённых древков полотнища и прятать их. Белое знамя «шефской» роты спрятал на себе подпрапорщик Грибовский. Впоследствии он умер в плену, а знамя хранили барабанщик Кирилл Павлов сын Добош, и унтер-офицер Шамов. Знамя было возвращено в Россию только в начале 1808-го года и уже не попало в полк.

Однако вряд ли всё было так красиво, как пишет Селехов, возможно, он попросту бросил свой полк. Известно, что на поле боя Азовским полком было потеряно несколько знамён. Одно из

них, точнее раздробленное в двух местах древко с полотнищем, без копья и подтока, обнаружил уже ночью среди мёртвых тел унтер-офицер Замарин, раненый в левую ногу картечью и в левый бок штыком. Тут же на поле боя он зашил знамя к себе в рукав мундира под подкладку. Позднее Замарина подобрали местные жители и доставили в госпиталь в Брюнн, откуда его перевезли во Францию. Выздоровев, он бежал из плена ещё в 1806-м году, и, пройдя пол-Европы, доставил знамя в полк. Подвиг его был по достоинству оценён, Замарина произвели в подпоручики.

Также достоверно известно то, что Селехов оставил без поддержки Нарвский гренадерский батальон, уведя Азовский полк, что и вызвало в дальнейшем обвинение его в трусости со стороны полкового командира Нарвского мушкетёрского полка. Полковник князь Александр Васильевич Сибирский 1-й прямо заявлял: «что он, Селехов, прятался во время сражения и не находился в деле».

Сам же Нарвский гренадерский батальон был почти полностью уничтожен, сражаясь до конца, но, не сходя со своего места. Полковой командир Нарвского мушкетёрского полка князь Сибирский 1-й весь израненный, не видя способа спастись, приказал капитану Гофману и портупей-прапорщику Лысенкову (Лысенко) сорвать и спрятать белое знамя «шефского» батальона. Попав в плен, они сохранили полковое знамя и переправили его в Россию в середине следующего года через российского посла в Вене. Гренадер этого батальона Пётр Нестеров подобрал у убитого портупей-прапорщика знамя, сорвал полотнище и обмотал вокруг своего тела. Попав в плен, он и там сберёг знамя, а вскоре сумел бежать и доставил его в феврале следующего 1806-го года к армии. Знамя было возвращено в полк, а самого Нестерова произвели в унтер-офицеры и наградили 100 рублями.

Части Азовского полка, даже, несмотря на то, что он был брошен своим шефом, удалось вырваться из окружения и уйти на соединение с войсками Ланжерона и Буксгевдена, очевидно вдоль восточного берега Гольдбаха. Хотя это движение вряд ли было организованным отступлением, о чём свидетельствуют факты потери полком знамён.

Ещё одно знамя Азовского полка спас унтер-офицер Семён Артемьев сын Старичков. Весь покрытый ранами он спря-

тал полотнище на своём теле, и уже в плену, умирая, передал его рядовому Бутырского полка Алексею Чайке. Тот в свою очередь отдал его через несколько дней разменянному из французского плена подполковнику Бутырского же полка Трескину, который и доставил знамя 7-го декабря 1805-го года к русской армии. После выяснения всех подробностей возвращения и спасения этого знамени его вернули в Азовский полк. Семье Старичкова государство за его подвиг выплачивало пенсию, а самого героя посмертно в 1906-м году навечно зачислили в списки полка. Знамя же в 1866-м году было передано на хранение в город Калугу – родину Старичкова, где сберегается и поныне.

<***>

4 российских батальона были окружены, лишённые подвоза боеприпасов они вскоре исчерпали все возможности к продолжению сопротивления и были разгромлены наголову. Хотя отдельным их подразделениям всё же удалось прорваться к северу, и соединиться с войсками 3-й колонны. Убитыми, ранеными и пленными один только Пермский полк потерял в сражении 5 штаб- и 39 обер-офицеров, а также 1684 нижних чина. Трофеями французов стали и 6 полковых орудий. Знамена же были сорваны с древков и спрятаны на себе нижними чинами. «Белое» знамя «шефской» роты было спасено портупей-прапорщиком Карлуковым и подполковником Кузнецовым, сохранившими его в плену, и передавшими в полк в середине 1806-го года через российского посла в Вене. Одно из цветных знамен сорвал с древка и спрятал фельдфебель Стариков, попав в плен, он сумел бежать из него в первые же дни, и доставил знамя к армии в начале января 1806-го года. В 1806-м году в полку находилось одно «белое» и три «цветных» знамени, два из них, скорее всего, были вынесены вместе с вырвавшимися из окружения солдатами, их было вероятно немного, всего одна – две сотни, подпрапорщиком Ишлинским, произведённым за это в прапорщики. Ещё одно знамя полка было спасено портупей-прапорщиком Семёном Кублицким, попавшим в плен, но сохранившим полотнище, зашив его в мундир. Во французском госпитале его мундир по ошибке достался рядовому Курского полка Даниле Седычову, который уже перед самым возвращением из плена и представил знамя начальству. Оно было

доставлено в Россию только в 1808-м году, и с того времени оставлено на хранении в архиве Военного министерства.

<***>

Пржибышевский же и вовсе не знал, что ему делать дальше. Из всех генералов бывших в составе войск его колонны с ним оставался сейчас только генерал-майор Штрик. Миллер 3-й был ранен, барон Вимпфен также, Селехов затерялся где то в Сокольнице. О генерал-майоре Левицком также не было ничего известно. Генерал-майор Лошаков – шеф Галицкого мушкетёрского полка находился и вовсе неизвестно где, во всяком случае, с полком он не попал в окружение. Его встретили знамённые группы двух батальонов Галицкого полка на выходе из Сокольница, которым он якобы, по его собственным словам, приказал следовать к резервным войскам. После сражения Лошакова обнаружили в вагенбурге армии, а спустя несколько дней он и вовсе самовольно уехал в Лемберг (Львов). Впоследствии его отдали под суд и разжаловали в рядовые.

Генерал Штрик настойчиво советовал Пржибышевскому пока не поздно пройти через Сокольниц, и отступить для соединения с основными силами российской армии, но командующий колонной отговаривался незнанием того, где находится армия, и ничего не предпринимал. А между тем его части таяли под огнём на глазах, всё больше теряя порядок.

Пржибышевский, назначенный только накануне командующим войсками 3-й колонны, не знал своих подчинённых, даже генералов, не говоря уже про штаб-офицеров. И войска его не знали, как поляк он был совершенно чужд своим солдатам. Привести войска в порядок он оказался не в состоянии. Немногие, остававшиеся ещё в строю, офицеры полков его колонны, по собственному почину пытались восстановить положение, личным примером увлекаая солдат. Один за другим они со знамёнами в руках бросались вперёд, но тут же падали сражённые неприятельским огнём.

Оставшиеся без командования солдаты сбивались в кучи, но не прекращали сопротивления. Чтобы полковые знамёна не достались врагу наши солдаты срывали их с древков и прятали на теле, пытаясь проделать тоже самое с кистями и копьями-навершиями.

Это сделали солдаты во всех полках колонны Пржибышевского. Портупей-прапорщики Бутырского мушкетёрского полка Измайлов 1-й и Николай Кокурин; Галицкого полка фельдфебели: Никифор Бубнов, Селиверст Куфаев и унтер-офицер Иван Волков; фельдфебель же Александр Андреев спрятал кисти и копье. Кто из них принадлежал, к какому батальону точно неизвестно, возможно, что Куфаев был из 2-го мушкетёрского батальона, знамёна которого как раз и находились с группой Пржибышевского. Т.к. достоверно известно, что знамёна гренадёрского и 1-го мушкетёрского батальонов были отправлены из Сокольница далее в тыл ещё задолго до разгрома колонны. Во время движения этих знамённых групп на них навалилась французская кавалерия, взявшая почти всех в плен. Но полотнища знамён людям удалось спрятать на себе. В чрезвычайной темноте отдельным из них удалось бежать и впоследствии присоединиться к русской армии. Например, удалось спастись, и не попасть к французам в плен портупей-прапорщику Галицкого мушкетёрского полка Старову, вынесшему с собой знамя мушкетёрского батальона майора Чернявского, за что он и был произведён в прапорщики.

Спаستись удалось также и портупей-прапорщику Полозову 1-му, который через три дня после битвы разыскал в вагенбурге шефа своего полка генерала Лошакова, и отдал ему вынесенное из боя «белое» знамя. Очевидно, его младший брат портупей-прапорщик Пётр Полозов 2-й также спас своё знамя. Раненый пулями в правую ногу и левое плечо, он попал в плен, где хранил знамя до 1808-го года. Возвращённое в Россию оно было сдано в Архив Военного Министерства, а позднее хранилось в Санкт-Петербургском арсенале

<***>

РАЗГРОМ ГРУППИРОВКИ ПРЖИБЫШЕВСКОГО

У Пржибышевского оставалось совсем немного боеспособных людей. Вокруг него и Селехова сбились в кучу от 300 до 500 человек самых разных чинов, всё, что осталось от едва ли не 10-ти тысячной группировки российских войск, некогда сражавшихся в Сокольнице и замке.

Окружавшие их французы не рисковали, однако же, атаковать даже такую малую горстку отчаявшихся людей, они продолжали расстреливать их издали, по временам подсылая

переговорщиков. Французские то драгуны, то гусары по одному подсакивали к фронту и уговаривали бросать оружие. Но никто их не слушал, и наши солдаты продолжали валиться на снег, сражённые ружейными пулями и картечью.

Наконец в толпу российских солдат сзади врезался на полном ходу 8-й гусарский полк из лёгкой кавалерии 4-го корпуса Сульта. Всадников в строю было едва ли больше 80 человек, но генерал Пржибышевский не смог организовать оборону, да видимо даже и не пытался, он писал, что «был не в силах восстановить порядок». Скорее всего, он помышлял теперь лишь о сдаче в плен. По утверждению всё того же прапорщика Шубина Пржибышевский «отъехал вперёд от колонны на самое малое расстояние к ведущему атаку неприятельскому кавалерийскому полковнику». На генерала бросились три французских кавалериста, но им наперерез устремился какой-то российский офицер, прикрывший генерала от ударов. Однако все жертвы были напрасны, Пржибышевский снял с головы шляпу и отдал командиру 8-го гусарского полковнику Франчески свою шпагу.

Лишь его солдаты не желали сдаваться, они ещё пытались сопротивляться. В разгоревшейся суматошной перестрелке они ранили в голову лошадь под самим Пржибышевским. Прапорщик Бутырского мушкетёрского полка Денисов утверждал, что во время этого нападения кавалерии кто-то из российских генералов (Пржибышевский или Штрик) первым крикнул «Пардон!» и сдался в плен. Пржибышевский утверждает, что неподалёку от него и одновременно с ним сдался в плен и генерал-майор Селехов. Про Штрика же он вспоминал, что увидел того позднее ехавшего верхом на дороге к Брюнну, когда самого командующего 3-й колонной гнали туда пешком вместе с остатками его войск.

<***>

Пржибышевский, сдавшись в плен «ввиду всех» вместе с французским полковником подъехал со снятой шляпой к своей колонне и уговаривал солдат сложить оружие. По свидетельству капитана Курского полка Муратова 1-го генерал Селехов также «сняв шляпу велел людям сдаваться».

Очевидно, не все солдаты и офицеры желали сдаваться в плен даже в таких трагических обстоятельствах, они пытались ещё спастись бегством. Увидев невдалеке какую-то воинскую

часть, российские солдаты, почему-то, в сумерках приняли её за австрийскую пехоту и ринулись ей навстречу. Но это были французы, возможно батальон 36-го линейного полка, с которым генерал Лоше преследовал Пржибышевского, в надежде взять того в плен. Только тут российская пехота была рассеяна окончательно.

Возможно, в это время были сорваны с древков и спрятаны последние знамёна. Поручик Бутырского полка Иван Романович Лаптев, видя, что раненый портупей-прапорщик Садыков 1-й не может больше держать знамя, сорвал оное с древка и обмотал вокруг себя. Оба они попали в плен, где Садыков умер от ран, а Лаптев сберегал знамя при себе 7 месяцев, после чего нашёл способ переправить его в Россию. Портупей-прапорщик Бутырского же полка Алексей Измайлов 1-й, когда понял, что у него не остаётся никаких шансов вынести с поля боя знамя, сорвал его с древка и спрятал в шапку. Обмотав голову, как-будто бы он был в неё ранен, Измайлов сумел уберечь от обыска свою шапку, хотя несколько раз французы нарывались на него, отобрали тесак и деньги, но шапки из уважения к мнимым его ранам не тронули. Уже через несколько дней ему удалось бежать из плена и 30-го ноября он вышел в распоряжение Московского гренадерского полка, сохранив знамя.

Большинство солдат колонны Пржибышевского было взято в плен, но какой то части всё же удалось по одиночке ускользнуть от французов. Всего из 7563 человек 3-й колонны удалось спастись немногим более 2-м тысячам солдат, точнее было потеряно убитыми, ранеными и пленными 5280. Но, скорее всего эти сведения, приведённые в классическом труде Михайловского-Данилевского, ошибочны. Так у него в книге приводится численность егерей 7-го егерского полка в 3-й колонне равная – 1125, но в полковой истории, написанной С.Гулевичем гораздо позже, приводятся более точные цифры. Численность всего полка до Аустерлицкого сражения составляла 1226 нижних чинов и 39 офицеров. Во 2-ом и 3-ем батальонах бывших в составе войск 3-й колонны состояло всего 796 человек. Выбыло же из строя 700 человек, т.е. спаслось всего 96 человек.

Если принять на веру данные Михайловского-Данилевского по другим полкам, то из Галицкого мушкетёрского полка уцелело 378 человек, из Бутырского – 109, из Нарвского – 252. Следовательно, из 10-ти батальонов группировки Пржибышевского,

бывших на правом берегу Гольдбаха к своим пробилось максимум – 835 человек. Из Азовского полка якобы спаслось 590 человек, а из Подольского – 529. Всего же $590 + 529 = 1119 + 835 = 1954$ человек. Что несколько меньше чем у Данилевского. На самом деле в первый день после сражения это число следует считать ещё меньшим, т.к. многие уцелевшие после разгрома разбрелись по разным местам, очутились в Богемии и Саксонии, и пробирались долгое время самостоятельно в Россию. Ещё большее число первоначально попавших в плен солдат, бежали из него в первые же дни. Все эти вновь прибывшие позднее в полки люди не были учтены в данных Данилевского, как потери.

Известны отрывочные данные о массовых побегах русских солдат во время конвоирования их во Францию. Из одного из транспортов шедшего к Кремсу бежало несколько сотен человек. В другом, насчитывавшем в Пойсдорфе (южнее Микулова) 850 пленных, после прихода в Св. Ипполит оставалось едва 350 человек. Правда, не все русские солдаты вернулись в Россию, многие из них остались у местных жителей, нанимаясь к ним в работники, а впоследствии даже обзаведясь хозяйством и семьями.

С бежавшими из плена людьми, догнавшими вскоре русскую армию, в полки 3-й колонны было возвращено несколько знамён. К 15-му декабря 1805 года их было уже 4 – три Галицкого полка, их вынесли уже упомянутые выше фельдфебели: Бубнов, Куфаев и унтер-офицер Волков; и одно Бутырского, которое вынес портупей-прапорщик Алексей Измайлов 1-й. Унтер-офицеры Галицкого полка находясь в плену уже в г.Брюнне сговорились устроить коллективный побег, чтобы доставить в полк 3 полотнища, а также копьё-навершие и кисти одного из знамён, которые вынес фельдфебель Александр Андреев. 24-го ноября им удалось бежать, а уже 28-го числа того же месяца они доставили свои регалии в штаб-квартиру русской армии.

К концу года армию догнали ещё несколько человек вынесших из плена знамёна: подпрапорщик Курского полка Свиричевский; и рядовой Бутырского полка Яков Шанаин, который подобрал на поле боя одно из знамён полка, и спрятал на себе, за что он был произведён в унтер-офицеры и награждён 100 рублями.

В начале 1806-го года было возвращено в армию ещё несколько знамён. Одно знамя Нарвского полка с кистями вынес портупей-прапорщик Гавриленко, другое – гренадер Пётр Нестеров. Ещё два знамени этого полка были возвращены в 1806-м и 1808-м годах.

Что касается Бутырского мушкетёрского полка, в котором служил Попадичев, то, помимо 2-х знамён спасённых вышедшими из плена Измайловым 1-м и Шанаиным, в середине 1806-го года в полк были возвращены ещё два Бутырских знамени. Одно спасённое поручиком Лаптевым, другое – портупей-прапорщиком Измайловым 2-м, которое было передано при помощи капитана Яновского чиновнику министерства иностранных дел Убри, во время проезда последнего через г.Люневиль. Портупей-прапорщик Николай Кокурин спасший полковое, т.е. «белое» знамя Бутырского полка, умер в плену во французском госпитале в г.Бурже. После него знамя сохранялось унтер-офицером Михаилом Мостовским. Возвращённое в Россию в 1808-м году «белое» знамя Бутырского полка с тех пор хранилось в архиве Военного министерства. В царствование императора Николая II-го в 1905-м году знамя было передано в Бутырский 66-й пехотный полк, а имя Николая Кокурина было увековечено, высочайшим приказом 21-го ноября того же года он был навечно зачислено в списки полка.

В итоге получается, что достоверно известно о спасении 5-ти знамён Бутырского полка, хотя в полковой традиции считалось, что полк сохранил все свои знамёна, и ни одно из них не досталось врагу, возможно, что ещё одно знамя было спасено прорвавшимися из окружения людьми.

Вообще полки 3-й колонны, несмотря на страшный разгром, спасли большую часть своих знамён.

В Галицком полку спасли все знамёна.

В Нарвском полку спасли полковое «шефское» знамя и три «цветных», т.е. потеряны были 2 знамени.

В Азовском полку сохранили «белое» знамя и всего два «цветных». Три знамени могли быть взяты французами, но, сколько при Аустерлице, а, сколько при Шенграбене – неизвестно.

Про Подольский полк известно только то, что было возвращено из плена «белое» знамя. Сколько было потеряно, и когда, при Аустерлице или при Шенграбене? Точно неизвестно.

Т.е. достоверно известно, что в 5-ти полках 3-й колонны были спасены 19 знамён, возможно – 20, а могли быть потеряны 10 или 11, но часть из них (до 8-ми) при Шенграбене. Статистику портит Подольский полк, про 5 знамён которого ничего неизвестно, были ли они хоть частично сохранены, или все потеряны при Аустерлице и Шенграбене.

Два полка из 2-й колонны (Курский и Пермский) спасли 6 знамён и потеряли столько же.

В итоге получается, что максимальное число потерянных полками 2-й и 3-й колонн знамён может быть равно 17-ти.

<***>

Неожиданный огонь, открытый неприятелем в одну минуту смёл оба батальона Новгородцев, которые побежали в тыл, смяв по пути батальон Апшеронского полка, также вовлечённый в повальное бегство.

Французы, разворачиваясь на бегу, атаковали нашу колонну превосходящими силами, и менее чем в ½ часа раздавили её и рассеяли, последовательно уничтожая российские и австрийские полки. Гренадерский батальон Новгородского полка под командой шефа полка генерал-майора Сергея Репнинского 2-го, пытавшегося хоть как-то загладить вину своего полка, продержался некоторое время против атак неприятеля, пока не был почти совершенно уничтожен. Генерал Репнинский был ранен тремя пулями. Но российский император выбрал уже козла отпущения – Новгородский мушкетёрский полк.

«Сказывали потом, что государь арестовал за это весь полк на 6 месяцев. У офицеров сняли темляки, а у солдат отобрали тесаки. Так они ходили и в Туретчине. Бывало, как который бежит без тесака, это значит арестованный. Они потом отличились под Измаилом и тогда им возвратили тесаки».

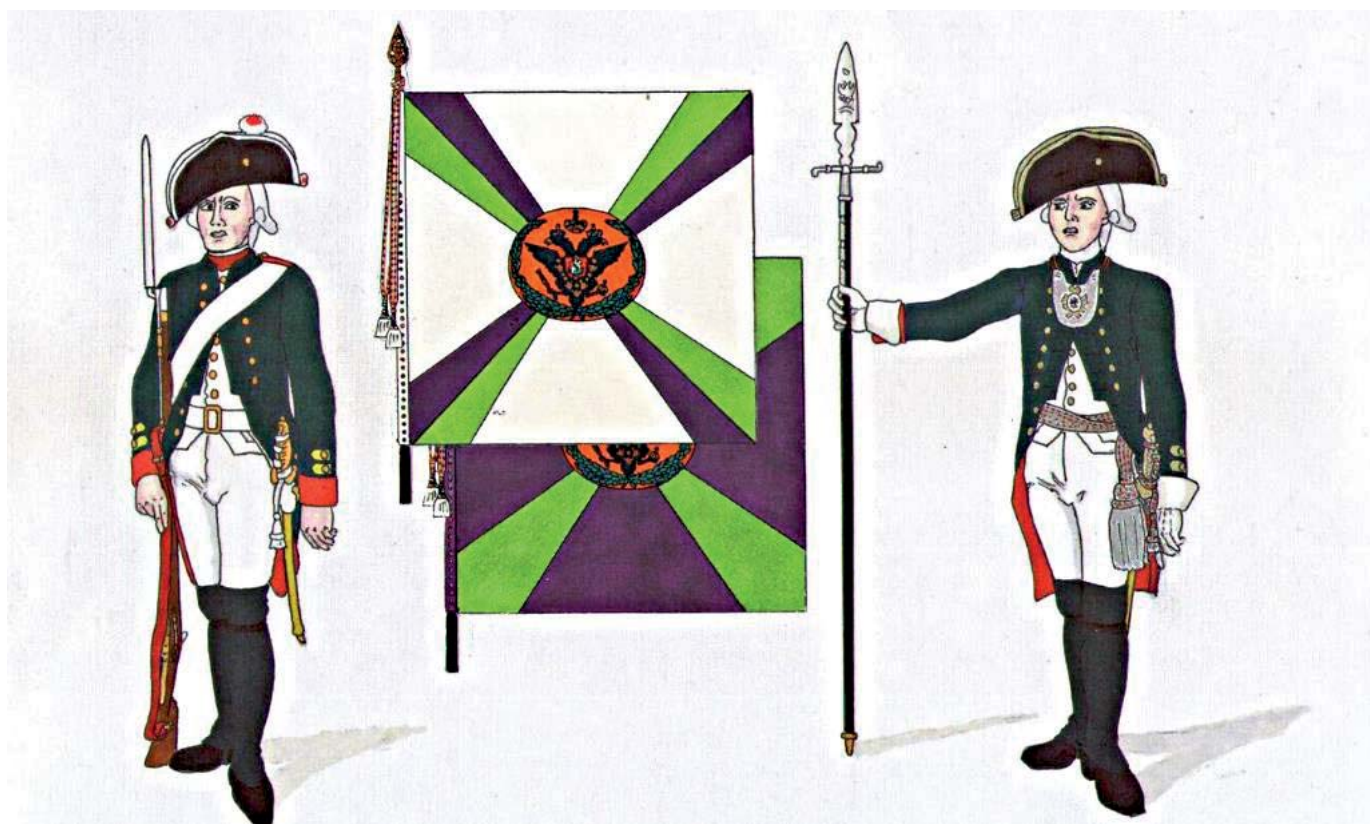
Конечно же, правильнее было бы – штрафованный, но может быть словом «арестованный» тогда хотели подчеркнуть не столько сам вид наказания, а скорее степень провинности полка, арестовать весь полк было бы проблематично, да и глупо при тотальной нехватке войск. А так - лишить офицеров на 6 месяцев производства в чины, отобрать видимые знаки офицерского достоинства - темляки, а у нижних чинов солдатского достоинства, т.е. тесаков, вполне действенная мера, своеобразный не домашний, а «окопный» арест.

Такая необычная форма наказания провинившейся воинской части не легенда, она подтверждается высочайшим императорским приказом от 16 марта 1806-го года, хотя вроде бы относится только к чинам двух мушкетёрских батальонов. Более того, нижним чинам этих батальонов было прибавлено по пять лет к сроку службы. А у всего полка были отобраны знамёна,

Впоследствии Александр I вроде бы простил полк, и за отличие в турецкой войне под Базарджиком вернул 13-го июля 1810-го года темляки и тесаки. Но вскоре император велел переформировать Новгородский полк в егерский, чтобы не оставлять даже названия, напоминавшего ему о страшном разгроме при Аустерлице. Правда, это было сделано в рамках масштабной реформы пехотных дивизий, но факт остаётся фактом, что 19-го октября 1810-го года Новгородский полк был переименован в 43-й егерский, и так и не получил ни знамён, ни тесаков.

<***>

Источник: <https://fligel-rota.ru/library/articles/vospominaniya-popadicheva-1805-god/>

Мушкетёр. Полковое и ротное знамя. Обер-офицер Черниговского мушкетёрского полка 1798 – 1801 гг.

Олег Гончаренко

**«От Аустерлица до Парижа.
Дорогами поражений и побед»***

Владимир Звегинцов**

О военных реликвиях

Пожалованный; но никогда не полученный штандарт

В библиотеке св. кн. Д.В. Голицына, в его имении Вяземы Звенигородского уезда Московской губернии, хранились различные документы, относящиеся к эпохе Отечественной войны, когда кн. Голицын командовал кирасирским корпусом, в который входили две дивизии: 1-я, ген. Депрерадовича: полки кавалергардский, лейб-гвардии Конный, лейб-кирасирские Его и Ее Величеств и Астраханский; и 2-я, ген. Дуки: полки Глуховский, Орденский, Малороссийский, Екатеринославский и Новгородский.

В числе этих документов имелся «Журнал по дежурству генерал-лейтенанта и кавалера князь Голицына исходящих бумаг».

Среди разных бумаг этого журнала находился рапорт кн. Голицына цесаревичу Константину Павловичу следующего содержания:

«Имея счастье под главным начальством Вашего Императорского Высочества командовать корпусом кирасир, неизменным долгом моим считаю поставить в виду Вашего Императорского Высочества подвиги им совершенные.

В продолжение кампании кровавые и жестокие битвы, увенчанные победами, сопровождаемые славою и истреблением врага, все без изъятия, ознаменованы отличною храбростью и знаменитыми подвигами кирасирского корпуса.

Ни буйственным стремлением, ни превосходством сил, ниже самую артиллерию, никогда он побеждён и расстроен не был, но по справедливости служил твёрдым оплотом, надеждою и новым поощрением к бою, теснимым и отступающим рядам нашим.

Предводившие кирасирскими полками, господа генералы, штаб- и обер-офицеры гордятся подвигами их и Монаршими

---

* Из книги автора-составителя Олега Геннадьевича Гончаренко «От Аустерлица до Парижа. Дорогами поражений и побед», – М.: «Вече», 2012 г.

** Владимир Николаевич Звегинцов (11.02.1891 – 27.04.1973) – русский военный историк. Последний командир Кавалергардского полка, участник Белого движения.

наградами им Всемилостивейше за то пожалованными, но сами полки не получили никакого отличия.

Полки КАВАЛЕРГАРДСКИЙ и ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННЫЙ, в самом жару сражения и буйства нападающего неприятеля, хвалиться могут спасением линий наших, от поражения при Бородине 26 августа. Под сильными картечными выстрелами, неоднократно вновь устроившись, возобновляли они атаку, удерживая собою стремление неприятеля, и истребили его.

Полки ЛЕЙБ-КИРАСИРСКИЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ, ГЛУХОВСКОЙ и МАЛОРОССИЙСКИЙ отнятием в бою пушек неприятельских 24-го и 26-го того же августа и поражением онаго.

Прочие полки сильным к тому содействием и повсеместным истреблением конных и пеших колонн неприятельских.

Каждая кирасирская атака поправляла дело! Храбрость кирасир увенчана была поражением неприятеля! Описание происходивших действий и неоднократная благодарность Главнокомандующего о том свидетельствуют!

В вознаграждение отличных подвигов, твёрдости и храбрости их, чрез сильное предстательство Вашего Императорского Высочества испрашиваю и ожидать осмеливаюсь отличной награды от Его Императорского Величества полкам: КАВАЛЕРГАРДСКОМУ, ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОМУ, ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМУ и МАЛОРОССИЙСКОМУ – ЭСТАНДАРТЫ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ.

Полкам: ОРДЕНСКОМУ, ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОМУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, НОВГОРОДСКОМУ и АСТРАХАНСКОМУ – ГЕОРГИЕВСКИЕ ТРУБЫ, удостоверяя, что отличная награда сия послужит им поощрением впредь к таким же отличным подвигам – при первом случае заслужат они то свою кровию.

Месяц декабрь 1812 года 25-го числа № 394».

Все испрашиваемые кн. Голицыным награды были утверждены императором Александром. Георгиевские штандарты были пожалованы согласно существовавшему образцам к полковым штандартам.

Подобно прочим полкам, кавалергардам было пожаловано шесть Георгиевских штандартов. Один белый, полковой, для шефского эскадрона и пять зелёных для прочих пяти эскадронов.

В рукописной книге «Магазин Образцов Комитета Главного Интендантского Управления. Интендантский музей. Отдел рисунков и чертежей № 1406» на листе 86 помещено изображение и описание пожалованных полку штандартов.

«Штандарт Георгиевский. Надпись на полотнище в один ряд "За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России. 1812 года" и далее под рисунком штандарта имеется приписка (сохранено правописание подлинника) "Лейб-Гвардии Кавалергардскому полку один штандарт белый, пять зелёных. Сделаны и отправлены 1814 года марта 27 дня"».

Несмотря на отметку в книге, что штандарты отправлены, кавалергарды их никогда не получили, равно, как не получили их и полки лейб-гвардии Конный и лейб-кирасирский Его Величества. Почему?

Дело в том, что гвардейским кирасирским полкам, а такими в 1814 году явились только эти три полка, образец штандартов был изменён.

Для двух полков Старой гвардии – кавалергарды и конно-гвардейцы – вместо прибивных к древку полотнищ был введён образец хоругвей и полотнище, прибитое к поперечной перекладине, было подвешено к древку на металлических цепях. Одновременно было изменено и число штандартов в полках. Вместо шести – по одному на эскадрон – оставлено только три – по одному на дивизион. Лейб-кирасирскому Его Величества полку – Молодая гвардия – был дан также изменённый образец штандарта – прибивной, жёлтый с синими углами. Эти три новых штандарта – жёлтое полотнище с серебряным орлом посередине, серебряными вензелями государя по углам, с серебряными же надписью и бахромой – были освящены и переданы полку только в 1817 году.

Кроме вышеупомянутых штандартов, кавалергарды за все время своего существования имели следующие штандарты. Пожалованные императором Павлом I: один штандарт подвесной, пожалованный Кавалергардскому корпусу в 1799 году, три штандарта прибивных, пожалованных Кавалергардскому корпусу в том же 1799 году, три штандарта подвесных, пожалованных кавалергардскому полку в 1880 году.

В июле 1851 года император Николай I пожаловал полку четыре новых Георгиевских штандарта, взамен старых, приурочив прибивку их к 25-летнему юбилею шефства императрицы Александры Феодоровны. Три штандарта предназначались трём дей-

ствующим дивизионам, четвёртый – запасному, или резервному. Штандарты были образца 1817 года, слегка изменённые.

В 1860 году, в царствование императора Александра II, в полках был оставлен только один штандарт, полковой, а в 1867 году изменено навершие в гвардейских кирасирских полках: прежний орёл, державший в когтях правой лапы так называемые «перуны», а в левой лавровый венок, был заменён новым орлом без перунов и венка, с укороченной шеей и увеличенными крыльями. К одной металлической цепи, державшей полотнище, добавлена вторая.

Наконец, последний Георгиевский штандарт был пожалован императором Николаем II 11 января 1899 года по случаю 100-летнего юбилея кавалергардов как строевого полка. Штандарт сохранил в общих чертах старый образец. Была изменена расцветка полотнища. Вместо жёлтого, гвардейского, дан полковой малиновый мальтийский цвет, и вместо государственного орла на полотнище помещено изображение иконы св. и пр. Захария и Елисаветы.

Этот штандарт является единственным штандартом гвардейской конницы, сохранившим изображение полковой иконы. До 1900 года все знамёна и штандарты имели образ Нерукотворного Спаса.

Кроме последнего штандарта, находившегося в строю полка, все прочие, старые штандарты хранились в полковой церкви в С.-Петербурге на Захарьевской улице. На первом клиросе стояли 7 штандартов, пожалованных Императором Павлом.

От трёх пожалованных в 1800 году и проделавших с полком все походы 1805, 1812, 1813, 1814 годов остались только древки и орлы.

На левом клиросе стояли 7 штандартов, пожалованных императором Александром I и Николаем I. От александровских штандартов, участников походов Польского в 1831 году и Венгерского 1849 года (полк дошёл только до Вилькомра), сохранились лишь древки, орлы и лоскутки полотнищ.

Говоря о штандартах вообще, нельзя не упомянуть о том, по меньшей мере, странном изменении, внесённом императором Павлом I в период его увлечения фрейлиной Анной Лопухиной. До этого времени на всех российских знамёнах и штандартах имелась надпись «С нами Бог».

Император Павел I изменил эту надпись. Вместо неё все знамёна и штандарты, за исключением только одних кавалер-

гардских, получили новую надпись: «Благодать». «Анн» – по-еврейски значит «благодать».

Как было воспринято это нововведение в войсках, видно хотя бы из стихов преображенца С.Н. Марина (впоследствии начальника внутреннего Преображенского караула в Михайловском замке в трагическую ночь 11 марта 1801 года). В одном из своих стихотворений «Бог» – Марин пишет:

Могу ли тайну ту понять,
Что Анна греческа по-русски
Святая значит Благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамёна, флаги кораблей
Любезной имени твоей?*

Сергей Андоленко**

Русские знамёна, потерянные под Аустерлицем

Сколько русских знамён было потеряно под Аустерлицем? На этот вопрос ответить точно невозможно.

Данные, извлечённые из французских источников, страдают своей неполностью. «Сорок пять», – пишет Паскаль в своей «Истории армии», не отделяя, однако, русских от австрийских. «Штандарты Русской Императорской Гвардии», – утверждает прокламация Наполеона. «40 знамён русских и австрийских», – пишет ген. Ниокс, директор Музея инвалидов, посвятивший трофеям французской армии весьма документальный труд. Отсылая взятые знамёна в Париж, Наполеон сообщает: «Мы взяли у неприятеля 45 знамён».

Из полковых историй французских полков мы извлекаем следующие данные: 42-й пехотный полк взял два русских знамени, 48-й пехотный полк тоже два, как и 108-й. 5-й кирасирский – одно неприятельское знамя; 5-й конноегерский – одно русское знамя; гвардейский конноегерский – русское знамя; 26-й конно-

---

* Пародии на оду Ломоносова.

** **Сергей Павлович Андоленко** (1907–1973) – сын драгунского офицера. Он ещё ребёнком был вынужден покинуть Россию после Гражданской войны. Поступил во французское Высшее военное училище и стал офицером Иностранного легиона. Участвовал в боевых действиях в Африке во время Второй мировой и закончил свою службу бригадным генералом французской армии, но при этом всю жизнь оставался русским, написал множество работ по военной истории России.

егерский – три штандарта; 36-й пехотный полк сообщает о взятии 13 русских знамён.

Цифра внушительная, которая всё-таки может быть принята на веру, принимая во внимание, что на этот полк была возложена миссия сбора трофеев, оставленных разбитыми в Сокольницах колоннами. Весьма возможно, что именно здесь, среди тел убитых, были найдены древки знамён, сохранённых в плену. Но если подвести и итоги, то число всё-таки не превышает 25. Это число мы и примем как указанное, по французским источникам, число потерянных русских знамён.

Перейдём теперь к русским источникам.

Немедленно после сражения русская армия подсчитала недостающие знамёна. Таких оказалось 32. Цифра значительная и которая как будто бы подтверждала победные «Бюллетени Великой армии». Не забывая того, что каждый русский пехотный полк имел в строю 6 знамён (два на батальон) и что 164 знамени принимали участие в Аустерлицком сражении, массивная потеря знамён была особенно чувствительна сердцу императора Александра.

Однако новые факты стали неизменно уменьшать цифру потерянных знамён. Уже через несколько дней после сражения отдельные солдаты стали возвращаться в свои полки с вынесенными ими полотнищами знамён. 26 декабря 1805 г., подводя итоги, **Кутузов доносил царю, что число потерянных знамён ограничивается 24.** К его рапорту был приложен список полков, потерявших знамёна. К сожалению, список этот был утерян и до нас не дошёл.

16 января 1806 г. Кутузов вновь доносил Александру о возвращении ещё четырёх знамён, представленных бежавшими из плена солдатами, и выводил заключение: «Итак, в руках неприятеля остаётся ещё 20 знамён». Пользуясь случаем, он испрашивал высочайшее разрешение прибить на новые древки все эти спасённые знамёна, честь коих не была поругана. Высочайшее разрешение последовало, и император щедро награждал отличившихся солдат. Вот полки, о которых идёт речь, и имена чинов, спасших знамёна:

КУРСКИЙ мушкетёрский – 1 знамя, спасено подпрапорщиком Лавровым. Будучи раненым, Лавров передал знамя подпрапорщику Свирчевскому, который бежал из плена (рапорт Кутузова от 24 декабря 1805 г.).

ГАЛИЦКИЙ – 3 знамени, спасены подпрапорщиками Бубновым, Куфаевым и унтер-офицером Волковым, которые бежали 24 ноября из Брюнна.

БУТЫРСКИЙ – 2 знамени, вынесенные подпрапорщиком Измайловым и рядовым Шанаиным (донесение Кутузова от 24 декабря 1805 г.).

ПЕРМСКИЙ – 3 знамени, одно из них спасено подпрапорщиком Стариковым, подробности спасения остальных двух отсутствуют (рапорт от 12 января 1806 г.).

НАРВСКИЙ – 1 знамя, вынесенное подпрапорщиком Гавриленко.

АЗОВСКИЙ – 1 знамя, спасено унтер-офицером Старичковым, умершим от ран и перед смертью передавшим знамя рядовому Чайке, Бутырского полка.

ПОДОЛЬСКИЙ – 1 знамя, вынесено подпрапорщиком Лезиком.

Все эти полки принадлежали к колоннам генерала Пржебышевского и де Ланжерона, окружённым и уничтоженным в последних боях у озёр.

История Аустерлицких знамён не останавливается на этих данных. До 1808 г. число потерянных знамён будет неуклонно уменьшаться.

7 февраля 1806 г. Кутузов доносит царю:

«Гренадер Нарвского мушкетёрского полка Пётр Нестеров нашёл под Аустерлицем на теле убитого знаменщика полковое знамя. Будучи взят в плен, он отделил его от древка и спрятал под своей одеждою, он бежал и представил мне знамя». Нестеров был произведён в унтер-офицеры и пожалован 100 рублями золотом. 27 июля 1806 г. министр иностранных дел передал государю три знамени, которые ему были присланы российским посланником в Вене. Это были:

– знамя Бутырского полка, спасённое подпоручиком Лаптевым. Лаптев доносил, что знамя было ему передано смертельно раненым подпрапорщиком Садиковым. Пленный офицер передал знамя в Люневиле русскому чиновнику Званкову, который переправил его в Вену;

– знамя Нарвского полка, спасённое капитаном Гофманом;

– знамя Пермского полка, сохранённое подполковником Кузнецовым. **Таким образом недоставало уже не 20, а 16 знамён.**

В ноябре 1806 г. генерал Эссен писал ген. – адъютанту Ливену:

«Начальник 10-й дивизии, генерал Меллер-Закомельский, отправил ко мне унтер-офицера Замарина со знаменем Азовского полка. Будучи раненным под Аустерлицем картечью и штыком и придя в себя ночью, Замарин нашёл среди тел убитых знамя, древко которого было перебито в двух местах. Отделив полотнище от древка, Замарин спрятал его в подкладке своего мундира. Находясь в плену в Дижоне, затем в Люневиле, он бежал в Австрию и достиг России. Замарин был произведён в подпоручики».

16 февраля 1808 г. ген. Меллер-Закомельский, которому было поручено возвращение в Россию пленных, дописал царю, что он привёз с собой пять знамён, сохранённых солдатами в плену после Аустерлица и переданных ему, а именно:

Знамя АЗОВСКОГО полка, спасённое подпрапорщиком Грибовским, который, умирая в Дижонском госпитале, передал его барабанщику Павлову. Опасаясь обыска, Павлов вручил знамя унтер-офицеру Шамову, который и представил его генералу в Люневиле.

Знамя НАРВСКОГО полка, спасённое подпрапорщиком Шереметевским. Высочайшим приказом Шереметевский был произведён в офицеры.

Знамя БУТЫРСКОГО полка, спасённое подпрапорщиком Кокуриным, умершим в госпитале г. Буржа. Знамя сохранил в плену унтер-офицер Мостовский, который тоже был произведён в офицеры.

Знамя ПЕРМСКОГО полка, спасённое подпрапорщиком Кублицким. Будучи тяжело раненным, он передал его в госпитале г. Аугсбурга рядовому Седичеву, Курского полка, который и представил его генералу в г. Мец.

Знамя ГАЛИЦКОГО полка, спасённое подпрапорщиком Полозовым, раненным под Аустерлицем пулями в ногу и плечо.

Эти пять знамён, доставленные в Петербург поручиком Павлоградского гусарского полка Горичем, были переданы военному министру графу Аракчееву.

Итак, недоставало только 10 знамён.

Император Александр I приказал графу Толстому, русскому послу в Париже, произвести на месте анкету, дабы установить точное число русских знамён, оставшихся во Франции. Результаты её нам неизвестны.

Что же касается последних пяти знамён, то они были забыты в министерстве и найдены случайно, только сто лет спустя,

тщательно упакованными, в полной сохранности и со всеми официальными документами, относящимися к их спасению. Так как заинтересованные полки продолжали существовать, то император Николай II вернул им эти знамёна и повелел занести навсегда в списки полков имена солдат, спасших знамёна.

Таким образом, из утраченных под Аустерлицем 32 знамён 22 были спасены, и если о судьбе 10 не было ничего известно, то это ещё не значило, что они попали в руки французов. Были, вероятно, знамёна и поглощённые озёрами, и зарытые, и, наконец, погребённые в плену с телами тех, кто их спас.

История АЗОВСКОГО полка повествует, что одно из его знамён было потеряно под Аустерлицем, но утверждает, что оно не попало в руки неприятеля. АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ полк признает взятие французами одного из своих знамён. Известно также, что МОСКОВСКИЙ мушкетёрский полк потерял два знамени, взятые 4-м пехотным французским полком.

Нам кажется, что нетрудно согласовать русскую и французскую версии, несмотря на то что от 10 до 25 всё-таки далеко. Дело в том, что, если полотнища 22 знамён были и спасены, их древки остались на поле сражения и были взяты французами. Древко же с золотым копьём, имевшим в центре двуглавого орла, с золотыми шнурами и тяжёлыми кистями, с частицами полотнища могло сойти за знамя, тем более что французы воевали тогда под «орлами», часто не имевшими полотнища. Так, взятое под Аустерлицем знамя 4-го пехотного полка было в действительности только «орлом». Это, впрочем, не помешало русским и французским художникам-баталистам изобразить на своих картинах полотнища, часто фантастические.

Отметим, наконец, что французы никогда не приводят названий полков, которые оставили в их руках знамёна. Дело в том, что при Александре I знамёна отличались только чрезвычайно сложным сочетанием цветов, определить их принадлежность могли только русские знатоки.

Из всех русских знамён, попавших во французский плен, сохранилось только одно, которое и находится в Париже, в Музее инвалидов. Оно не было взято под Аустерлицем.

В 1814 г. все взятые французской армией знамёна были сожжены в момент вступления союзников в Париж и остатки их брошены в Сену. Впоследствии металлические их части были извлечены и выставлены в музее. Среди металлических навершие есть и русские копья.

«Бой за знамя». Художник В.В. Мазуровский

Подвиг Лейб-Гвардии Конного полка, захватившего единственный ценный трофей в сражении при Аустерлице – «Орла» одного из французских полков, высоко оценили как русский император Александр I, так и французский император Наполеон.

Рядовой Гаврилов только что захватил знамя французского 4-го линейного пехотного полка с золочёным навершием в виде орла. Французские солдаты 4-го линейного пехотного полка пытаются отбить полковое знамя с орлом и закалывают штыками рядового Гаврилова. Рядовой Лейб-Гвардии Конного полка Омельченко подхватывает из рук погибающего Гаврилова знамя французского полка.

Существует легенда, что хранившиеся знамёна не были уничтожены, а укрыты в одну из гробниц собора Парижской Богоматери, но в какую именно – забыли. И вот, чтобы не тревожить покоя мертвецов и не открывать всех могил, решили будто бы оставить этот вопрос навсегда открытым.

Знамёна Азовского полка под Аустерлицем

В № 93 «Военной были» был помещён очерк истории 45-го пехотного Азовского полка. В нем довольно подробно разбирается история спасения некоторых знамён полка в Аустерлицком сражении.

Этому вопросу, чрезвычайно запутанному, я в своё время посвятил немало труда, подготавливая к печати мою книгу о потерянных и взятых знамёнах в русско-французские войны конца XVIII и начала XIX столетия.

В пути работы мне удалось ознакомиться с малоизвестными документами, позволившими мне довольно детально разработать судьбу знамён Азовского полка в Аустерлицком сражении.

О потерянных знамёнах в официальных историях писать, по понятным причинам, не любят. Чтобы установить правду, нужны долгие поиски в архивах и исторических показаниях.

Волею императора Павла в кампанию 1799 г. русские батальоны выступили с пятью знамёнами, в то время когда французы имели только одно знамя на батальон. Таким образом, русские полки, бывшие в двухбатальонном составе, должны были защищать в бою 10 знамён.

В кампаниях 1805–1807 и 1812–1814 гг. число это было понижено до шести, но всё-таки и с таким количеством знамён русские полки были поставлены в невыгодное положение по сравнению с французами, которые до 1811 г. имели только одно знамя на батальон, а с 1812 г. только одно на полк.

В те времена рукопашные схватки были обыкновённым явлением и сохранять знамёна, бывшие обязательно при бойцах, было нелегко. И русские, и французы теряли знамёна. От этой участи не были застрахованы храбрейшие полки обеих армий. И всё-таки и император Александр, и император Наполеон очень ревниво следили за своими знамёнами и строго карали потерявшие их полки.

Существует протокол принятия 19 января 1806 г. в собор Парижской Богоматери отбитых под Аустерлицем русских знамён. Таковых было 29. Правда, среди этих трофеев было не-

сколько древков без полотнищ. Принимая во внимание размеры Аустерлицкого погрома и то, что в сражении участвовало по меньшей мере 168 русских знамён, цифра в 29 потерянных знамён не может считаться исключительно большой.

В 1798 г. император Павел выдал по 10 знамён на каждый пехотный полк (егеря знамён не имели). После Цюрихского и Голландских поражений, повлекших за собой потерю знамён, решено было число их сократить. В 1802 г. каждый полк сдал в арсенал четыре знамени и оставил в строю шесть. Из этих знамён только одно (белое) считалось полковым, а пять других (цветных) – ротными.

В бою под Шенграбеном войск князя Багратиона Азовский полк особенно отличился и был пожалован Георгиевскими знамёнами (первыми в России). Вот что мы извлекаем из Высочайшего приказа 15 ноября 1805 г. (Московский отдел архива Главного штаба. Опись 152, дело № 945, лист 305 и «приказ в армию генерала Кутузова 18 ноября 1805 г.):

«...за отличие в сражении 4 ноября при Шенграбене оказанное Павлоградскому гусарскому – штандарт, Черниговскому драгунскому – штандарты, Киевскому гренадерскому, мушкетёрским Азовскому, Подольскому, двум батальонам Новгородского и одному Нарвского – знамёна, Донским казачьим Сысоева и Ханженкова – по одному знамени, все с изображением знаков Военного ордена и надписью о подвиге, а 6-му егерскому – серебряные трубы с таковой же надписью».

Надпись на знамёна, штандарты и серебряные трубы была составлена собственноручно императором Александром I: «За подвиги при Шенграбене 4 ноября 1805 года, в сражении 5-тысячного корпуса с неприятельским, из 30 тысяч состоявшим».

Но через несколько дней имело место несчастное Аустерлицкое сражение. Бывший в 3-й колонне генерала Пржибышевского окружённый Азовский полк проявил большое геройство, отмеченное участниками боя с французской стороны, но понёс тяжёлые потери*.

---

* Генерал Тьебо, который во главе своей бригады брал Сокольницкий замок, защищавшийся остатками Азовского и Подольского полков, пишет:

«Русские защищали замок с величайшей храбростью. Не было места, где они бы ни оказали упорного сопротивления. Просеки, конюшни и сараи — все было обращено в редуты. Они дрались до последней крайности. Много их полегло. Я видел солдат, оставшихся в одиночестве, дравшихся так же, как бы они то делали в кругу своего батальона. Я видел других, смертельно раненных, продолжавших заряжать свои ружья так же спокойно, как на учении».

Из 60 офицеров, 120 унтер-офицеров и 2067 рядовых он потерял 16 офицеров, 71 унтер-офицера и 1428 рядовых. Остатки полка пробивались и выходили из окружения группами или в одиночку. Только через день удалось собрать спасшихся бойцов, среди которых было немало раненых. Вечером 20 ноября все шесть знамён полка не были налицо и считались утраченными.

Император Александр тяжело переживал потерю знамён. Граф Буксгевден, несший немалую личную ответственность за поражения войск, бывших под его начальством, занял особую позицию: он во всём огульно обвинял своих подчинённых, офицеров и солдат, и требовал суровых санкций...

В его письме от 27 декабря 1805 г. графу Х.А. Ливену («Военный сборник» октябрь 1905 г. с. 189) он писал:

«...также вообще полки, лишившиеся знамён, оставлены были бы, как случалось прежде, без оных, доколь таковые в сражении впредь или отобьют неприятельские знамёна, или окажут отличную храбрость и успехи, дав о них знать полкам всех российских войск особыми предписаниями, а не чрез Высочайшие приказы, в печать издаваемые, или газеты, дабы не оглашено было сие в публике...»**

Государь внял этим советам и принял решение потерянные в бою знамёна не заменять до особого отличия, оказанного полком.

13 июля 1806 г. в всеподданнейшем докладе генерал-адъютант граф Ливен доносил (Моск. отд. арх. Гл. штаба. Оп. 152, д. № 340, л. 299):

«...но как из числа сих полков Азовским, Подольским и Нарвским в сражении 20 ноября утрачены знамёна, то, на основании Высочайшей Вашего Величества воли, дабы таковым полкам вновь знамён не давать, оные им ныне не назначаются».

Таким образом Азовский полк понёс двойную кару. Ему не только отменялось пожалование Георгиевских знамён за Шенграбен, но от него требовалось совершение подвига для замены утерянных простых знамён.

Но далеко не все считавшиеся потерянными знамёна попали в руки неприятеля. Многие из них были сорваны с древка и

** При Павле I список потерянных знамён объявлялся в печати.

сохранены на себе офицерами и солдатами, попавшими в плен, и были впоследствии возвращены в Россию.

Первым вернулось в Азовский полк знамя, спасённое Старичковым.

Вот что доносил государю Кутузов 15 января 1806 г. (статья Г.Э. Кудлинга «Аустерлицкие знамёна» в «Военном сборнике» 1906 г.): *«Бутырского мушкетёрского полка подполковник Трескин, размененный из плена от французов, представил знамя Азовского мушкетёрского полка и притом донёс, что получил он его при выезде из Брюнна Бутырского ж полка, роты имени его, от рядового Чайки, который, вручая оное, объявил: Азовского мушкетёрского полка унтер-офицер Старичков, умирая, отдал оному рядовому сие знамя, умоляя сберечь его, и скоро после сего умер».*

16 января 1806 г. Кутузов обратился к государю со следующим рапортом:

«Вынесенные разными чинами знамёна, о коих я Вашему Императорскому Величеству доносил, при полках остаются без древков, а именно: в Курском мушкетёрском – 1, Галицком – 3, Бутырском – 2, Пермском – 3, Нарвском – 1, Азовском – 1, Подольском – 1, всего 12. Вашего Императорского Величества всеподданнейше испрашиваю позволения о прибитии их по-прежнему к древкам, как оные не были ещё в руках неприятельских».

На нём имеется резолюция рукой Х.А. Ливена: «Позволить» (М.И. Кутузов. Сборник документов, том II, с. 321). Таким образом, Старичковское знамя встало в строй полка.

В ноябре 1806 г. генерал-лейтенант Эссен 1-й доносил графу Ливену из г. Дубны:

«От начальника 10-й дивизии генерал-лейтенанта барона Меллера-Закомельского представлен ко мне вышедший из плена от французов Азовского мушкетёрского полка унтер-офицер Замарин с знаменем того полка, которое он спас во время бывшего под Аустерлицем сражения. Унтер-офицер сей показывает, что он в сражении 20 ноября прошедшего года, будучи ранен в левую ногу картечью и в левый бок штыком, оставался на поле до самой ночи, а когда, собравшись с силами, приподнялся, то между убитыми нашёл с раздроблённою в двух местах древкою, без копья и подтока, Российское знамя, которое, тотчас оторвав от древки, зашил к себе в мундирный рукав, за подкладку. На другом день жителями

найден он на месте сражения и, по объявлению их, с прочими нижними чинами взят французами в плен и доставлен в их лагерь, а потом в город Брюнн, оттоль, чрез Страсбург, во Францию, в город Дижон, где находился три месяца в госпитале, а по выздоровлении, имея всё при себе знамя, отправлен в город Люневиль для определения в французскую службу, о чем он, узнавши, бежал и при цесарском транспорте добрался до города Вены, а отсель с тридцатью тремя человеками, бывшими в пути под его командою, вышел в Россию» (Кудлинг Г.Э. Аустерлицкие знамёна//Военный сборник. 1906).

Знамя это было также возвращено в полк, прибито к новому древку и поставлено в строй. Замарин происходил из дворцовых крестьян, в службе состоял 24 года, в чине унтер-офицера 12 лет. Высочайшим приказом 20 декабря 1806 г. он был уволен от службы подпоручиком, с мундиром и с пенсионом полного жалования.

Прошёл ещё год, и Азовский полк был осчастливлен известием о спасении его полкового знамени (белого).

В 1807 г. для вывода из Франции русских пленных был назначен ген. – майор барон Меллер-Закомельский. По прибытии в Люневиль он получил от солдат пять спасённых ими знамён. Среди них было и белое знамя Азовского полка. Вот что донёс об этом знамени генерал 16 февраля 1808 г.:

«Белое знамя Азовского мушкетёрского полка, спасённое во время Аустерлицкой баталии того же полка подпрапорщиком Грибовским, который, находясь уже во Франции пленным в городе Дижоне, в госпитале умер, а после его хранено было сие знамя барабанщиком Кирилою Павловым, который, быв угрожаем от французов обыском, отдал оное знамя того же полка унтер-офицеру Шамову, а сей с того времени хранил при себе и представил по команде уже по прибытии в город Люневиль, при формировании временных батальонов» (Г.Э. Кудлинг).

Однако это знамя в полк возвращено не было (до 1905 г.). В 1810 г. генерал Дохтуров поднял вопрос о возвращении этих знамён полкам, но государь ответил, «чтобы полки заслужили себе в деле потерянные знамёна», видно, упуская из виду, что все эти пять знамён не были «потеряны», а были «спасены», т.е. не были в руках у неприятеля.

А тем временем войны продолжались и наказанные полки отличались.

Первым удостоился прощения и боевой награды Азовский мушкетёрский полк, получивший за свои подвиги в Русско-шведскую войну 1808–1809 гг. простые знамёна, взамен утраченных им в сражении 20 ноября 1805 г. О таком награждении этого полка просил генерал граф Каменский следующим рапортом от 28 августа 1809 г. военному министру:

«Оказанные услуги в Финляндии в течение как прошлой, так и нынешней кампании Азовским полком поставляют меня в обязанность, отдав пред начальством должную справедливость, просить в награждение Азовскому полку, так как он во время Аустерлицкого сражения потерял некоторое число знамён, дачи полного положенного числа новых знамён, но не отличных, а обыкновенных». (Моск. отд. архива Гл. штаба. Оп. 152, д. № 435, л. 284).

О таком же награждении Азовского полка просил и главнокомандующий генерал Барклай де Толли всеподданнейшим рапортом от 16 сентября 1809 г. На обоих этих рапортах имеется резолюция графа Аракчеева: «Высочайше утверждено 18 сентября».

В «Документе о русских знамёнах начала XIX века», найденном Г. Габаевым, значится: «Азовскому мушкетёрскому полку четыре знамя сделаны и отправлены в 1809 году ноября 26 дня».

Полк получил четыре знамени образца 1803 г., 1 белое и 3 цветных. Белое же знамя образца 1797 г. продолжало почивать в архивах. Однако полученные знамёна были не Георгиевскими, а только простыми. Подвиг при Шенграбене был забыт.

В 1812 г., по свидетельству Г. Габаева («Роспись русским полкам 1812 г.», с. 157) Азовский полк имел «2 знамени образца 1797 г., пожалованные в 1798 г. и 4 знамени образца 1803 г., пожалованные 8 января 1810 г. 1) за отличие против шведов, взамен считавшихся утраченными в 1805 г.».

Из всего этого следует, что под Аустерлицем Азовский полк потерял не четыре, а три ротных знамени.

Но тут неожиданно внесла сомнение в умы вышедшая в 1903 г. опись Жерве «Знамёнам, штандартам, хранящимся в артиллерийском историческом музее». Жерве писал, что в музее находилось 9 знамён образца 1797 г. Азовского полка. Если принять в расчёт, что знамя, спасённое Старичковым, стояло с

1866 г. в Калужском соборе, то выходило, что Азовский полк никогда знамён не терял, т.к. в 1903 г. налицо были все 10 знамён, пожалованных ему в 1798 г.

Это шло вразрез с теми документами, которые мы привели, и, главное, с тем фактом, что в архивах Военного министерства хранилось ещё белое знамя, спасённое Грибовским. Таким образом, налицо было уже не 10, а 11 знамён, вместо 10 пожалованных, что было, конечно, невозможно.

Но, описывая знамёна, Жерве отмечал, что полотнища совершенно утратили свой первоначальный вид и что древки были разные. Можно утверждать, что в Артиллерийском музее стояли не знамёна образца 1797 г., а знамёна образцов 1797 и 1803 гг., а именно 5 знамён образца 1797 г. и 4 образца 1803 г. Прибавив к ним 2 знамени, хранившиеся в Калуге и в министерстве, получается 11 знамён. Для того чтобы установить потерю 1805 г., следует вычесть это число из общего числа пожалованных полку знамён в 1798 и 1809 гг., т.е. 14, что подтверждает цифру 3. Попали ли они все три в руки неприятеля, установить совершенно невозможно. Все русские знамёна, взятые под Аустерлицем, в 1814 г. были тщательно запрятаны парижским архиепископом и его викарием. Оба скоро умерли, не открыв своей тайны. До сего дня эти знамёна где-то почивают. Их долго искали, но никогда не нашли.

Русские знамёна не носили никаких надписей и различались между собой только расцветкой, для французов они всегда оставались «неизвестными». Правда, император Александр I посылал в Париж генерала графа Толстого с поручением, не привлекая внимания французов, опознать эти знамёна. Исполнил ли Толстой это поручение, нам неизвестно.

Не лишено интереса напомнить, как император Николай II исправил несправедливость, допущенную императором Александром I, не вернувшим Азовскому полку его полкового знамени, спасённого Грибовским.

В 1897 и 1898 гг. производилась отправка книг, планов и карт военно-учёного и общего архивов Главного штаба в его московское отделение, причём во время этих работ были обнаружены хранящимися в одной из ниш архива 7 старых знамён. Среди них были 5 знамён, вывезенных из Франции в 1808 г. ген. Меллером-Закомельским. Все знамёна были снабжены ярлыками с подписью генерала и описанием их спасения. Знамёна

эти хранились до 1816 г. в архиве военно-походной Его Величества канцелярии, а затем, по её упразднении, были переданы в архив инспекторского департамента, впоследствии переименованный в общий архив Главного штаба, и там... забыты.

Дело было доложено государю, и вот что он решил:

«В 21 день ноября сего 1905 г. по всеподданнейшем докладе Его Императорскому Величеству, Государь Император, принимая во внимание, что на знамёна эти, как не бывшие в руках неприятеля, справедливее смотреть как на спасённые, нежели как на утраченные, и, имея в виду, что вышеуказанные полки участвовали в последующих войнах России и имеют за это участие боевые отличия, Высочайше повелеть соизволил: 1) на передачу пехотным полкам... 45-му Азовскому генерала-фельдмаршала графа Головина, ныне Е.И.В. Вел. Князя Бориса Владимировича... их старых знамён, спасённых чинами сих полков во время Аустерлицкой баталии, для вечного хранения их при полках; и 2) на зачисление в списки этих полков лиц, спасших означенные знамёна» («Русский инвалид», 1905 г.).

Так в списки полка был занесён прапорщик Грибовский, а 25 февраля 1906 г. и унтер-офицер Старичков.

Георгиевский штандарт Санкт-Петербургских улан

То победители, то побеждённые, и русские и французы имели право приписывать себе успех. Они у нас брали «орлы», мы у них, знамёна...

Ген. Сен-Шаман

Во времена Наполеоновских войн первое место во французской кавалерии, по числу отбитых русских знамён, занимал 1-й кирасирский полк, взявший 25 января (6 февраля) 1807 г., под д. Гоф, три знамени Костромского и одно Днепровского мушкетёрских полков*. В русской же коннице такое же место принадлежало 1-му уланскому (тогда драгунскому) С.-Петербургскому полку, также отличившемуся отбитием четырёх «орлов», одного в 1805 г., двух в 1807 г. и ещё одного – в 1812 г.

«Ни один полк Русской армии не стяжал подобного отличия, – писал ген. Михайловский-Данилевский, – ни один из них не вырвал трёх "орлов" из рядов наполеоновской армии в вой-

---

* Но оставивший свой собственный штандарт в Тарутинском сражении в руках казаков Донской бригады полковника Сысоева 3-го.

ны 1805, 1806 и 1807 гг.». Высочайшим приказом от 22 ноября 1808 г. С.-Петербургскому драгунскому полку были пожалованы Георгиевские штандарты с надписями: «За взятие у французов трёх знамён в сражениях 1805 г. ноября 8 при Гаузете и 1807 г. января 26 и 27 под г. Прейсиш-Эйлау». Препровождая штандарты в полк, император Александр I писал:

«Оказанные Нам услуги в продолжение двух кампаний противу французских войск, во время коих, преоборяя все опасности, вы, своею храбростью и неустрашимым мужеством, в сражениях 8 ноября 1805 г. под д. Гаузет и 1807 г. генваря 26 и 27 чисел при Прейсиш-Эйлау, отняли у неприятеля три знамя, обращают особенное Наше внимание».

Эпизоды эти русскими историками вполне разработаны никогда не были, и даже в солидной полковой истории С.-Петербургского полка, составленный ген. Каменским (изд. 1900 г.), три этих отбитых «орла» опознаны не были. Пополняем посильно этот пробел.

«Орёл» I эскадрона II драгунского полка, отбитый 8/20 ноября 1805 г. в бою на Рауснице**

9 ноября Кутузов доносил императору Александру I:

«Вчерашнего числа, перед вечером, из простой перестрелки на аванпостах, сделалось, наконец, серьёзное кавалерийское дело. Неприятель побит и потерял 11-го драгунского полка 1-го эскадрона штандарт, который взят С.-Петербургского драгунского полку рядовым Чумаковым. Штандарт Вашему Императорскому Величеству щастие имею представить».

В тот же день Кутузов объявил войскам о подвиге Чумакова:

«С.-Петербургского драгунского полку, драгун Дмитрий Чумаков, отнявший в сражении у неприятеля штандарт, производится за таковое отличие и оказанную храбрость в унтер-офицеры; сверх того, Его Императорское Величество жалует ему сто червонцев».

Оба эти документа остались неизвестными полковому историку, который пишет, что штандарт был отбит от «кирасир», но приводит подробности его взятия дивизионом майора Гернгросса:

** Деревня Гаузет, о которой говорит русская реляция, не обозначена ни на одной современной карте.

«Вот вахмистр Евдокимов, здоровый и храбрый детина, грудью лошади налегает на неприятельского эстандарт-юнкера, сшибает его с коня, а затем, кинувшись на командира французского эскадрона кирасир, рассекает его ударом палаша. Вот рядовой Чумаков храбро влетает в неприятельский фронт, ударами палаша сшибает несколько кирасир и, завидя штандарт, внезапно осеняется мыслью захватить его. Он сильнее прищпоривает коня и, подскочив к штандарту, смело схватывает его за древко и, несясь рядом с штандартным унтер-офицером, в молчаливой, но ожесточённой борьбе оспаривает честь захватить штандарт в свои руки. Вахмистр Евдокимов и тут подоспел на выручку, он скачет наперерез штандарту и ловким ударом палаша наносит смертельный удар его защитнику. Счастливый Чумаков выхватывает штандарт из рук помертвевшего француза...»

Взятый штандарт был представлен государю адъютантом Кутузова, подпоручиком лейб-гв. Семёновского полка Бибиковым и отправлен в С.-Петербург, где он был поставлен в Петропавловский собор. Вахмистр Никита Евдокимов был впоследствии награждён «особым золотым знаком отличия». Отметим, что полковая история называет Чумакова не Дмитрием, а Иваном.

Французские источники подтверждают потерю штандарта. Полковая история 11-го драгунского полка отмечает смерть в бою командира полка, полковника Бурдона, и пишет:

«2-й эскадрон, который шёл на правом фланге, был атакован и принужден к отступлению врассыпную. В беспорядке штандартный унтер-офицер был убит и его «орёл» потерян»^{*} Тут маленькое противоречие. Кутузов, имевший штандарт в руках, прочёл на нем «1-й эскадрон». Противоречие это легко было бы разрешить, если бы существовал точный список знамён, хранившихся в Петропавловском соборе, но такого списка не было. Только в описании Петропавловского собора Новосёлова, вышедшем в 1857 г. есть упоминание о поступлении в собор этого штандарта, но Новосёлов, совершенно игнорировавший дело под Раусницем, считал, что трофеем этот был не штандарт, а знамя, отбитое Багратионом под Шенграбеном.

---

^{*} В кампанию 1805–1807 гг. французские кавалерийские полки имели четыре «орла», по одному на эскадрон. В 1812 г. число их было ограничено одним на полк.

В бою у Раусница 11-й драгунский полк потерял и другой штандарт, но бросившийся на русских капитан 9-го гусарского полка Матэрэ лично отбил его и вернул драгунам.

Через несколько дней имело место Аустерлицкое сражение, в котором С.-Петербургские драгуны потеряли свой обоз, а с ним и полковой архив.

Только по возвращении в Россию был составлен рапорт о Раусницком бое, но его автор, по небрежности, вместо 8 ноября отнёс это дело к 28-му. Императорская Главная квартира запросила Кутузова, были ли боевые столкновения 28-го, т.е. после Аустерлицкого сражения. Кутузов ответил отрицательно, и С.-Петербургский полк остался без награды. Взятый им штандарт, видно, уже забыли. Правда была восстановлена только в 1808 г., но тогда были уже отбиты два других «орла».

«Орёл» 2-го батальона 18-го пехотного линейного полка, взятый 26 января (7 февраля), в первый день сражения под Прейсиш-Эйлау

В этот день арьергард кн. Багратиона, отбиваясь шаг за шагом, отходил на Эйлау, энергично преследуемый французами. Положение становилось критическим, и Багратион послал своего адъютанта, известного Дениса Давыдова, к Беннигсену просить содействия конницы. Беннигсен разрешил Давыдову взять два первых, попавшихся ему под руку кавалерийских полка. Случай пал на литовских улан и С.-Петербургских драгун, которых Давыдов повёл рысью на поле боя. Драгуны немедленно атаковали одну из наседавших на Багратиона пехотных колонн. Наблюдавший атаку ген. Ермолов пишет:

«Полковник Дехтерев, с петербургскими драгунами, атаковал колонну, которая шла по большой дороге. Французы покинули её, чтобы развернуться в покрытом снегом поле. Поспешность этого перестроения повлекла за собой некоторый беспорядок, которым воспользовались драгуны. Встреченные редким огнём, они увидели свою решительность вознаградённой одним "орлом" и 500 пленными... Никогда не видал я столь стремительной атаки. Я был поражён видом этого полка, несущегося в образцовом порядке по покрытым снегом скатам».

Со своей стороны, французский полковник Ланглуа рассказывает:

«Когда 18-й полк, энергично тесня русскую пехоту, достиг возвышенности, он был внезапно атакован массой конницы, которая проникла в интервалы, не дав батальонам время построить каре. Схватка была отчаянной... когда 13-й конно-егерский и драгунская дивизия Клейна прискакали на выручку 18-му, от него оставалось только несколько десятков бойцов, с оружием в руках защищавших ещё честь полка, но несчастье уже свершилось. Генерал Лавассер, все шт. офицеры и много офицеров и солдат были тяжело ранены, и, что хуже всего, потерян "орёл"».

История С.-Петербургского полка приводит следующие подробности:

«А вот несётся ещё кучка драгун, они врезаются в середину пехоты, очищая себе путь, валят палашами французов и доскакивают до знамени. Рядовой Василий Подворотный сшибает грудью лошади с ног знаменщика, хватается за знамя и между ними происходит борьба, знаменщик вскочил с земли, ухватился обеими руками за знамя и не отдаёт его. Несколько пуль ранят лошадь Подворотного, но вот подскочил рядовой Дерягин, полоснул знаменщика, тот упал, и знамя осталось в руках у Подворотного. Подскочил и трубач Логинов и стал защищать Подворотного от набежавших на него французов. С другой стороны прискакал прапорщик Апраксин с рядовым Ерофеевым и вахмистром Фоминым и удержали французов. Но тут же исколотый штыками прапорщик Апраксин был свален с коня и не пожелал быть убранным. "Оставьте меня умирать здесь, спасайте знамя", – сказал он и скоро умер... Высока была честь заслужить себе славу и взять такой дорогой трофей от храбрых французских войск, но не дёшево и полку стоил этот день. Убиты подпоручик Верещагин и прапорщик Апраксин и 18 ниж. чинов, ранены 2 офицера и 16 ниж. чинов».

«Орёл» был взят опять дивизионом майора Гернгросса и вновь в атаке отличился вахмистр Евдокимов. Майор Гернгросс был пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени, а вахмистр Никита Евдокимов. Степан Фомин, рядовые Василий Подворотный, Савелий Дрягин, Ефим Ерофеев и трубач Филипп Логинов награждены были знаком отличия Военного ордена*.

---

* Майор Гернгросс, вахмистр Евдокимов и рядовой Дерягин вскоре после этого прияли смерть храбрых в Фридландском сражении.

20-й бюллетень Великой армии признавал потерю знамени: «"Орёл" одного из батальонов 18-го полка не был найден после боя, он, вероятно, попал в руки неприятеля. Эту потерю нельзя, однако, поставить этому полку в упрёк. В положении, в котором полк находился, это только несчастный случай. Император даст ему другой "орёл", когда он в свою очередь возьмёт у неприятеля знамя». В архивах Ж. Брюнон мы нашли несколько оригинальных писем лейтенанта Лакомба, 18-го полка, в которых он живо передаёт чувства его товарищей после потери знамени:

«Самая тяжёлая для нас утрата – это потеря нашего "орла". Во время атаки казаков знаменщик 2-го батальона был изрублен. Прикрытие защищалось с большой храбростью, но, изнемогая под ударами сильнейшего в числе противника, всё полегло. Понятие чести, которое мы связываем с этой эмблемой, причиняет нам самое большое горе. Нашей репутации нанесён тяжёлый удар...» На закате дня взвод петербургских драгун торжественно провёз отбитое знамя перед фронтом русских полков. Сюжет достойный кисти художника.

«Орёл» 1-го батальона 44-го пехотного линейного полка, взятый 27 января (8 февраля) 1807 г. во второй день сражения под Прейсиш-Эйлау

В полковой истории маленькая краткая заметка:

«И в этот второй день Эйлауского сражения Петербургский драгунский полк выказал много доблести и мужества. Ему и в этом сражении удалось вырвать у неприятеля новый трофей его победы. Опять французское знамя развевалось в строю петербургских драгун. Когда наша конница, несясь в первую атаку, погнала французскую пехоту, дравшуюся с первой линией нашей пехоты, рядовой Яков Скрипников налетел на французского знаменщика, опрокинул его и вырвал у него "орла"». Тут все туманно... никто не удосужился просто прочесть номер, стоявший на подножии «орла». Видно, что полковой историк не обладал почти никакими данными об этом эпизоде. Отметим также, что в списке награждённых знаком отличия Военного ордена значится вовсе не Скрипников, а Яков Сырников.

Но опознать взятый «орёл» и восстановить картину его взятия не так уже трудно. Из рапортов Беннигсена и наших розысков в архивах известно, что под Прейсиш-Эйлау только два

русских кавалерийских полка овладели знамёнами, орденские кирасиры и С.-Петербургские драгуны, а по ходу сражения 27 января видно, что орденцы атаковали дивизию Едэло, корпуса маршала Ожеро, а петербуржцы – дивизию Дежарден, того же корпуса.

Во французских источниках есть много свидетельств, опубликованных в печати, о потере «орла» 1-го батальона 44-го полка, входившего в состав дивизии ген. Дежардена. Судя по показаниям свидетелей, «орёл» был сбит картечью со знамени, а бросившийся его подобрать знаменщик пал под сабельным ударом «русского драгуна». Вот почему можно утверждать, что третий трофей С.-Петербургского полка принадлежал именно 44-му полку.

Известны свидетельства некоторых французов, видевших это знамя в русских руках. Так, взятый в плен сержант 14-го пехотного полка Лекуант видел его в ставке Беннигсена, на поле сражения, а капитан 26-го Лёгкого полка Руссель в Кенигсберге.

Взятые под Эйлау знамёна были отправлены в С.-Петербург, торжественно провезены по улицам столицы эскадроном кавалергардов и поставлены в Петропавловский собор.

12 октября 1812 г. по приказанию гр. Аракчева в собор явился подполковник Касторский и взял оттуда все французские «орлы». С тех пор след их потерялся. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Но С.-Петербургские драгуны взяли ещё одного, четвёртого, «орла» в 1812 г.

«Орёл» 14-го кирасирского полка, взятый 16 (28) ноября 1812 г. на Березине, между д. Стахов и Брили

Штандарт этот, стоявший в Казанском соборе, был помечен: «Взят майором бароном Петром Гильденгоф СПб драгунского полка, на Березине».

16 ноября, прикрывая переправу Наполеона у Борисова, кирасирская дивизия ген. Думерка, вернее её жалкие остатки, яростно атаковала войска Чичагова, порубила три русских егерских полка и опрокинула одну дивизию, взяв 2000 пленных. Кирасиры подверглись затем атаке С.-Петербургских драгун и павлоградских гусар, были, в свою очередь, опрокинуты и оставили в руках русской кавалерии два штандарта, один из коих был взят С.-Петербургским полком.

Полковой историк, ген. Каменский, пишет:

«Разбирая старые полковые дела, присланные из г. Слуцка, где они были оставлены полком, нами найден следующий интересный документ:

"Командиру С.-Петербургского драгунского полка

Того же полка, майора Гильденгофа, рапорт:

Во исполнение повеления Вашего Высокоблагородия от 22 октября 1814 г. за № 667, данное мне от г.г. обер-офицеров свидетельство, что я действительно в прошлом 1812 году, при переправе неприятельской главной армии через р. Березину, с двумя эскадронами, оказал подвиг: разбил кирасир, взял штандарт, капитана и несколько кирасир и при том доношу, что взятый мной штандарт был лично отдан отрядным начальником генерал-адмиралу и кавалеру Чичагову, за что и был представлен с прочими к награждению. Причём Вашему Высокоблагородию оный оригинал представить честь имею и покорнейше прошу не оставить представлением главному начальству, для доведения сего подвига до особы Его Императорского Величества.

Майор Гильденгоф марта 10 дня 1815 г."

Первое представление было утеряно, а второе не мог подтвердить граф Мантейфель, ибо был убит в сражении под Лейпцигом. Барон Гильденгоф остался без награды, и вообще подвиг его был забыт... даже в полку».

Отметим, что за взятие «орлов» в 1812 г. полков не награждали. Единственным исключением был лейб-гв. Уланский полк, и то, из двух взятых им под Красным «орлов» учли только один. 22 же баварских знамени, найденных лейб-уланами в отбитом фургоне, вообще не были приняты во внимание.

Знамёна Великой армии, отбитые в 1812 году

В 1909 г. вышел труд ген. Геккеля «Трофеи войн 1812–13–14 гг.» Это список трофеев, сохранившихся в Казанском соборе, из числа тех, которые были регулярно сданы частями во время кампании. В нём немало погрешностей, ошибок и пробелов, но он является единственным описанием того, что сохранилось в соборе, из которого многое было выкрадено «посетителями». Отметим, что мы совсем не уверены, что все трофеи 1812 г. были сданы в Казанский собор.

В 1913 г. полк. Чуйкевич в своей работе, посвящённой кампании 1812 г., сделал попытку подвести итоги трофеям русской армии. В ней также немало ошибок и пробелов. Эти два изда-

ния являются единственными известными нам попытками выявить трофеи 1812 г. Такие отрывочные и часто противоречивые данные разбросаны в многочисленных трудах, как русских, так и иностранных. Поскольку можно судить, богатейшие русские архивы разработаны в этом направлении не были. Когда французский художник Эдуард Дегайль в конце прошлого столетия запросил русский Генеральный штаб о французских знамёнах, хранившихся в России, ему прислали список того, что находилось в Казанском соборе, но сообщили, что в русских архивах нет указаний о том, при каких обстоятельствах знамёна эти попали в русские руки.

Что касается архивов французских, то они, в порядке политической чистки после падения Империи, немало пострадали. Сведения, которые они дают, весьма отрывочны. По сей день, в военной исторической литературе вопрос о трофеях 1812 г. полностью разработан не был. Приводя здесь всё, что нам удалось собрать после долгих и кропотливых розысков, нам остаётся выразить сожаление, что и в нашей работе есть ещё много пробелов и, вероятно, немало ошибок.

Прежде всего следует отметить, что при наличии почти полного уничтожения Великой армии число потерянных ею знамён было, в общем, ограничено. Французы сделали все, что было в их силах, чтобы спасти знамёна. Так, из 35 полков линейной французской пехоты мы не определили судьбу только двух «орлов», 4 были уничтожены, 24 были спасены и только 5 попали в руки русских войск. Сам Кутузов в донесении его императору Александру I от 7 до 19 декабря так объясняет малое количество трофеев:

«Имея счастье повергать к стопам В.И.В. забираемые у неприятеля знамёна 264 и штандарты, долгом моим щитаю представить приказ от Наполеона выданный, коим повелено, оставя при каждом комплектном полку по одному только "орлу", все остальное отправить в депо. Из сего В.И.В. усмотреть изволите трудность, которая представлялась в приобретении неприятельских "орлов"».

Действительно, с 1811 г. во французской армии находилось в строю только одно знамя на полк, когда в русской их было по два на каждый батальон. Но наряду с официальными полковыми знамёнами, которые, собственно, и являются трофеями, французские войска имели ещё по одному значку на батальон, которые не имели никакой ценности.

Мало знакомые с регламентацией французской армии, русские часто принимали за знамёна не только батальонные значки, но и значки, которые носили на алебардах ассистенты при «орлах» и даже подвязанные к трубам платы. Вот почему разобратся в трофеях 1812 г., исследуя только современные русские документы, чрезвычайно трудно.

Справедливость требует также отметить, что некоторые знамёна не были взяты в бою, а просто подобраны на поле боя, среди убитых и замёрзших воинов Великой армии. Вот что нам удалось установить.

25/27 июля в Кобрине, в руки войск ген. Торماسова, при сдаче в плен после боя остатков саксонской бригады ген. Клингеля достались два знамени и два штандарта. Знамёна принадлежали 1-му батальону Королевского и 2-му батальону Неземеншельского пехотных саксонских полков, а оба штандарта уланскому Клемента полку. 1) Знамёна и один из штандартов находились в Казанском соборе (второй штандарт из собора исчез). Нам не удалось установить, кто именно взял эти трофеи.

8/20 сентября у Несевичи взвод Александрийского гусарского полка поручика гр. Буксгевдена отбил в бою три штандарта австрийского легкоконного полка О. Рейи. Штандарты эти были возвращены, в 1812-м же году, Австрии и находятся сейчас в Вене.

8/20 сентября под Ригой рядовой Идрик, 3-го егерского полка, взял в бою прусский значок. Попав затем в плен, он сохранил значок на себе и, будучи в феврале 1813 г. освобождён из плена, представил его Витгенштейну. Дальнейшая судьба значка неизвестна.

29 сент./11 октября при взятии штурмом Вереи рядовой Старостенко, Вильманстрандского пехотного полка, взял знамя 1-го батальона 6-го Вестфальского пехотного полка. Знамя находилось в Казанском соборе.

6/18 октября в Тарутинском сражении донская казачья бригада ген. Сысоева 3-го взяла штандарт 1-го французского кирасирского полка. Кто именно взял штандарт, неизвестно. Защищавший его корнет де Берлемон получил 13 ран. Штандарт этот находится теперь в Московском Историческом музее.

12/24 октября у о. Глубокого обозы 6-го (баварского) корпуса и их прикрытие были внезапно атакованы гвардейской кон-

ницей. Эскадрон лб.-гв. уланского полка (а не лб.-гв. гусарского, как о том говорят некоторые источники) поручика Глазенапа, отбил фургон, в котором найдено 22 баварских знамени, принадлежавших 11-й баварским пехотным полкам. Все эти знамёна, за слабосильностью баварских полков (1500 бойцов в 11 полках), были упакованы и помещены в фургон. Это дело дало повод наградить знаком отличия Военного ордена особенно отличившихся в 1812 г. лейб-улан, а именно унтер-офицеров Кондратенко и Глоба, рядовых Прокофьева, Крохмалева, Коваленко, Демьяненко, Рябенко, Вороха, Чичика, Никитенко, Нагорнаго, Мораханова, Петрова, Давыдова, Хотицкого, Галушко, Селиванова и трубача Окунева. Эти знамёна потом находились в Казанском соборе, причём некоторые из них были ошибочно прибиты не к своим древкам.

13/31 октября у Малоярославца, по свидетельству ген. Ермолова, не подтверждённому другими источниками, казаки Платова отбили одно польское знамя. В Казанском соборе находилось одно древко, с дощечкой «орла», которое, по мнению одного польского историка, могло принадлежать 15-му польскому пехотному полку, который сильно пострадал в бою с казаками под Малоярославцем.

19/31 октября у Колоцкого монастыря Атаманский полк отбил, по русским источникам, «два знамени», в действительности батальонные значки 1-го и 2-го батальонов 7-го французского полка лёгкой пехоты. Оба значка находились в Казанском соборе, причём значок 2-го батальона был прикреплен к древку с «орлом» от польского знамени. По этому случаю польский «орёл» был ошибочно приписан 7-му пехотному польскому полку.

22 окт./3 ноября у Вязьмы казаки Платова отбили батальонный значок 3-го батальона 7-го французского полка лёгкой пехоты.

Ген. Крейц свидетельствует также о взятии в тот же день, под Вязьмой, двух других пехотных французских значков, сибирскими и курляндскими драгунами, о которых русские официальные рапорты не упоминают. Возможно, что это были значки 4-го и 6-го батальонов того же 7-го полка, которые также поступили в К.С.* Отметим, что полковой «орёл» 7-го лёгкого полка, повреждённый русским ядром в Прейсиш-Эйлауском сражении, был спасён французами и вынесен из России.

---

* Читать всюду «Казанский собор».

Чуйкевич пишет, что между 16/28 окт. и 24 окт./4 ноября, при преследовании от Малоярославца, было взято одно французское знамя, о котором не упоминают современные русские документы. Вероятно, это штандарт 28-го французского драгунского полка, разбитого в этом районе донцами. Штандарт был найден у жителей в феврале 1813 г. и препровожден в К.С. Был ли он взят и не представлен по начальству или просто найден, неизвестно. С 1911 г. он находился в Юхновском соборе.

24 окт./6 ноября между Вязьмой и Дорогобужем были взяты «два гвардейских штандарта», в действительности оказавшиеся трубаческими платами, найденными казаками на телах убитых трубачей 2-го гвардейского уланского (голландского) полка, совершенно изрубленного эскадрона капитана Шнейтера. В России находилось 7 таких платов, принятых по ошибке за штандарты.

26 окт./8 ноября у Базикова полк. Тарасов, командовавший донским казачьим Иловайского 3-го полком, собственноручно взял одно знамя, определить которое мы не смогли.

3/15 ноября в ночном бою на улицах Волковыска рядовой Мисотников, Вятского пехотного полка, взял знамя 2-го батальона саксонского пехотного полка Фридриха-Августа. Потерявший знамя знаменщик Штейнбах был выгнан с позором из полка и брошен на произвол судьбы.

3/15 ноября у Кай дан Старо дубовский драгунский полк взял два польских знамени, которые были сданы в К.С. Определить полки, которым принадлежали знамёна, не удалось. Геккель пишет о 14-м пехотном польском полку, который в действительности не принял участия в этом деле. Неизвестно и кто взял эти знамёна. Командовал стародубовцами полковник Наний.

Между 3/15 и 6/18 ноября в сражениях под Красным было взято несколько знамён и значков, но данные о них в русских изданиях противоречивы. Чуйкевич доводит их числом до 15, Кутузов свидетельствует о 6. Вот что мы определили:

3/15 – рядовой Гомза, лб.-гв. Уланского полка отобрал «в пехотной колонне, от кавалерийского офицера – штандарт». Возможно, что это «орёл» с цифрой 4, сданный в К.С, который Геккель приписывает 4-му пехотному полку, который в действительности спас и вынес из России своего «орла». Мы думаем, что

«орёл» принадлежал 4-му французскому легкоконному полку, остатки которого были совершенно уничтожены под Красным.

4/16 – знамя 35-го французского линейного пехотного полка. Древко, «орёл» и ленты были взяты унтер-офицером Яковлевым и рядовым Осиповым, Полтавского пехотного полка, а полотнище – рядовым Скидановым, Нижегородского пехотного полка, что свидетельствует, что знамя это было сорвано с древка. Значок одного из ассистентов 35-го полка был взят полковником Давыдовым, которому некоторые источники ошибочно приписали взятие «орла». Полк. Давыдов командовал Московским драгунским полком. Полотнище со временем было украдено из К.С. «Орёл» сейчас в Эрмитаже, а значок был после революции продан и вернулся во Францию.

5/17 – донской генерал Карпов отбил «пять знамён», среди которых находилось 3 русских знамени и 1 значок, найденный французами в Московском арсенале.

5/17 – Ревельский пехотный полк отбил батальонный значок 1-го полка вольтижеров Молодой гвардии, пожертвовавшего собой, прикрывая отход других войск. У этого полка знамени не было, а было только два значка.

6/18 – корнет Карачаров и рядовой Дарченко, лб.-гв. Уланского полка, отбили в бою знамя 18-го французского пехотного полка и унтер-офицер Зезекало, Полтавского пехотного полка взял значок ассистента 46-го линейного французского пехотного полка. «Орёл» 18-го полка сейчас в Эрмитаже, а значок 46-го вернулся во Францию. Отметим, что значки ассистентов 35-го и 36-го полков не находились в К.С.

К числу взятых под Красным знамён следует прибавить полотнище знамени 127-го пехотного линейного французского полка («орёл» был вынесен из России), найденное в 1827 г. на базаре в Нахичевани у урядника Безмолитвенного, который в 1812 г. не представил его начальству. К этому знамени Геккель ошибочно отнёс и «орёл» без номера, находившийся в К.С. – в действительности 145-го полка и взятый в 1813 г.

9/21 ноября у Борисова отряд гр. Ламберта отбил два польских знамени. Знамя 1-го линейного пехотного полка было взято Арзамасским драгунским полком. Другое знамя, неизвестно кем взятое, принадлежало или 14-му пехотному полку или 7-му уланскому (бывшему 1-му легкоконному). Оба эти знамени находились в К.С.

10/22 ноября у Уши донской казачий Луковкина полк отбил одно польское знамя (14-го пехотного или 7-го уланского полков). Об этом трофее упоминают многие источники, но в рапорте полковника Луковкина о нем ничего нет.

15/27 ноября на Березине войсками Витгенштейна и Платова отбито «четыре знамени». При пленении остатков дивизии Парту но были взяты знамёна 44-го и 126-го французских линейных пехотных полков. Знамя 126-го (голландского) полка было взято капитаном (фамилия неизвестна) 23-го егерского полка, адъютантом ген. Властова, знамя же 44-го полка как будто бы было найдено зарытым в снегу.

Майор Виддер, Финляндского драгунского полка, взял значок, который мы не определили (Геккель ошибочно указывает на 17-й пехотный полк). По свидетельству английского капитана Даусона, одно из взятых знамён принадлежало Итальянской гвардии. В Казанском соборе находился штандарт итальянского драгунского полка королевы и платы от труб итальянских гвардейских драгун.

16/28 ноября на Березине войсками Чичагова было взято 2 штандарта. Штандарт 14-го кирасирского полка (голландского) был взят майором Гильденгофом, С.-Петербургского драгунского полка, и штандарт 3-го французского легкоконного полка, взятый как будто павлоградскими гусарами. Последний Геккель приписал 3-му польскому гвардейскому уланскому полку, который в действительности не имел штандарта, и отнёс его взятие к делу у Слонима, что явно не соответствует действительности.

21 ноября/3 декабря у Латигалья отрядом ген. гр. О'Рурка взяты полковые штандарты саксонских полков гвардейского и кирасирского Цастрова. Остальные 6 эскадронных штандартов этих полков также были потеряны в России, но на их след мы

М.И. Платов. Художник Т. Филипс

не напали. Известно только, что потерявший их фендрик Дитмар был с позором выгнан из саксонской армии.

21 ноября/3 декабря донские казаки ген. Мартынова отбили штандарт как будто 15-го польского уланского полка (без древка и «орла»), который находился потом в К.С.

21 ноября/3 декабря, по донесению Платова, отряд Атаманского полка, полковника Кирсанова, взял «гвардейский штандарт» определить который мы не смогли и который не находился в К.С.

27 ноября/9 декабря у Вильны Сеславин донёс о взятии «орла». Это, вероятно, штандарт 4-го французского кирасирского полка. Штандарт этот был потерян (отвязался от седла), подобран унтер-офицером 14-го кирасирского полка и украден у него, с другими вещами, мародёром. Как он попал в руки партизан, неизвестно.

Неизвестно, какого числа и при каких обстоятельствах, под Вильной унтер-офицер Пономаренко, Мариупольского гусарского полка, овладел штандартом 9-го французского кирасирского полка.

28 ноября/10 декабря Платов донёс о взятии 4 знамён между Вильной и Ковно. Это были знамёна 2-го батальона саксонского полка Рехтен, 1-го и 2-го батальонов саксонского полка Лова и 2-го батальона Франкфуртского пехотного полка. Все четыре находились в К.С.

Позднее Платов сообщил, что Ольвиопольский гусарский полк взял ещё в этот день «три штандарта», вероятно трубачские платы, т.к. в 1813 г. Платов не упоминает больше об этих трофеях.

2/14 декабря у Ковно Платов взял ещё «три знамени», среди них значок ассистента 17-го французского пехотного полка, взятый майором Карауловым (в современных рапортах фамилия его искажена на Карачкова), и «два батальонных знамени, изорванные в драке», определить которые мы не могли. Отметим, однако, что в К.С. поступил разорванный штандарт со следами цифры 11 на дощечке «орла». Возможно, что он принадлежал 11-му гусарскому полку (голландскому), остатки которого погибли под Ковно. Заметим также, что дирекция К.С. прибила значок 17-го полка на древко с орлом 4-го.

10/22 декабря ген. Кутузов доносит о взятии между Вильной и Ковной одного знамени, о котором мы ничего не нашли.

11/23 декабря Платов сообщает из Волковыска о взятии двух штандартов и пяти полотняных значков. Значки безусловно принадлежали 1, 2, 3,4 и 6-му батальонам 2-го французского пехотного полка (К.С.), а о штандартах данных не найдено.

12/24 декабря в Кайданах было найдено на пленном полотнище одного знамени Французской гвардии. Возможно, что это штандарт итальянского драгунского полка королевы, прибитый русскими на немецкое древко (от знамени Вюрцбургского полка, взятого в 1813 г.).

Вообще, в русских рапортах 1812 г. часто упоминается о взятии знамён и штандартов Императорской гвардии. В К.С. гвардейских знамён не было. Были ли таковые в других местах, неизвестно. Французская гвардейская пехота проделала кампанию 1812 г. при двух знамёнах на 20 полков. Мы склонны думать, что под термином «гв. штандарты» следует подразумевать трубачевские платы, но есть вопрос, который мы не разрешили. После революции во Франции было продано знамя 1-го гвардейского гренадерского полка, а в Эрмитаже стоит сейчас «орёл» с цифрой 1 – неизвестного полка.

14/26 декабря у Инстербуга отрядом ген. Кутузова было взято четыре значка. В этот день попали в плен остатки 2-го гвардейского уланского полка. Возможно, что «четыре значка» являются в действительности платами от труб.

Всего же в кампании 1812 г. в руки русских войск попали следующие знамёна, не считая всевозможных значков, которые трофеями посчитаться не могут:

Французские

1. 18-го лин. пех. – «орёл» и знамя
2. 35-го лин. пех. – «орёл» и знамя
3. 44-го лин. пех. – «орёл» и знамя
4. 106-го лин. пех. – «орёл»
5. 126-го лин. пех. – «орёл» и знамя
6. 127-го лин. пех. – знамя
7. 1-го кирасирского – «орёл» и штандарт
8. 4-го кирасирского – «орёл» и штандарт
9. 9-го кирасирского – «орёл» и штандарт
10. 14-го кирасирского – «орёл» и штандарт
11. 3-го легкоконного – «орёл» и штандарт
12. 28-го драгунского – «орёл» и штандарт
13. 4-го (вер. легкоконного) – «орёл»

14. 11-го (вер. гусарского) – «орёл» и треть штандарта.

Кроме того, в С.-Петербургском артиллерийском музее хранились частицы старого знамени 124-го линейного пехотного полка, которые не имели никакой ценности, т.к. в 1812 г. этот полк имел новое знамя, которое он вынес из России. На выставке в Москве в 1912 г. фигурировали ещё три «орла» неизвестных полков, один из которых был найден на Бородинском поле.

Следует отметить судьбу «орла» 106-го полка. Мы отыскали протокол об уничтожении этого «орла» в ноябре 1812 г. по приказу принца Евгения. В 1927 г. этот «орёл», никогда не бывший в К.С., был продан во Францию. Он действительно сильно повреждён ударами молотка. Должно быть, он был найден, но остался в частных руках.

Баварские

Полные знамена 1-го и 2-го батальонов пехотных полков:

1. 1-го Королевского
2. 2-го наследного принца
3. 3-го принца Карла
4. 4-го герцога Саксонского
5. 5-го графа Прейсинга
6. 6-го герцога Вильгельма
7. 7-го принца Левенштенского
8. 8-го герцога Пиус
9. 9-го графа Изенбурга
10. 10-го барона Сен-Бриера
11. 11-го барона Кинкеля – всего 22 знамени.

Вестфальское

1. 1-го батальона 6-го линейного пехотного полка.

В К.С. под этикеткой «Вестфальский штандарт» хранился шведский штандарт Финляндского драгунского полка, отбитый в 1808 г.

Саксонские

1. Королевского пехотного полка
2. Пехотного полка Низемейшеля
4. Пехотного полка Лов
5. Пехотного полка Рехтен
6. Пехотного полка Фридриха-Августа
7. Гвардейского кирасирского полка
8. Кирасирского полка Цастрова
9. 10. Уланского полка Клемента.

Кроме того, саксонцы признают потерю в России всех четырёх штандартов гв.-кирас, кирас. Цастрова и уланских Клемента и Альбрехта полков.

Австрийские

1. 3-го легкоконного полка О'Рейи – три штандарта.

Франкфуртское

1. Пехотного полка фон Цвейера 2-го батальона.

Итальянское

1. Драгунского полка королевы
1-го эскадрона.

Отнесённые Геккелем к 1812 г. три неаполитанских знамени были действительно взяты в 1813 г. в Данциге.

Польские

1. 1-го пехотного «орёл» и знамя
2. 14-го пехотного «орёл»
3. Неизв. пех. древко и дощечка от «орла»
4. Неизв. пех. «орёл» (на древко прибит французский значок)
5. Неизв. пех. «орёл» (на древко прибито баварское знамя)
6. 7-го уланского «орёл» и штандарт 1-го легкоконного полка
7. 15-го уланского штандарт.

Всего 59 знамён.

Следует упомянуть и четыре значка, которые долгие годы стояли в К.С. под названием бергских штандартов и знамён. Геккель пишет, что они были взяты на Березине. Знатоки итальянских знамён утверждают, что это совсем не бергские штандарты, а батальонные значки Итальянской гвардии. Обстоятельства, при которых эти значки попали в русские руки, ещё не выяснены.

Интересно проследить судьбу трофеев 1812 г. В 1912 г. большая часть их была, по высочайшему повелению, передана из К.С. на юбилейную выставку 1812 г., открытую в Москве, в здании Арсенала. Из этой выставки должен был быть создан Музей 1812 г., и знамёна были переданы на постоянное хранение. После революции знамёна были переданы в Военно-исторический музей, а оттуда в 1924 г. в Государственный Исторический музей. В 1937 г. большая часть знамён была отправлена в Ленинградский артиллерийский музей.

В настоящее время трофеи, находившиеся до 1912 г. в К.С., распылены по многим местам, но большая часть их находится в Эрмитаже.

Революционные годы и частые перемещения не могли не отразиться на знамёнах. Кое-что исчезло, кое-какие знамёна были возвращены Польше, некоторые знамёна потеряли «орлы», другие – полотнища.

Владимир Григорян

РУССКИЕ ЗНАМЁНА

Сто пять лет* назад бело-сине-красный триколор был окончательно утверждён как флаг Российской империи. Затем мы почти семьдесят лет жили без него. Возвращение оказалось непростым. Приняли знамя не сразу, что нашим детям покажется, наверное, невероятным. Они привыкли им гордиться. И, слава Богу!

Но это не первый наш флаг и не единственный, а незначимых среди них не было, ведь знамя является святыней. Об этом мы и хотим рассказать вам сегодня.

Стяги и хоругви

Первыми русскими флагами были красные стяги, которые вились над дружинами и полками, позволяя воину понимать, где он находится, где свои, где чужие. Слово «стяг» – от глагола «стягиваться». Где стяг – там точка сбора дружины. Он был клиновидной формы, с навершием в виде копья с перекладиной, то есть в форме креста. Благодаря ему также было видно, держится ли полк или терпит поражение. Его падение означало, что враг порубил богатырей-стяговников, лучших княжеских воинов.

Шло это из глубокой древности. В Риме вместо стягов имелись вексиллумы соединений ветеранов в виде полотнищ на перекладине, драконы – штандарты кавалерии в виде драконов, сигнумы – древки с открытой ладонью наверху, символизирующие присягу. Но главной святыней легиона был орёл (аквила). Его потеря была столь страшным бесчестьем, что легион после этого расформировывался.

---

* Статья от 20.10.2017 года (Прим. ред.).

Князь Борис идёт в поход на печенегов.
В руках воинов стяги клиновидной формы

На Руси место орла занял не стяг, соответствующий скорее сигнумам, под которыми ходили когорты, а хоругвь. В «Слове о полку Игореве» читаем: «Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёный бунчук, серебряное древко». То есть хоругвь была белого цвета, а изображены были на ней Спаситель, Богородица, святой Георгий или кто-то иной из святых. Служила она не для управления войском, а была его главной святыней, которую освящали по тому же чину, что и святые образа.

* * *

Перед одним из таких знамён, начиная битву, упал на колени св. князь Дмитрий Иванович Донской, чтобы помолиться о победе над татарами. В «Сказании о Мамаевом побоище» рассказывается: *«Князь же великий, увидав свои полки достойно устроенными, сошёл с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка чёрным знаменем, на котором вышит образ владыки Господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно».*

В Никоновской летописи уточняется цвет этой хоругви: *«Князь же великий сшед с коня долов и пад на колену прямо великому полку чёрному знамени, на нем же бе образ Владыки*

Иисуса Христа». То есть хоругви были не только белыми, но и чёрными.

Среди самых известных можно назвать белое знамя Великого князя Московского Василия III.

На одной стороне этого полотнища был изображён Спаситель, правой рукой благословляющий, а левой держащий Евангелие, на другой – полководец Иисус Навин (по его молитвам Господь остановил солнце), склонивший колени перед Архистратигом Сил Небесных – Архангелом Михаилом.

Иисус Навин склонился перед Архангелом Михаилом.
Знамя Василия III и князя Пожарского

Спустя столетие под таким же знаменем, но только малинового цвета, поведёт в бой ополчение князь Дмитрий Пожарский. Ныне его можно увидеть в Оружейной палате Московского Кремля.

* * *

Но самым известным знаменем той эпохи была хоругвь царя Ивана Грозного, под которым наши полки ходили в бой

ни много ни мало полтора века. В центре – большое изображение Спаса Нерукотворного. Знамя было изготовлено для похода на Казань, имело около трёх метров в длину, а в высоту – полтора метра. Управлялись с ним два-три человека, а нижний конец древка был острым. Когда подступились к татарской столице, знамя воткнули в землю, а после падения города царь повелел отслужить на этом месте молебен и построить церковь.

Стяг царя Ивана Грозного с изображением Спаса Нерукотворного

Удивительна последующая судьба этого флага. При царице Софье Алексеевне он побывал в крымских походах, при Петре I под ним сначала ходили в поход на Азов, а затем вручили графу Борису Петровичу Шереметеву, отправляя его бить шведов. Знамя хранилось тогда, как и сейчас, в Оружейной палате, которую покинуло последний раз с Большим полком. При этом Шереметеву напомнили: *«С тем знаменем Царь и Великий князь всея Руси покорил в русскую державу Казанское ханство и победил многочисленные басурманские народы»*.

Вручили также образа святых Радонежских – преподобных Сергия и Никона. В этом походе **29 декабря 1701 года** во время зимнего рейда за Чудское озеро был одержан первый большой успех в Северной войне. Полки Шереметева разгромили отряд полковника Шлиппенбаха. Две тысячи шведов погибли, около полутора сотен попали в плен, остальные бежали, уверяя друг друга, что русских было 100 тысяч. На самом

деле вшестеро меньше. Победителей встретили в Москве орудийными залпами, колокольным звоном и первым салютом в истории России.

А сейчас сделаем своего рода отступление, рассказав, как Спас со знамени Иоанна Грозного (тот, под которым водил полки Шереметев), словно пророс из седой старины в наше время. Не верится, что такое возможно, хочется протереть глаза, но, слава Богу, это вовсе не видение!

<...>

Последняя хоругвь Русского царства и первое знамя империи

Но вернёмся в XVII век. Эпоха прежних знамён подходила к концу, на смену шли флаги, где места Спасителю и святым, как правило, не находилось. Их заменял либо двуглавый орёл – символ державы, либо изображения разных зверей.

Веяния эти шли из Европы. Вероятно, первым, кто заменил святой образ на орла, был самозванец Гришка Отрепьев, объявивший себя царевичем Димитрием. И не то чтобы кто-то намеревался последовать его примеру, просто источник вдохновения был один – Запад: Польша, немецкие и шведские земли, ну и, само собой, Нидерланды, которые оказали на рождение нашего триколора решающее влияние.

При царе Алексее Михайловиче, в 1668 году, появляется гербовое знамя, по форме похожее на те, что были при царе Иоанне Грозном – с клином-откосом снизу вверх, вот только в центре его находится не Христос, а двуглавый орёл и Московский Кремль. Господь присутствует наверху полотнища, но Его изображение невелико. Одновременно с гербовым было изготовлено знамя тех же цветов, что и нынешнее.

Позаимствованы они были у нидерландского флага. Объясним почему. В то время заканчивалось строительство первого русского военного корабля европейского типа, получившего имя «Орёл». Капитан фрегата голландец Давид Бутлер напомнил, что кораблю нужно знамя. Он обратился к Боярской думе с просьбой *«...испросить у Его Царского Величества повеление: какой, как тому есть обычай у других государств, поднять на корабле флаг»*.

Царь растерялся – дело-то невиданное. Велел спросить у Бутлера, как с этим обстоят дела у него на родине, в Нидер-

ландах. Тот объяснил, что голландский флаг состоит из трёх горизонтальных полос – красной, белой и синей. Царю это сочетание понравилось. Был закуплен шёлк синего и белого цветов, а также того цвета, что именовался киндяк алый.

Как выглядело знамя? Согласно некоторым предположениям в его середине находился синий крест, вокруг него были два красных прямоугольника и два белых. Есть, правда, несколько голландских гравюр, авторы которых, ничтоже сумняшеся, изображали на русском корабле свой собственный флаг. Было ли это желанием порадовать земляков – глядите, мол, наши знамёна реют над Волгой – или имело отношение к реальности, сказать трудно. Вероятнее всего, флаг Алексея Михайловича ничем не отличался от современного, за исключением орла в центре. Дело в том, что именно такое знамя, но уже не Тишайшего царя, а его грозного сына, Петра, сохранилось до наших дней.

Флаг царя Московского 1693 года

Изготовлено оно было в 1693 году для яхты «Святой Пётр», построенной в Архангельске, и именовалось «флаг царя Московского». Увидеть его можно в Центральном военноморском музее в Санкт-Петербурге. Вот как описал его голландец К. Алярд: *«На синей полосе золотой с царскою коруною венчан двоеглавый орёл, имеющий в сердце красное клеймо с серебряным святым Георгием без змия».*

Здесь нужно рассказать о колебаниях царя относительно того, как должно выглядеть знамя. На самом первом его зна-

мени, общем с братом и старшим соправителем Иваном V, мы видим на белом полотнище множество гербов и других изображений, но в центре помещается Спас Нерукотворный. В Азовской поход 1696 года царь отправился под красным гербовым знаменем: в центре – двуглавый орёл, на груди которого в круге изображён Бог Отец на белом коне и с опущенным мечом; вокруг Его головы подпись: «Слово Божие», а на одежде – «Царь Царей и Господь Господей». На откосе знамени апостолы Пётр и Павел, стоя на облаках, держат камень веры с надписью: «Камень». Под ним: «Се полагаю во основание камень краеугольный, да созиждется белное мое Царство до скотания века».

Это было, возможно, последнее русское знамя, вплоть до начала XX века, где можно было видеть Господа и святых, за исключением, конечно, св. Георгия на двуглавом орле.

Поручиться нельзя, так как флагов было много, а изображали на них, кто что хотел. Но скажем так: самые известные знамёна делались в сугубо европейском, светском духе. Проникать они начали к нам ещё при Алексее Михайловиче, который стал принимать на службу немецких наёмников. Так как приходили они не поодиночке, а отрядами, каждый имел свой флаг, на котором можно было увидеть и единорога, и улитку, и грифа, и льва, и химеру – кого и что угодно. Дипломат Адам Олеарий, впервые побывавший в Москве в 1634 году, заметил на одном из знамён даже изображение языческого бога – двуликого Януса. «Сами русские очень неискусны в изобретении таких вещей», – самодовольно заметил Олеарий. Ему в голову не приходило, что русским противно было смотреть, как поганят стяги, ведь хоругвь для них была священна.

Какое знамя державнее?

Помню разговоры начала 90-х на тему, какой флаг более значим: чёрно-жёлто-белый (державный) или бело-синекрасный, который ошибочно называли торговым. Наш триколор действительно долгое время реял над российскими торговыми судами, но появился он как военный и один из двух государственных – наряду с красным гербовым стягом. Именно под триколором Пётр отправился штурмовать Нарву, но знамя, увы, было захвачено шведами, разгромившими русскую армию.

Державный же флаг появился вскоре после этого, в 1703 году, но трёх полос тогда не имел. Приведём описание Петра: *«Штандарт, чёрный орёл в жёлтом поле, яко Герб Российской империи, имея три короны: две королевских и одну Императорскую, в которого грудях св. Георгий с драконом. В обеих же главах и ногах четыре карты морских: в правой главе Белое море, в левой Каспийское, в правой ноге Палас Меотис (Азовское море), в левой Синус Финикус (Финский залив) и пол Синуса Ботника (Ботанический залив) и часть Ост-Зее (Балтийское море)».*

Штандарт Петра Первого 1703 года

На этом флаге можно найти и красный, и лазоревый, и зелёный цвета, но два главных цвета – это жёлтый и чёрный, а следующий по важности – белый. Отсюда берёт своё происхождение Георгиевская ленточка, где жёлтый цвет сменился оранжевым, но не во время Великой Отечественной войны, когда появилась Гвардейская лента, а в 1913-м, накануне Первой мировой*.

---

* Автор неправ! На самом деле: уже в 1730-х годах чёрный, жёлтый (или оранжевый) и белый цвета (белым передавали серебряную фигуру Св. Георгия в щитке на груди орла) стали считать государственными цветами России.

Скажем несколько слов и об Андреевском флаге, который приобрёл современный вид в Морском уставе 1720 года.

Итак, главными цветами Российской державы были с 1703 года чёрный, золотой (или оранжевый) и серебряный. Это подтвердила императрица Анна Иоанновна, при которой значение этих цветов возросло и было утверждено окончательно. При императоре Николае I чёрно-оранжево-белая кокарда была отличительным знаком принадлежности к Русскому государству, её носили флотские и армейские офицеры, а также чиновники.

Чёрно-жёлто-белый флаг появился ещё в 1815 году, но поначалу это были в каком-то смысле народные флаги, неизвестно кем придуманные. Их вывешивали по случаю победы над Наполеоном. В 1856 году, на коронации императора Александра Второго Освободителя, это знамя было утверждено как государственное.

Чёрный цвет символизировал незыблемость границ и величие державы, жёлтый цвет – духовность и православную веру, белый – самоотверженность и любовь к Отечеству.

Почему его вновь сменили на бело-сине-красный 28 апреля 1883 года? Возможно, дело было в том, что император Александр Третий недолго любил немцев, у которых были распространены на флагах чёрный и жёлтый цвета.

Возвращение Спаса

Святой царь внёс в русские знамёна два изменения. **Первое:** на государственный триколор, согласно повелению Николая Александровича, был помещён чёрно-жёлтый герб с орлом. Это произошло в 1914 году, но ещё за год до того император подтвердил указ Александра II о государственных цветах России: чёрном, жёлтом и белом. Сторонники этого сочетания цветов у нас не переводились никогда. Скажем, в день коронации государя в 1896 году в Харькове можно было полюбоваться *«громадными трёхсаженными флагами из государственных цветов чёрно-жёлто-белого сочетания»*. Это вызвало нервное отношение полиции, пытавшейся понять, нет

Неудивительно, что при учреждении в 1769 году ордена Св. Георгия ленту для него сделали двух государственных цветов. А крест ордена – третьего, белого. (Прим. ред.).

ли за этим какой-либо крамолы, но, скорее всего, со знамёнами этой расцветки вышли на улицы истовые монархисты.

Второе изменение куда более значимо и хорошо показывает, что государь наш был прославлен Богом не потому лишь, что принял мученическую смерть. Вера его, проявлявшаяся во всём и на протяжении всей жизни, сказала и на стягах.

Образец воинского знамени 1900 года

В 1900 году, спустя два с лишним столетия, Спас Нерукотворный вернулся на боевые знамёна русской армии. Это означало поворот России к старой – святой – Руси и произвело глубокое впечатление на армию. Как бы ни были значимы прежние флаги, возвращение им статуса иконы не могло не изменить отношения к стягам...

Источник: <https://vera-eskom.ru/2017/10/russkie-znamyona/>

Евгений Голубинский

Спасение знамени 141-го пехотного Можайского полка^{*}

Гилим Мартин (Мартын) Григорьевич
(21.04.1884-10.05.1948)

Родился в деревне Городняны Линовской волости Пружанского уезда Гродненской губернии (ныне Пружанской район Брестской области, Республика Беларусь). Православный. Начиная с 14-ти летнего возраста до призыва на военную службу работал на строительстве железных дорог (Астрахань, Псков, Вологда, Москва).

В 1907 году был призван на военную службу. Службу проходил в Орле, в 141-м пехотном Можайском полку. После окончания срока действительной военной службы остался на сверхсрочную службу. Занимал должность старшего взводного унтер-офицера. В 1912 году женился на уроженке Орла Марии Васильевне Носовой (дочери работника Риго-Орловской железной дороги). В 1914 году был полковым знаменосцем. Произведён в подпрапорщики.

Участник Первой мировой войны в составе полка. Приказом по 23-му армейскому корпусу № 55 от 26.09.1914 г. подпрапорщик 7-й роты 141-го пехотного Можайского полка М.Г. Гилим был награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 5816 за **«спасение части знамени 141-го пехотного Можайского полка, а именно наверху с Георгиевским крестом, после боя 17.08.1914 г.»**.

В 1916-1917 годах служил в Петрограде в запасных частях, занимался обучением новобранцев.

В 1918 году переехал в Орёл и вступил в ряды Красной Армии. В составе Орловских пехотно-пулемётных курсов участвовал в боях с войсками под командованием генерала Деникина.

---

^{*} **От Георгиевского креста к солдатской Славе.** / Солдаты Орловщины – кавалеры Георгиевских крестов периода Первой мировой войны и орденов Славы времён Великой Отечественной войны / Биографический справочник. Книга 1./ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ историко-просветительский журнал № 82, – 2015.– с. 176.

После окончания Гражданской войны жил и работал в Орле. Проживал на улице Безбожников (ныне улица Гагарина), затем в переулке Володарского (ныне — пер. Воскресенский).

Пережил оккупацию города. Имел четверых детей: 3 сына и дочь. Все его сыновья воевали в Великую Отечественную войну, старшие Сергей и Александр Мартыновичи были офицерами. Александр (старший лейтенант — лётчик Северного флота) пропал без вести 19.03.1943 г. (не вернулся с боевого задания, предположительно был сбит над фьордами Северной Норвегии). Дочь Лидия Мартыновна пережила блокаду Ленинграда. Младший сын Борис Мартынович был тяжело ранен при освобождении Выборга.

Мартын Григорьевич умер 10.05.1948 г. в возрасте 64 лет в Орле.

Похоронен на Троицком кладбище.

Его потомки проживают в Москве, Калининграде, Орле.

Свадьба М.Г. Гилим
и М.В. Носовой. Орёл, 1912 г.

Фото – удостоверение личности
М.Г. Гилим

Высочайшая Грамота о пожаловании 141-у пехотному Можайскому полку Георгиевского знамени

Текст на Грамоте:

Божією милостію
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ
и прочая, и прочая и прочая

Нашему 141-му пѣхотному Можайскому полку.

По случаю совершенія нынѣ ста лѣтъ со времени учрежденія Императоромъ Павломъ I, въ 1796 году Селенгинскаго Мушкетерскаго, впослѣдствіи 41-го пѣхотнаго Селенгинскаго полка, изъ половины котораго былъ сформированъ Можайскій пѣхотный полкъ, наименованный за симъ 141-мъ пѣхотнымъ Можайскимъ полкомъ, Всемилоствіѣйше жалуемъ полку сему новое Георгіевское знамя, съ надписью “1796-1896”, съ сохраненіемъ и прежней на знамени надписи “за Севастополь въ 1854 и 1855 годах”. Повеліѣваемъ знамя сіе, освятивъ по установленію, употреблять на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

Николай.

Въ Петербургъ 29-го Ноября 1896 года.

Военный Министръ Генераль Адъютантъ Ванновскій
Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ записана подъ № 213.

Офицерский знак 141-го пехотного
Можайского полка

Арсений Несмелов

«... А при батальоне было знамя,
И молил поручик в грозный час,
Чтобы Небо сжалось над нами,
Чтобы Бог святыню нашу спас...»

Благов. Гро. Германского полка. <https://www.liveinternet.ru/users/1110662/>

Михаил Щеглов

Возвращение Спаса Звенигородского полка

Предыстория вопроса

С детства дома меня окружало множество старинных предметов, принадлежавших различным поколениям нашей семьи. Среди них были и вещи двух моих родственников, не вернувшихся с Первой мировой войны, или Великой войны, как её тогда называли.

Одним из них был Александр Михайлович Богомолов, брат моей бабушки Маши, погибший на кавказском фронте в июле 1916 г. Он был похоронен на Братском кладбище в Москве, которое находилось недалеко от нынешнего метро Сокол. В настоящее время осталась только его центральная часть, превращённая в сквер. При этом прах воинов здесь не был потревожен и остался лежать в земле. Мой дед в своё время показал отцу, а тот мне и брату, место, где была могила дяди Саши. И теперь в июле мы всей семьёй приносим цветы к месту его упокоения.

Г.К. Склобовский (слева)
и его однополчанин из 142-го пехотного
Звенигородского полка. г. Орёл.
1910-е гг. Архив М.В. Щеглова

А.И. Склобовская. г. Воронеж.
1890-е гг. Архив М.В. Щеглова

Вторым родственником, не вернувшимся с полей Первой мировой войны, был Гавриил Константинович Склобовский, которого в нашей семье называли дядя Гаврюша. Он являлся мужем Александры Илларионовны (1874-1947), двоюродной сестры моей бабушки Маши. Её у нас звали Люка.

Г.К. Склобовский к началу войны в звании подполковника командовал 4-м батальоном 142-го Звенигородского пехотного полка. Со школьных лет запомнился рассказ отца, Щеглова Вадима Юрьевича, о том, что дядя Гаврюша после тяжёлых боев в августе 1914 г. с группой офицеров своего полка попал в плен к немцам. Перед этим звенигородцы успели разрезать на части полотнище своего знамени и в лагерях для военнопленных с огромным трудом сохраняли их.

Склобовскому досталась центральная часть полотнища – Спас Нерукотворный. Он смог незадолго до своей смерти отправить по почте в Россию жене свой фрагмент знамени, спрятав его под плюшевую обивку деревянной шкатулки. Последняя 105 лет стояла в нашей семье на самых почётных местах. Уже тогда, слушая рассказ отца, я надеялся, что наступит

время, когда мне удастся в деталях разобраться в этой одновременно героической, романтической и драматической истории. Это произошло через 50 с лишним лет. Мой дед в 50-е и отец в 60-е гг. прошлого столетия обращались в различные органы Минобороны с письмами, в которых рассказывали об этом героическом поступке русских офицеров и готовности передать имеющуюся у них военную реликвию в соответствующий военный музей. К сожалению, ответов на свои послания они не получили.

Прошли годы, и я сам стал офицером. В 1983-84 гг. я, будучи старшим лейтенантом, служил в Афганистане в автомобильной бригаде. Был дважды тяжело ранен и едва не попал в плен, получил орден Красной Звезды. В 1999 г. я уволился из Вооружённых Сил России в звании полковника. После этого ещё почти 20 лет работал на гражданском поприще в сфере организации поставок российского вооружения и военной техники в зарубежные страны. В 2018 г. я вышел на пенсию и, наконец-то, смог заняться литературной работой, на которую раньше времени просто не хватало.

С 2018 по 2022 г. я писал книгу о жизни и творчестве поэта Серебряного века Вадима Баяна на основе материалов из его личного архива, хранителем которого являюсь. Книга под названием «Сиреневые хмели» вышла из печати в августе 2022 г. После этого в начале 2023 г. я приступил к работе по сбору материалов для данной статьи о подвиге Г.К. Склобовского, о котором кратко рассказывалось выше.

Но ещё летом 2018 г. я направил на электронную почту редакции еженедельной газеты «ВПК» краткое сообщение, в котором изложил суть подвига Г.К. Склобовского и просил сообщить о судьбе других фрагментов полотнища знамени Звенигородского полка. Выбор мной именно «ВПК» объяснялся тем, что в этой газете тогда была специализированная рубрика, посвящённая столетию Первой мировой войны, в которой публиковал свои материалы и д.и.н. А.В. Олейников. Не поставив меня в известность, редакция опубликовала письмо о Склобовском в одном из ближайших номеров («ВПК». № 25 (783) 3-9 июля 2018 г.). Но поскольку оно не предназначалось для печати и писалось, что называется, «на коленке», в нём были допущены отдельные неточности, которые будут устранены в этой публикации.

Через некоторое время мне позвонил Олейников, с которым я вскоре встретился и разрешил ему сфотографировать имеющиеся у меня материалы о Склобовском. Понимая, что в течение нескольких лет буду занят написанием упомянутой выше книги о В. Баяне, я попросил его подготовить и опубликовать историю спасения знамени 142-го пехотного Звенигородского полка. Однако Олейников решил написать большую книгу, в которой проанализировать знаменные потери русской и германской армий в годы Первой мировой войны, а историю Склобовского рассказать в одном из её параграфов. К концу 2022 года моя книга была издана, а он свою ещё не закончил. Это подтолкнуло меня к мысли самостоятельно разобраться в данном вопросе. Размещение А.В. Олейниковым в феврале 2023 г. на своём сайте материала под заголовком «Спасённый Спас», содержавшего ряд ошибок и неточностей, ещё более укрепило меня в этом желании.

Структура нашего дальнейшего повествования будет выглядеть следующим образом:

- информация о Склобовском и его семье;
- общие сведения о 142-м пехотном Звенигородском полку;
- роковые для полка три дня боев в Восточной Пруссии: 15, 16 и 17 августа 1914 г.¹;
- годы плена Склобовского и его успешная попытка переправить по почте в Россию хранимую им центральную часть полотнища знамени;
- современные контакты с музеем крепости Кенигштайн;
- судьба остальных фрагментов полотнища знамени и других его частей;
- некоторые предложения по дальнейшему изучению подвига офицеров-звенигородцев.

От Воронежской духовной семинарии до Звенигородского полка

Г.К. Склобовский родился 4 июля 1861 г. в семье священника Воронежской губернии. Основными источниками официальных данных о Гаврииле Константиновиче являются следу-

---

¹ Все даты в статье даются по старому стилю.

ющие два документа, находящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА):

1. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 142-го пехотного Звенигородского полка к 1 января 1914 г.²

2. Послужной список Г.К. Склобовского 1911 г.³

Его отец, Склобовский Константин Гавриилович (1833 - 1904), в свою очередь, сын священника Павловского уезда села Ливенка Воронежской губернии, закончил Воронежскую духовную семинарию, выпуск 1850-1851 гг. Он был рукоположен в священники «к Архангельской церкви слободы Новокаменка Острогжского уезда» Воронежской губернии⁴. Здесь, видимо и родился Г.К. Склобовский, поскольку его отец прослужил в указанной церкви 50 лет. Начиная с 1863 г., несколько лет он занимал должность депутата от духовенства, в 1861-1870 гг. являлся наставником приходского училища, с 1875 года служил духовником 4-го благочинного округа. Был награждён орденами Св. Анны 3-й ст. и орденом Владимира 4-й ст.⁵

Анализ списка выпускников Воронежской духовной семинарии показал, что с 1797 по 1918 гг. её закончило 17 человек, носивших фамилию Склобовский. Среди них был, видимо, и брат Г.К. Склобовского – Фёдор Константинович (1859 г.р.), окончивший учёбу в 1881 г.⁶

Не удивительно, что в это же учебное заведение поступил и сам Г.К. Склобовский, но по какой-то причине выбыл из 2-го класса семинарии, не закончив её. После чего он кардинально изменил профессиональные предпочтения и решил попробовать себя на военной службе. В 1889 г. Склобовский окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище по 2 разряду. Приведём его послужной список:

- нижний чин с 12.11.1881;
- подпоручик с 1.12.1889;
- поручик с 31.7.1894;
- штабс-капитан с 15.06.1897;

² РГВИА. Ф.408. Оп.1 Д.277.Л.2 об.

³ РГВИА. Ф.409. Оп.1 Д.39527. Л.1-6.

⁴ Выпускники Воронежской духовной семинарии. 1780-1918. Сайт иерея П.А. Овчинникова (priest.cerkov.ru.>materialy-vypuskniki).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

- капитан с 15.06.1902;
- подполковник с 6.05.1910.

С 1888 г. Склобовский проходил службу в 71-м пехотном резервном батальоне (г. Воронеж). В 1893 г. по собственному желанию был переведён в Воронежский дисциплинарный батальон, служба в котором продолжалась 10 лет и добавила к общей выслуге Склобовского дополнительные три года, в которых он весьма нуждался, так как пошёл на военную службу, будучи старше своих товарищей. И, наконец, с 20.07.1903 он получил назначение в 142-й пехотный Звенигородский полк, дислоцировавшийся в Орле. Здесь Склобовский довольно долго командовал 11-й и 16-й ротами, пока в 1911 г. не стал командиром 4-го батальона.

Полк, в котором он прослужил 11 лет, был сформирован 13 октября 1863 г. в составе 3-х батальонов из 4-го резервного батальона и бессрочно-отпускных 5-го и 6-го батальонов 42-го пехотного Якутского полка. Последний вёл свою историю с 16 августа 1806 года, вот почему с этой даты принимается и старшинство Звенигородского полка. Отсюда такая похожесть их знамён. 25 марта 1864 г. вновь сформированная часть получила наименование 142-й пехотный Звенигородский полк, который в 1879 г. был переведён на 4-х батальонную структуру.

Офицерский знак 142-го пехотного Звенигородского полка, принадлежавший Г.К. Склобовскому. Архив М.В. Щеглова

142-й пехотный Звенигородский полк входил в состав 36-й пехотной дивизии, которая включала две пехотные и одну артиллерийскую бригаду. 1-я бригада состояла из 141-го пехотного Можайского и 142-го пехотного Звенигородского полков, а 2-я – из 143-гой пехотного Дорогобужского и 144-го пехотного Каширского полков. Штаб дивизии, а также полки 1-й бригады дислоцировались в Орле. Остальные части размещались в Брянске. В свою очередь, указанная дивизия находилась в составе 13-го армейского корпуса, а тот с началом войны вошёл во вторую армию генерала от кавалерии А.В. Самсонова.

Полк поучаствовал и в событиях Первой русской революции, и Русско-японской войны, что нашло отражение в послужном списке Склобовского. Так, с 22 по 29 января 1905 г. он был командирован с ротой на Брянский завод для предупреждения беспорядков среди его рабочих.

А уже 15 августа 1905 г. он вместе с полком «выступил из г. Орла в военный поход». В этот день Склобовский подарил жене свою сохранившуюся в нашем семейном архиве фотографию в бурке и папахе с надписью: «Дорогой и искренне любимой Шурочке, – прости меня и молись за меня...».

Г.К. Склобовский. г. Орёл. 15.08.1905. Архив М.В. Щеглова

14 сентября полк вступил в пределы Манчжурии, а ещё через 4 дня прибыл в Харбин и вошёл в состав тыла Манчжурской армии. В связи с подписанием мирного договора с Японией полк 22 октября выступил обратно в Россию и 3 января 1906 г. прибыл в Орёл, где Склобовского ждала его любимая Шурочка.

То есть в 1905 г. они были уже женаты. В упоминавшемся уже послужном списке Склобовского говорится, что он женат на дочери поручика Безсонова Александре Илларионовне, родившейся в Тамбовской губернии. Вместе с тем, по рассказам В.Ю. Щеглова, у неё было много родственников в Воронежской губернии, где она часто бывала.

А.И. Склобовская. 1910-е гг.
Архив М.В. Щеглова

Г.К. Склобовский (крайний справа во 2-м ряду), А.И. Склобовская (2-я слева во 2-м ряду), А.М. Богомоллов (крайний слева во 2-м ряду). Второй офицер, видимо, его сослуживец со своей женой. г. Пятигорск. 1910-е гг.
Архив М.В. Щеглова

Видимо, мужем и женой они стали ещё в годы службы в Воронеже. Он был старше жены на 13 лет. Детей у них не было. Недвижимостью Склобовский не владел. Его жалование составляло 1560 руб в год, а различные доплаты ещё 1258 руб. (квартирные, столовые, на наем прислуги и конюшни).

Трагедия в Коммусинском лесу

Как уже отмечалось, начало Первой мировой войны Г.К. Склобовский встретил подполковником и командиром 4-го батальона Звенигородского полка. 8 августа его дивизия под командованием генерал – лейтенанта А.Б. Преженцова вместе с другими частями 13-го армейского корпуса перешла границу Германии в соответствии с планом Восточно-Прусской операции. Существует множество публикаций с анализом хода этой операции и её трагических для России итогов. Среди их авторов были такие авторитетные военные специалисты, как А.И. Пантелеев, А.М. Зайончковский, Н.Н. Головин, П.Н. Богданович, И.И. Вацетис, Я.К. Цехович и др.

Ниже мы кратко рассмотрим действия 36-й пехотной дивизии и её 142-го пехотного Звенигородского полка в последние три дня (15-17 августа) того, что у немцев получило название битвы при Танненберге, а у нас – катастрофы 2-й армии генерала А.В. Самсонова. Сам Склобовский уже из плена писал родственникам о «жестоких боях 15,16 и 17 августа»⁷.

Чтобы лучше ощутить атмосферу тех роковых дней, используем материалы расследования, проведённого генерал-адъютантом А.И. Пантелеевым по горячим следам тех событий в соответствии с указанием Николая Второго от 3 сентября 1914 г.⁸ Необходимо также отметить, что тяжелейшей ситуации 15-17 августа предшествовали бои 13 и 14 августа, в ходе которых фланговые корпуса 2-й армии потерпели поражение, открыв фланги и тыл её центральных корпусов (13-й, 15-й и часть 23-го) для ударов немцев. После этого началось отступление этих корпусов, закончившееся трагедией в Коммусинском лесу.

Утром 15 августа войска 13-го армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Ключева, включая и 36-

⁷ Письмо Г.К. Склобовского М.А. Богомолу. 4.10.1914. Архив М.В. Щеглова

⁸ Первая мировая война. Неизвестные страницы / Сост. В.А. Золотарев. М.: Из-во АСТ, 2014. С.19-159.

ю пехотную дивизию генерал – лейтенанта А.Б. Преженцова, вышли из занятого накануне города Алленштейн в направлении на Грислинен. Авангард выступил на полтора часа раньше главных сил. В городе для охраны был оставлен один батальон 143-го пехотного Дорогобужского полка. Кроме того, ещё один батальон 141-го пехотного Можайского полка не успел уйти с главными силами, так как находился в сторожевом охранении. Вскоре после ухода корпуса оставшиеся в городе два батальона подверглись атаке многократно превосходящих сил противника и после ожесточённого сопротивления были практически полностью уничтожены.

К 11 часам утра авангард корпуса подошёл к Грислинену, недалеко от которого обнаружил немцев. Вскоре сюда приехал Н.А. Ключев для руководства боем. Одновременно с этим арьергард в составе двух батальонов 143-го пехотного Дорогобужского полка в районе Доротово до вечера 15 августа самоотверженно, неся огромные потери, сдерживал натиск немцев, наступавших со стороны Алленштейна. Дорогобужцы трижды ходили в штыковые атаки, в одной из которых погиб их командир полковник В.В. Кабанов.

В боевых действиях под Грислиненом участвовали все полки, выступившие утром из Алленштейна, кроме батальонов Дорогобужского полка, выполнявших свои задачи. Несколько полков, включая 141-й пехотный Можайский и 142-й пехотный Звенигородский полки, выполняя приказ командира корпуса, развернули боевой порядок фронтом на Гогенштейн. Генерал-адъютант Пантелеев отмечал: «При этом Звенигородский полк оказался прижатым левым своим флангом к озеру Гросс Плаутцигер, причём левофланговые его роты не могли развернуть боевого порядка и шли повзводно, в затылок друг другу»⁹. В сумерках они подошли к Гогенштейну и огнём артиллерии подожгли в нем несколько построек.

В 10 часов вечера недалеко от Грислинена Ключев собрал командиров основных частей корпуса для обсуждения сложившейся обстановки. По результатам совещания он приказал войскам оставаться на занимаемых позициях, а утром продолжить отход.

---

⁹ Первая мировая война. Неизвестные страницы / Сост. В.А. Золотарев. М.: Из-во АСТ, 2014. С.100.

Однако около двух часов ночи, получив с разъездом приказание из штаба армии, Ключев отдал новый приказ: без промедления отступать через перешеек между озёрами Клейн Плаутцигер и Ставе в направлении на Яблонкен. Здесь в темноте и в условиях возникшей некоторой неразберихи от основных сил 142-го пехотного Звенигородского полка оторвались 11-я и 16-я роты, а также команда разведчиков. Об их героической судьбе будет рассказано ниже. В арьергарде был оставлен 144-й пехотный Каширский полк, оказавшийся отрезанным противником от указанного выше перешейка. Он практически полностью погиб в тяжёлых боях, включая командира полковника Б.В. Каховского, убитого со знаменем полка в руках. В этом бою погиб и командир 1-й бригады, в которую входил полк, генерал-майор А.А. Калюжный.

Отступавшим от перешейка частям 13-го армейского корпуса приходилось отражать постоянные атаки неприятеля. На этот раз в арьергарде находился 2-й пехотный Софийский полк. Ценой огромных потерь он выиграл время и дал возможность главным силам организованно отойти к Яблонкену, в котором они оказались около 7 часов вечера 16 августа. После короткого отдыха отступление продолжилось. Войска уже несколько дней ничего не ели, суточные переходы превышали 30 вёрст.

Как отмечал Пантелеев, «к этому времени в составе 13-го корпуса было не более 12-14 батальонов пехоты». Поскольку в корпусе ещё сохранялось значительное количество артиллерии, то «пехота оказалась раздроблена на небольшие отряды, так как, по приказанию генерала Ключева, к каждой артиллерийской части было придано небольшое пехотное прикрытие»¹⁰.

Поздно вечером 16 августа части 13-го армейского корпуса вошли в Коммусинский лес, где на перекрёстке двух дорог встретились с остатками 15-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант Ключев развёл корпуса по разным дорогам: 15-й – на Мушакен, а 13-й – на Кальтенборн-Валлендорф.

Авангард 13-го корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Преженцов, в районе Кальтенборна не смог выйти из леса, встретив плотный пулемётный огонь немцев. Пантелеев писал, что «...вследствие страшного утомления войск от

---

¹⁰ Первая мировая война. Неизвестные страницы / Сост. В.А. Золотарев. М.: Из-во АСТ, 2014. С.103.

непосильных переходов»¹¹, им не удалось опрокинуть неприятеля и продолжить движение к Валлендорфу. Поэтому частям авангарда пришлось заночевать в лесу, в котором они и встретили рассвет рокового 17 августа.

К сожалению, не удалось обнаружить информацию о том, какие батальоны 142-го пехотного Звенигородского полка находились в авангарде, а какие шли с головной колонной. Возможно, они были и там и там. Получив донесение от Преженцова о возникших трудностях при выходе из леса, Клюев развернул основную колонну корпуса и направил её вслед за 15 корпусом на Мушакен. Но и здесь, несмотря на неоднократные попытки сделать это, вырваться на оперативный простор из леса не удалось из-за шквального огня немецких орудий и пулемётов. Находившиеся в лесу войска почувствовали себя в окружении, что способствовало нарастанию панических настроений. Подразделения разных корпусов в темноте смешались. Небольшие группы людей пытались самостоятельно искать пути спасения.

К 11 часам утра 17 августа колонна Клюева смогла дойти до Валлендорфа, где попала под плотный огонь артиллерии. Все попытки прорваться пресекались немецким пулемётным огнём и шрапнелью. Для ответного огня не хватало снарядов, а все лошади в артиллерийских частях были убиты.

Около 3 часов дня несколько тысяч человек во главе с Клюевым оказались в лесу около выхода из него к деревне Садек. Здесь также их встречали шквальным огнём немецкие пулемёты и артиллерийские батареи. В этой ситуации Клюев принял решение о сдаче. Видимо, где-то в этом же районе попал в плен и Г.К. Склобовский, о чем подробнее будет сказано ниже.

Как уже отмечалось, авангард под командованием Преженцова заночевал у Кальтенборна и утром 17 августа возобновил попытки прорыва немецких позиций. Им даже удалось захватить несколько вражеских орудий, взяв штурмом деревню Кальтенборн. После этого начались метания в разные стороны, в результате чего около 4 час.30 мин. дня войска авангарда предприняли ещё несколько попыток прорыва, но и они

---

¹¹ Первая мировая война. Неизвестные страницы / Сост. В.А. Золотарев. М.: Из-во АСТ, 2014. С.104.

оказались неудачными, приведя к большим потерям в личном составе. В конце концов, оставшиеся в живых были вынуждены сдаться в плен.

По словам Пантелеева, потери 13-го армейского корпуса за период действий в Восточной Пруссии составили 656 офицеров и 37 744 нижних чинов. В Россию вернулось 58 офицеров и 3 950 нижних чинов, то есть примерно 10%. Никто из числа генералов и командиров отдельных частей этого корпуса в Россию пробиться не смог. И только начальник штаба 36-й пехотной дивизии полковник А.А. Вихирев оказался способен на это¹².

Вместе с тем войска корпуса показали образцы героизма. Это хорошо видно на примере 36-й пехотной дивизии: в боях были убиты командиры 143-го пехотного Дорогобужского и 144-го пехотного Каширского полков полковники В.В. Кабанов и Б.В. Каховский, командир 2-й бригады генерал-майор А.А. Калюжный, ранен командир 142-го пехотного Звенигородского полка полковник Г.Н. Венецкий. Этот список можно продолжить.

В докладе генерала Пантелеева царю специально было подчеркнуто, что из всего состава 13-го корпуса лишь 11-я и 16-я роты 142-го пехотного Звенигородского полка, а также его команда разведчиков, о которых уже рассказывалось выше, «возвратились из Восточной Пруссии в Россию в должном порядке»¹³. Описывается, как эти подразделения под командованием штабс-капитана М.П. Семячкина, капитана И.В. Барскова и подпоручика С.А. Дремановича в тяжелейших условиях отсутствия достоверной информации о противнике и своих войсках, без боеприпасов и продовольствия, теряя личный состав, пробили штыками себе дорогу в Россию.

Необходимо отметить, что 16-я рота была из 4-го батальона подполковника Г.К. Склобовского (в пехотном полку тогда насчитывалось 4 батальона, а в каждом из них – 4 роты). В соответствии со списком по старшинству офицеров Звенигородского полка на 01.01.1914 этой ротой командовал капитан И.В. Барсков. Более того, Гавриил Константинович в своё вре-

---

¹² Первая мировая война. Неизвестные страницы / Сост. В.А. Золотарев. М.: Из-во АСТ, 2014. С.108.

¹³ Там же.

мя был командиром обеих этих рот: 11-й – с 21.02.1904 по 9.12.1908, а 16-й – с 10.12.1908 по 14.05.1910 годы¹⁴.

Что же происходило с самим Склобовским в те драматические дни и часы августа 1914 г.? Вот что он пишет в письме М.А. Богомолу от 4.10.1914: «После жестоких боев 15,16 и 17 августа чудом Божьим, я остался живым и не раненым, – во время боев я все время находился в боевой линии, а убитых и раненых кругом была масса; 17 августа, в 3 часа 15 мин. дня, недалеко от деревни Садек, я был захвачен в плен. Не в силах я описать вам тех тяжёлых минут, которые пережиты были мною в момент пленения, одно только сознание, что я исполнил все, что было в моих силах, нравственно поддерживало меня в первые минуты пленения, – многие лишили себя жизни (далее немецкой цензурой вымараны две строчки. – М.Щ.), при свидании расскажу о всем подробнее».

Но помимо моральных переживаний, 17 августа Склобовский и группа офицеров его полка, осознавая высокую вероятность своего пленения, зная о ранении командира полка, понимали, что в сложившейся ситуации должны действовать в соответствии с требованиями регламента Петра Великого от 1716 г. Там, в частности, говорилось: «А егда опасный случай в ретиреде учинится, тогда знамя от древка отдрать надлежит и у себя схоронить или около себя обвить и тако со оным спастись»¹⁵.

Русский военный историк и одновременно генерал французской армии С.П. Андоленко так описывал действия офицеров – звенигородцев: «Знамя было сорвано с древка и полотнище разрезано и поделено между офицерами, которые хранили его в плену, а равно и Георгиевский крест со знамени. Древко со скобой и навершием, без выломанного Георгиевского креста попало в руки немцев»¹⁶.

Г.К. Склобовскому досталась центральная часть полотнища знамени – Спас Нерукотворный. Возможно, это объясняется тем, что в этой группе офицеров он был одним из самых старших по возрасту, воинскому званию и должности. К тому

---

¹⁴ Послужной список Г.К. Склобовского. 1911. РГВИА. Ф.409. Оп.1 Д.39527. Л.3, 3 об.

¹⁵ С.П. Андоленко. Два знамени // Военная быль. - Париж. 1968. № 90. С.11.

¹⁶ С.П. Андоленко. Судьба знамен армии генерала Самсонова // Военная быль. - Париж. 1965. № 72. С.44.

же все в полку знали, из какой глубоко религиозной семьи во многих поколениях он происходил. Очень символично, что накануне 16 августа церковь отмечает день почитания Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа. Бывший семинарист Склобовский, конечно, об этом помнил. Они поклялись сохранить доставшиеся им фрагменты знамени в плену и вернуть их на Родину.

В тот день не только звенигородцы, но и офицеры многих других попавших в окружение частей 2-й армии делали все возможное для спасения своих знамён. А некоторые сделали это и в предыдущие дни после жесточайших арьергардных боёв, как например, Дорогобужский и Каширский полки, которые зарыли их в землю. Из полков 36-й пехотной дивизии только Можайскому сразу удалось вынести в Россию полотнище полкового знамени.

О повсеместности таких действий говорит и письмо от 29.08.1914 Начальника штаба Верховного Главнокомандующего русской армии Н.Н. Янушкевича военному министру В.А. Сухомлинову, в котором есть и такие слова: «Уверяют, что ими большинство знамён спасены и могли попасть в руки германцев только древки (15 и 13 корпусов)»¹⁷.

Узник Кенигштайна. Весточка из крепости: июль 2023 г.

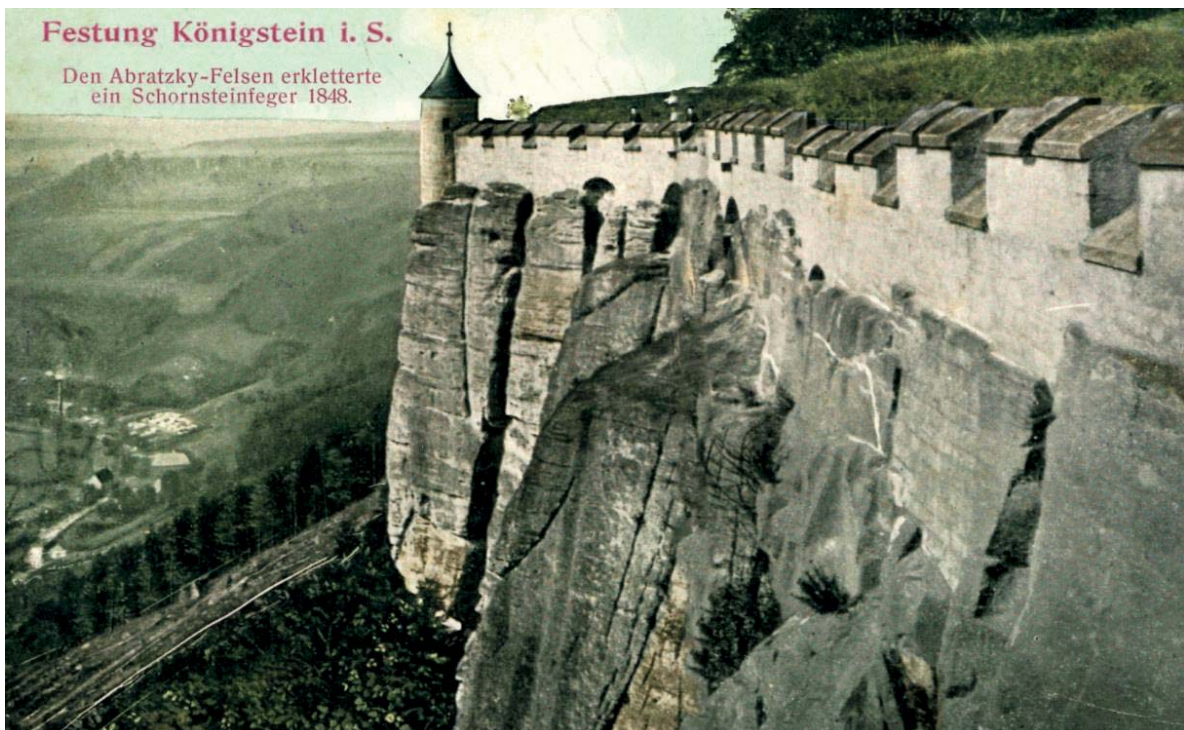
Но вернёмся к Склобовскому. В том же письме от 4.10.1914 он рассказывает, в каких лагерях для пленных русских офицеров побывал: «С 19 августа по 18 сентября я содержался в плену в гор. Нейссе, 19 сентября меня перевезли в Саксонию и поместили в крепости Кёнигштейн; крепость расположена в 36 верстах от города Дрездена, местность кругом чудная, – окрестности Кёнигштейна по красоте, как говорят, не уступают красотам Швейцарии, но насколько хорошо все кругом, настолько нравственно тяжело, испытывая полное лишение свободы и крепостной режим. В силу моих убеждений я мирюсь с окружающей обстановкой, – Господь руководит судьбой человека, Он спас меня в боях, Он же и послал мне тяжкие испытания, и эти испытания я должен переносить».

---

¹⁷ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем. (Предисл. И. Блинова) // Красный архив. Т.1. 1922. С.234.

Крепость Кенигштайн была построена в 13 веке. Она располагается на скалистом плато площадью 10 га на высоте 240 м над рекой Эльба. Внизу находится небольшой городок с таким же названием. В годы Второй мировой войны в крепости содержались пленные офицеры польской и французской армий. Г.К. Склобовский встретил здесь много своих знакомых по полку, дивизии и корпусу (А.Б. Преженцов, Ф.Е. Грибель, А.А. Угрюмов, Н.А. Ключев, Е.Ф. Пестич, В.И. Массалитинов и др.). В комнатах русских офицеров и генералов регулярно проводились обыски. Поэтому Склобовскому приходилось прилагать максимум усилий для того, чтобы не был обнаружен его фрагмент знамени.

Крепость Кенигштайн. Лицевая сторона открытки Г.К. Склобовского к М.А. Богомолу от 5 дек.1914 г. Архив М.В. Щеглова

Конечно, условия содержания в лагерях для офицеров были гораздо мягче, чем для солдат. Офицеры получали продуктовые посылки и денежные переводы из России, небольшие суммы выдавали немецкие власти для покупки товаров в лагерных магазинах. И все-таки у многих офицеров, особенно старшего возраста, обострялись хронические заболевания на фоне постоянного психологического стресса и ограничения в прогулках. Одним из первых ушёл из жизни начальник 36-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А.Б. Преженцов, который

скончался 30 октября 1915 г., так и не закончив свои записки о боях в Восточной Пруссии.

В нашем семейном архиве сохранились 5 писем Склобовского из плена: два – жене, А.И. Склобовской, два моему прадеду Богомолу М.А. и одно – своей родственнице (или знакомой) М.П. Чуйковой. Кратко расскажем, о чём говорилось в этих посланиях.

В первом письме от 4.10.1914, адресованном Богомолу, Склобовский описывает своё участие в боях, момент пленения и первые впечатления о крепости Кенигштайн. Соответствующие выдержки из этого письма приводились выше. Далее он говорит, что неоднократно писал жене, но безрезультатно: «Шурочке я писал много раз, но от неё не получил ни одного письма, неизвестность меня сильно, сильно беспокоит, бедная одна и при мысли, что с ней, невыносимо тяжело делается на душе, прошу вас, дорогой, напишите мне все, что знаете про Шуру и про жизнь дорогой Маруси (моей бабушки – М.Щ.)».

Могила А.И. Склобовской
на Всехсвятском
кладбище в г. Туле.
2023 г.

Склобовский передаёт наилучшие пожелания Богомолу от командира 141-го пехотного Можайского полка: «Полковник Грибель со мной в плену, шлёт вам привет». Он также просит адресата прислать ему два фунта чая. Представляется, что к моменту написания этого письма его жена ещё живёт в Орле, но через какое-то время, возможно в 1916 г., она переберётся в Тулу к своим самым близким и любимым родственникам и отчасти заменит им погибшего в июле 1916 г. Александра Богомолова. В семье Богомоловых – Щегловых она проживёт до своей кончины в 1947 г. в возрасте 73 лет.

Склобовский передаёт наилучшие пожелания Богомолу от командира 141-го пехотного Можайского полка: «Полковник Грибель со мной в плену, шлёт вам привет». Он также просит адресата прислать ему два фунта чая. Представляется, что к моменту написания этого письма его жена ещё живёт в Орле, но через какое-то время, возможно в 1916 г., она переберётся в Тулу к своим самым близким и любимым родственникам и отчасти заменит им погибшего в июле 1916 г. Александра Богомолова. В семье Богомоловых – Щегловых она проживёт до своей кончины в 1947 г. в возрасте 73 лет.

Практически сразу за этим письмом Склобовский отправил послание от 8.10.1914 Марии Павловне Чуйковой, проживавшей в Орле на ул. Тургеневской в доме Ивановой №41. Он снова повторяет мысль: «Господь спас меня от смерти в боях, молись за меня, дорогая крошка, чтобы скорее мне вернуться домой; я здоров, соскучился без тебя. Не дождусь того дня, когда увижу всех вас, мои дорогие. Да хранит тебя Господь. Любящий тебя дядя Гаврюша. Целую тётю, маму» К сожалению, автору не известны имена и фамилии последних.

Г.К. Склобовский в его комнате-камере в крепости Кенигштайн. Лицевая сторона открытки жене от 28 дек.1915. Архив М.В. Щеглова

Фотография, которая стояла на столе Г.К. Склобовского в его комнате-камере в крепости Кенигштайн. На ней изображена А.И. Склобовская (сидит), а также неизвестные автору женщина и девочка. 1910-е гг. Архив М.В. Щеглова

Следующая весточка Склобовского датирована 5 декабря 1914 г. Она содержит поздравления Богомоловым с Рождеством и Новым годом. Кроме того, он сообщает: «Я здоров,

время в плену проходит скучно и нравственно тяжело, – не дождусь дня, когда узнаю о возвращении на дорожку родину».

Сохранилась также его открытка жене от 28.12.1915. То есть прошло уже больше года с момента нахождения Склобовского в плену. Он пишет: «Посылаю тебе, моя родная, дорогая Шурочка, свою карточку; хотя на карточке посмотри на своего пленника; не забывай, молись за меня и пиши чаще. Господь милостив, я твёрдо верю, Он вернёт меня к тебе. Да хранит тебя, моя голубка, Господь». В конце Склобовский просит жену написать ему «своё впечатление». Не известно, какой была реакция жены, но объективно говоря, уже видно, что тяготы плена начали на нем сказываться. На столе в его комнате-камере видна фотография, на которой изображены жена, ещё какая-то женщина и девочка. В семейном архиве она сохранилась и приводится ниже. И, наконец, последнее из имеющихся у нас в архиве, а может быть, и вообще последнее письмо Склобовского от 16.10.1917. То есть прошло ещё почти два года с предыдущего послания. Как всегда с нежностью он обращается к жене: «Моя любимая, дорогая, добрая Шурочка» Жалуется, что редко получает от неё письма, но это, конечно, не её вина, а «причина со стороны», т.е. намекает на германскую цензуру.

Из письма следует, что здоровье Склобовского в предыдущие месяцы ухудшилось, но в последнее время ему стало лучше, так как доктор прописал ежедневные прогулки, а комендант лагеря разрешил ему гулять вне крепости. Гавриил Константинович говорит о своём желании побыстрее обнять родных, чтобы «порассказать друг другу о всем пережитом за тридцати восьми месячную нашу разлуку».

Склобовский пишет, что его и других пленных русских офицеров очень интересует, «что решила Копенгагенская конференция, – будет или нет обмен на родину и интернирование пленных?». Он с болью делится с женой такими грустными и пронзительными мыслями: «Для меня, вероятно, единственная и последняя надежда быть обмененным в Россию или интернированным в нейтральную державу (если представится какая-нибудь возможность), мне так хотелось бы хотя последние годы жизни быть вместе – неразлучно. О всем мы условимся через письма и телеграммы; я прошу тебя, если ты

узнаешь про меня от нашего Генерального управления, уведоми меня телеграммой, со своей стороны я сделаю то же».

В 1914 г. Склобовский с супругой присутствовал в Туле на свадьбе моих дедушки и бабушки, Юрия Николаевича и Марии Михайловны Щегловых. А в 1915 г. Александра Илларионовна Склобовская стала крестной матерью моего отца, Вадима Юрьевича Щеглова, который родился в апреле того же года. Поэтому в рассматриваемом письме Склобовского он обращается к жене с такими словами: «Передай дорогому, милому твоему крестнику, что я выписал для него модель крейсера; крейсер очень красив и изящной работы, работает он паром; я, право, не знаю, что привезти в подарок дорогому Димочке и остановился на крейсере – игрушка интересная и поучительная».

В конце письма он, как всегда передаёт приветы родным и знакомым. Среди последних фигурируют А.А. Вихирев и А.Г. Ушаков. С ними до войны у Склобовского сложились дружеские отношения. Например, в нашем семейном архиве сохранилась открытка от 12.04.1913 Вихирева с поздравлениями Гавриила Константиновича и его супруги со Светлым праздником Пасхи. Несколько слов об этих людях. О полковнике Вихиреве, начальнике штаба 36-й пехотной дивизии, было сказано выше. Добавим, что после его возвращения в Россию из Восточной Пруссии в августе 1914 г. он с 4.11.1914 до 18.12.1914 командовал 142-м пехотным Звенигородским полком, а потом с 18.12.1914 по 13.06.1915 годы – 141-м пехотным Можайским полком. А полковник А.Г. Ушаков, служивший в Звенигородском полку, с началом войны был назначен командиром 290-го пехотного Валуйского полка, а в дальнейшем стал генерал-майором и командовал дивизией.

Теперь несколько слов о Копенгагенской конференции, результатами деятельности которой интересовался Склобовский в письме к жене. В октябре-ноябре 1917 г. она действительно состоялась с участием России и Центральных государств. На ней были согласованы правила содержания, управления и организации помощи военнопленным. Последовавшие вслед за этим революционные события в Петрограде скорректировали позицию России по данным вопросам, а подписанный 3 марта 1918 г. Брестский мир сформулировал новые подходы к проблеме возвращения сотен тысяч пленных на Родину.

Свадебное фото М.М. и Ю.Н. Щегловых. Г.К. Склобовский стоит в центре 2-го ряда, опершись на саблю. Его жена наклонилась к невесте. Крайний слева в первом ряду сидит М.А. Богомолов. Справа от невесты сидит её мать А.И. Богомолова.
Весна 1914 г. г. Тула. Архив М.В. Щеглова

К сожалению, мечте Склобовского прожить последние годы жизни со своей женой в какой-нибудь нейтральной европейской стране (назывались Швейцария, Норвегия и Дания) не суждено было сбыться. Он скончался, видимо, или в ноябре-декабре 1917 г., или в первой половине 1918 г. Резкое ухудшение состояния его здоровья вызвало у Склобовского опасения за судьбу тайно хранимого им в плену фрагмента полкового знамени.

Далее предоставим слово моему деду, Щеглову Юрию Николаевичу, который 15 января 1957 г. в письме военкому Тульской области изложил ход событий следующим образом: «Склобовский содержался в крепости Кенигштейн, где и умер. Незадолго до смерти, воспользовавшись правом получать и посылать на родину посылки, он вложил знамя (Спас Нерукотворный – М.Щ.) под плюшевую обшивку шкатулки и прислал

её своей жене, которая жила у нас в Туле. По окончании войны из крепости Кенигштейн вернулись два тульских врача – Тейле Фридрих Рейнгольдович и Конилов Арий Петрович, от которых мы и узнали о содержании шкатулки»¹⁸. Дед далее предлагал отдать эту семейную реликвию военкому для последующей передачи в Центральный музей Советской Армии. Ответа, к сожалению, не последовало. Фотографии шкатулки и фрагмента знамени представлены на фото.

Резная деревянная шкатулка, которую Г.К. Склобовский переправил по почте жене из плена вместе с фрагментом знамени своего полка

Лицевая сторона части полотнища знамени, спасённой Г.К. Склобовским

Оборотная сторона части полотнища знамени, спасённой Г.К. Склобовским

¹⁸ Копия письма Ю.Н. Щеглова. 15.01.1957. Архив М.В. Щеглова.

Отсутствие оборотной стороны на части полотнища Спас Нерукотворный можно попытаться объяснить одной из следующих причин:

– она была отделена от лицевой стороны уже 17 августа 1914 г. (если это технически было возможно сделать быстро);

– эта мысль могла прийти ему в голову, например, в 1915 г., когда немцы стали особенно часто и тщательно обыскивать пленных русских офицеров в крепости Кенигштайн, и такая техническая операция теоретически позволяла выдать лик Спаса Нерукотворного за обычную икону;

– это сделал сам Склобовский в плену, задумавший отправить в Россию жене фрагмент знамени под плюшевой обивкой деревянной шкатулки и для этого решивший уменьшить объем этой тайной посылки, тем более, что Россия к этому времени была уже республикой;

– наконец, это могла сделать вдова Склобовского в 20-30-е годы прошлого века, так как мужчин из семьи, в которой она жила в Туле, неоднократно, правда на непродолжительное время, арестовывали, а в квартире производились обыски. Если бы при этом удалось найти кусочек материи с изображённым на ней вензелем Николая Второго, последствия для обитателей были бы вполне предсказуемы.

Кстати, в книге А.Н. Кайгородцева и А.Ю. Низовского среди других знамён «белградской коллекции» есть два знамени неизвестных полков, на которых также отсутствует вензель Николая Второго¹⁹.

Кроме того, Тейле и Конигов вывезли в тайнике из Германии материалы, содержавшие факты издевательств немцев над находившимися в плену русскими солдатами. Как уже отмечалось выше, выполняя волю Склобовского, военврачи посетили в Туле его жену. Здесь они узнали, что Ю.Н. Щеглов работает в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками и войсками, действующими в союзе с Германией и Австро-Венгрией, и оставили ему привезённые материалы. Учитывая, что последнее заседание комиссии состоялось в конце июня 1918 года, можно предпо-

---

¹⁹ А.Н. Кайгородцев, А.Ю. Низовский. Полковые святыни Российского воинства. СПб. Славия. 2021 г. с.377, 381.

ложить, что Тейле и Конигов вернулись из Германии весной того же года.

Несколько слов о самих врачах. Ф.Р. Тейле происходил из знаменитой семьи тульских самоварных фабрикантов. Он был женат и имел дочь. После революции и Гражданской войны Ф.Р. Тейле стал в Туле известным врачом-терапевтом, но в 1938 г. был арестован и из лагерей уже не вернулся. А Конигов А.П. в том же 1938 г. стал доктором биологических наук и успешно работал в этой сфере.

В процессе написания этой статьи неожиданно удалось получить новые сведения прямо из крепости Кенигштайн. Проживающий в Австрии Алексей Трубаров, сын старого друга автора, по просьбе последнего, связался с музеем этой крепости и с его научным сотрудником г-ном А. Павлушковым. Тот с готовностью ответил на заданные ему вопросы, а также поделился и некоторой дополнительной информацией.

Ф.Р. Тейле, его жена Мария Михайловна и их дочь Кира.
г. Тула. 1910-е гг.

Относительно Склобовского он сообщил следующее:
– в архиве крепости хранится фотография Гавриила Константиновича;

– комната, где он содержался, находилась на первом этаже крепости;

– в лагере Кенигштайн велась специальная летопись, в которой, в том числе, отмечались случаи смерти русских военнопленных, но в ней почему-то не оказалось записи о кончине Склобовского.

Г.К. Склобовский в своей комнате-камере в крепости Кенигштайн.
1914-1917.

Архив музея крепости Кенигштайн

Само кладбище, на котором хоронили русских, находилось вне стен крепости. К нему можно спуститься по тропинке. Оно было разрушено после Второй мировой войны, но остатки стены видны и сегодня. Часть надгробий администрации музея удалось сохранить, поместив их на склад. В ближайшие годы территорию бывшего кладбища планируется привести в порядок, но без установки надгробных памятников. Музей крепости

предоставил фотографию, на которой запечатлены похороны кого-то из русских военнопленных.

Похороны кого-то из русских военнопленных.
1910-е гг. Архив музея крепости Кенигштайн

Фотография Ф.Р. Тейле. 1910-е гг. Архив музея крепости Кенигштайн

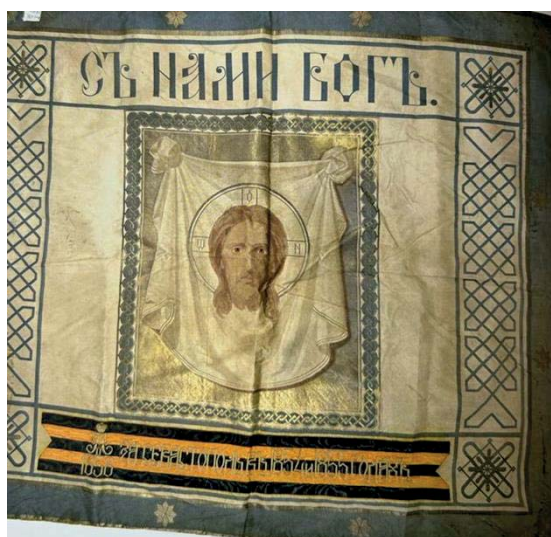
Относительно нахождения в крепости двух тульских военврачей Коникова и Тейле, сотрудник музея обнаружил в архиве и прислал фотографию второго. По Коникову ничего обнаружить не удалось.

Г-н А. Павлушков выразил заинтересованность в получении материалов по Г.К. Склобовскому и его подвиге с тем, чтобы использовать их в русском разделе музея крепости Кенигштайн.

Что известно о судьбе других частей знамени Звенигородского полка

После рассказа о подвиге Г.К. Склобовского, на основании имеющейся и вновь обнаруженной автором информации необходимо поведать о судьбе и других фрагментов знамени Звенигородского полка.

Но вначале хотелось бы увидеть, как оно выглядело изначально. И такую возможность предоставляет книга А.Н. Кайгородцева и А.Ю. Низовского, в которой на стр. 266 и 220 даётся описание знаменных полотнищ соответственно 142-го Звенигородского пехотного и 42-го Якутского пехотного полков. Из текста следует, что эти полотнища с момента изготовления были идентичны, так как Звенигородский полк создавался в 1863 г. на базе Якутского. Поэтому фотография знамени второго из них (с. 220-221 указанной книги) даёт полное представление о той полковой святыне, которую пришлось разрезать офицерам-звенигородцам в августе 1914 г.

Лицевая сторона полотнища знамени 42-го Якутского пехотного полка

Оборотная сторона полотнища знамени 42-го Якутского пехотного полка

16 августа 1906 г. 142-му Звенигородскому пехотному полку было пожаловано Георгиевское юбилейное знамя образца 1900 г, на котором в 1912 г. был нашит отрезок Георгиевской ленты с надписью отличия «За Севастополь в 1854 и 1855 годах». Кайма светло-синяя. Знамя имело Георгиевское навершие образца 1867 г. и Александровскую юбилейную ленту. На лицевой стороне – икона с образом Спаса Нерукотворного, на оборотной – вензель императора Николая Второго и юбилейные даты «1806-1906».

Тема судьбы этого и других знамён армии Самсонова поднималась в работах многих отечественных и зарубежных исследователей (С.П. Андоленко, Т.Н. Шевяков, В.В. Звегинцов, Г.В. Вилинбахов, А.Н. Кайгородцев, Комаровская Е.П. и др.). Но одним из первых, если не первым, об этом написал уже упоминавшийся С.П. Андоленко, в своей статье «Судьба знамён армии генерала Самсонова». Его слова о том, что офицеры-звенигородцы разрезали полотнище знамени, приводились выше, когда речь шла о трагических событиях 17 августа 1914 г. Далее Андоленко писал: «В декабре 1914 г. в лагере Оснабрюк, немцы нашли на пленном поручике Исаеве кусок полотнища с надписью «С нами Бог». Исаев категорически отказался дать немцам какие-либо показания. Большая часть полотнища была спасена и после войны вывезена из Германии. Часть его в 1919 г. была представлена в Штаб Добровольческой армии и впоследствии сдана в русский храм в Белграде. Другой кусок его был 19 октября 1925 г. прямо сдан в тот же храм. Фамилии офицеров, спасших знамя нам не известны».²⁰

Эта статья, вышедшая практически к 50-летию тех событий, вызвала живой интерес у читателей газеты. В 1965-1966 годах в редакцию пришло несколько откликов на неё, в том числе и касавшееся спасения знамени Звенигородского полка письмо от П.В. Шиловского, в котором, в частности, отмечалось: «К данным сведениям могу добавить, что знамя 142-го пехотного Звенигородского полка было спасено подпоручиком Лапиным. Оно было зашито в его пояс и сдано впоследствии в Добровольческую Армию».²¹ Здесь, видимо, имеет место или добросовестное заблуждение автора письма, или возрастные

---

²⁰ С.П. Андоленко. Судьба знамён армии генерала Самсонова // Военная быль. - Париж. 1965. № 72. С.44.

²¹ Военная быль. – Париж. 1965. №73. С.48.

проблемы с памятью. Лапин не мог сохранять в плену все знаменное полотнище, поскольку его части были, как минимум, у Исаева, Склобовского и лиц, сдавших свои фрагменты в 1925 и 1919 гг. Последним и мог быть Лапин, хотя и здесь не все так очевидно.

По этому вопросу интересная информация содержится в книге А.Н. Кайгородцева и А.Ю. Низовского (с.267), в которой сообщается, что этот занесённый в опись фрагмент « был получен Управлением коменданта Главной квартиры штаба Главнокомандующего ВСЮР от начальника бронепоездных дивизионов 11 августа 1919 г.». Именно в это Управление в октябре 1918 г. А.И. Деникин своим приказом поручил сдавать на хранение найденные русские знамёна и регалии.

Представляется целесообразным полностью привести фразу из указанной выше Описи знамёнам, регалиям и военным реликвиям, хранящимся при Управлении коменданта Главной квартиры штаба Главнокомандующего ВСЮР, по поводу сдачи фрагмента знамени: «часть знамени с орлом Начальника бронепоездных дивизионов за № 6455 от 11 августа 1919».²² Начальником бронепоездных дивизионов в то время был генерал-майор М.А. Иванов.²³ В его рапорте от 11 августа 1919 г № 6455 на имя дежурного генерала могла фигурировать и фамилия Лапина с объяснением роли последнего.

Перед отправкой в марте 1920 г. в Болгарию, а потом в Королевство сербов, хорватов и словенцев, собранных в Добровольческой Армии военных реликвий, была составлена Опись знамён и регалий, в которой про знамя Звенигородского полка говорилось следующее: «Часть знамени с орлом 142-го пехотного Звенигородского полка от Н-ка бронепоездных дивизионов (дело 21 переп.18)²⁴. В упоминавшейся выше описи есть графа 4 «в каком деле находится переписка». То есть интересующая нас информация о Лапине может находиться в деле № 21 описи за 1919 год с рапортами на имя дежурных генералов на с.18, куда, видимо, был подшит рапорт М.А. Иванова. Само это дело можно попробовать поискать во Франции в Обществе охранения русских культурных ценностей за рубежом,

²² Архив ДРЗ. Ф.133. Оп.1. Д.1. Л.16.

²³ Расписание сухопутных войск ВСЮР по 15(28) сентября 1919 г. (dk 1868. ru> statii/tsvtkov/text9.htm).

²⁴ Архив ДРЗ. Ф133. Оп.1. Д.3 Л.34.

материалы которого находятся в Историческом центре национальных архивов, откуда в 2004 г. некоторые документы, в том числе и описи знамён, поступили в Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Среди этих документов находится и дело, содержащее часть рапортов на имя дежурного генерала за 1920 г.²⁵

В октябре 1920 г. собрание русских знамён демонстрировалось на выставке в Софии. При отборе экспонатов, видимо, в августе – сентябре 1920 г. в первой описи делались различные отметки карандашом. Рядом с записью о приёме в августе 1919 года фрагмента знамени Звенигородского полка карандашом стоит отметка «Выст-ка. С документом, где остальное зна»²⁶. Первое слово означает, что экспонат отобран на выставку, а последнее, видимо, знамя. То есть уже с осени 1920 г. существовал список хранителей фрагментов знамени этого полка. Кстати, имеет смысл поискать рассказы корреспондентов об этой выставке в белогвардейских изданиях и в болгарской прессе за октябрь-ноябрь 1920 г. Возможно, кто-то обратил внимание на список хранителей знамени Звенигородского полка.

После того, как русские знамёна и другие регалии оказались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, не раз составлялись описи этого поистине бесценного собрания. Их изучение приводит к интересным результатам. С декабря 1920 г. по август 1924 г. знаменное собрание хранилось в Сараево. Перед его отправкой в Белград была составлена опись регалиям Русской армии, хранящимся в гор. Сараево при Русском кадетском корпусе, в пункте 14 которой читаем: «Угол полотнища голубого знамени и заметка карандашом у кого находится знамя 142-го пехотного полка»²⁷. То есть опять упоминается список хранителей частей знамени.

В 1924 г. в Белграде была построена церковь Св. Троицы, или Русская церковь, как её все называли. В августе 1925 г. в ней фактически разместили знамёна и другие реликвии, а в январе 1926 г. состоялась официальная церемония их передачи. В связи с этим была составлена новая опись того, что передавалось в храм. Её направили с рапортом П.Н. Врангеля от

---

²⁵ Архив ДРЗ. Ф.133. Оп.1. Д.4.

²⁶ Архив ДРЗ. Ф.133. Оп.1. Д.1. Л.16.

²⁷ Архив ДРЗ. Ф.133. Оп.1. Д.4. Л.4.

1 февраля 1926 г. № 157П на имя Верховного Главнокомандующего: «При сем всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Высочеству подробную опись знамён и регалий, размещённых в Русской церкви в Белграде...»²⁸. Про знамя Звенигородского полка говорилось следующее: «95-5/23 Знамя 142-го пех. Звенигородского полка (кусок полотнища в чехле, при нем список лиц – хранителей остальных частей знамени). Второй кусок полотнища представлен 19 октября 1925 г. штабс-капитаном Ярцевым»²⁹. 1 января 1914 г. офицера с такой фамилией в Звенигородском полку не было. Возможно, он появился в полку в ходе мобилизации, а может быть, речь идёт о штабс-капитане Виталии Семёновиче Ярцеве, уроженце Воронежской губернии, 1895 г. рождения. В годы Великой войны он служил в 25-м пехотном Смоленском полку и был неоднократно ранен³⁰.

Примерно через два месяца появился новый рапорт от 24 марта 1926 г. №383П генерал-лейтенанта П.А. Кусонского на имя генерал-лейтенанта П.К. Кондзеровского. К нему прилагалась опись знамён и штандартов, которые не были размещены в Русской церкви «с указанием кем и при каких обстоятельствах упомянутые регалии были вывезены за границу». Там, например, указывалось кто знамя закопал в землю, кто выкопал, кто хранил впоследствии и т.д. И далее сообщается следующая представляющая интерес информация: «В ближайшем будущем Вам будут препровождены также исторические сведения о знамёнах и регалиях, размещённых в Русской церкви в Белграде»³¹. В первой половине 1926 г. такие сведения могли быть представлены и среди них, возможно, фигурировали и фамилии хранителей фрагментов знамени 142-го пехотного Звенигородского полка. Соответствующие материалы могут также находиться во Франции в Обществе охранения русских культурных ценностей.

Но вернёмся к знамёнам русской армии, хранившимся в церкви Св. Троицы в Белграде до сентября 1944 г. Когда части

---

²⁸ Архив ДРЗ. Ф.133. Оп.1. Д.4. Л.40.

²⁹ Там же. Л.62.

³⁰ Список (по старшинству в чинах) штаб и обер-офицеров и военных чиновников 25-го пехотного Смоленского генерала Раевского полка на 12.01.1915. РГВИА. Ф.408. Оп.1. Д.9412.

³¹ Архив ДРЗ. Ф.133. Оп.1. Д.4. Л.62.

Красной Армии стали приближаться к городу, военные святыни из храма были эвакуированы в Германию и помещены в хранилище Дрезденского банка. Эта операция была осуществлена чинами Русского охранного корпуса, воевавшего на стороне немцев. В 1945 г. ящики со знамёнами были обнаружены представителями советской оккупационной администрации и отправлены в Москву в Центральный музей Красной Армии. Такова официальная версия. Её, в частности, придерживается Г.В. Вилинбахов³².

В книге А.Н. Кайгородцева и А.Ю. Низовского (с.191-192) помимо этой приводится частично альтернативная версия. Её предложил бывший есаул лейб-гвардии Казачьего полка Г.М. Гринев, рассказавший на страницах газеты «Вестник» Общекадетского объединения за 1961 г., как осенью 1944 г. под его руководством проходила эвакуация русских знамён из храма. Он поведал о том, что знамёна без древков были упакованы в 5 одинаковых ящиков, каждый размером примерно 100х70х70 см. и снабжены описями. Ящики доставили сначала в Вену, а потом они, по его словам, оказались под Дрезденом на складе некоего владельца «русского транспортного бюро», где были в 1945 г. обнаружены советскими войсками и отправлены в Москву.

Как бы то ни было, конец у обеих версий один: в 1945 г. «белградская коллекция» оказалась в Центральном музее Красной Армии. Сюда же должны были поступить из берлинского Цейхгауза и различные русские военные реликвии. Вот как писал об этом С.П. Андоленко: «В 1945 г. по занятии Берлина советскими войсками, все хранившиеся в Цейхгаузе обломки русских знамён были оттуда изъяты и отправлены в Россию»³³.

В Цейхгаузе находились и «обломки» трёх полковых знамён 36-й пехотной дивизии, куда входил и Звенигородский полк. Знамя 144-го пехотного Каширского полка в августе 1914 г. было зарыто в землю на месте его последнего боя, а в 2004 г. случайно найдено в Польше, где и хранится в музее. Только по линии 142-го пехотного Звенигородского полка в Цейхгаузе

---

³² Г.В. Вилинбахов. Русские знамёна. Очерки. – СПб. 2005. С.173.

³³ С.П. Андоленко. Судьба знамён армии генерала Самсонова // Военная быль. №72, март 1965. С.44.

хранились: древко со скобой и навершием без выломанного Георгиевского креста, а также фрагмент знамени с надписью «СЪ НАМИ БОГЪ».

До осени 1971 г. белградская знаменная коллекция хранилась в Центральном музее Вооружённых Сил СССР (далее – ЦМВС), а в октябре того же года из него в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМИВиВС) передали собрание знамён Русской императорской армии. Факт передачи автору в феврале 2023 года подтвердили сотрудники знаменного подразделения ЦМВС. Также они сообщили, что согласно учётной записи знамени 142-го пехотного Звенигородского полка поступило в их музей на коротком древке, на котором имелись лишь некие фрагменты полотна в ветхом состоянии. Соответственно, в Ленинград «они передали то, что сами получили из Германии».

Лицевая сторона правого верхнего угла полотна знамени Звенигородского полка, хранящегося во ВИМАИВ и ВС

Оборотная сторона этого же правого угла знамени

Однако А.Н. Кайгородцев, являющийся также научным сотрудником ВИМАИВиВС, сообщил автору, что у них имеется лишь один фрагмент знамени Звенигородского полка, а именно

его правый верхний угол с двуглавым орлом, фото обеих сторон которого представлено на сс. 266 и 267 книги «Полковые святыни Российского воинства», а также на следующих фото настоящей статьи. По его словам эта часть полотнища была найдена им случайно среди других фрагментов, хотя максимально их в музее могло бы находиться три: два из «белградской коллекции» и один из берлинского Цейхгауза. Имеющийся в музее правый верхний угол знамени является, видимо, тем фрагментом (с орлом), который в августе 1919 г. в штаб Добровольческой Армии сдал начальник бронепоездных дивизионов генерал-майор М.А. Иванов, о чем рассказывалось выше.

Похоже, что в тот трагический день 17 августа 1914 г. офицеры – звенигородцы, разрезавшие знамя своего полка недалеко от деревни Садек, имели достаточно времени, чтобы сделать это максимально рационально. Так, возможно, был отдельно вырезан каждый из четырёх углов полотнища с орлом. Спас Нерукотворный и надпись « СЪ НАМИ БОГЪ » также были отделены очень продуманно. Если продолжить эту рациональную логику, можно предположить, что хранителей знамени было до 8-9 человек. Как уже отмечалось, С.П. Андоленко считает, что в плену «большая часть полотнища была спасена и после войны вывезена из Германии». Возможно, он так полагал потому, что в берлинском Цейхгаузе видел только один фрагмент знамени Звенигородского полка. Но ведь офицеры-хранители могли умереть в плену, не успев или не решившись рассказать никому о своей тайне и в буквальном смысле слова унести её с собой в могилу. Так едва не произошло и со Склобовским.

В заключение, подводя некоторые итоги сказанному, можно предложить ряд направлений работы по дальнейшему изучению истории подвига офицеров-звенигородцев, а также уточнению состава имеющих в наличии святынь Русской императорской армии, поступивших в нашу страну из Германии в 1945 г.

Для этого, в случае заинтересованности сторон, можно было бы создать рабочую группу из числа сотрудников знаменных подразделений обоих музеев с целью поиска ответов на следующие вопросы:

– что именно было получено Центральным музеем Красной Армии в 1945 г. из «белградской коллекции», в том числе и применительно к знамени 142-го Звенигородского пехотного полка;

– нет ли в музейных описях 1945 г. упоминания о чехле с фрагментом (с орлом) знамени Звенигородского полка и списке хранителей его частей;

– передавались ли в 1945 г. в Центральный музей Красной Армии «обломки знамён» Русской императорской армии из берлинского Цейхгауза, включая и отдельные части знамени Звенигородского полка, если да, то где они находятся в настоящее время;

– что было передано в 1971 г. и с какими комментариями из одного музея в другой по линии «белградской коллекции».

Но есть и более частные требующие уточнения вопросы, которые уже ставились в этой статье. Также желательно уточнить, когда в январе-июле 1914 г. поручик Исаев стал офицером Звенигородского полка, так как на 1 января 1914 г. в списках полка он не значится. Интересующая нас информация может находиться и в архиве ВИМАИВиВС, где, как указывает А.Н. Кайгородцев на с.153 своей книги, хранится много смет, описей, заявок, ведомостей, различной переписки и другой документации, написанной рукой В.М. Баумгартена. Последний много лет являлся главным хранителем белградского знаменного собрания. Возможно среди его записей имеется информация и о списке офицеров-звенигородцев, сохранявших части знамени своего полка. Баумгартен мог сделать дубликат этого списка на случай его потери.

Представляется, что реализация предлагаемых направлений поиска позволит узнать больше о судьбе вернувшихся в 1945 году на Родину русских военных святынь, в том числе и о знамени 142-го Звенигородского пехотного полка. А нынешнее возвращение Спаса этого полка, может быть, является предтечей будущих интересных открытий в этой области.

2 августа 2023 г.

Сергей Андоленко*

ДВА ЗНАМЕНИ**

«Знамя есть полковая святыня, которую защищать до смерти. Оно должно напоминать присягу о том, чтобы до последней капли крови за Веру, Царя и Отечество».

О знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою,
Чьё сердце за твои лоскутья не готово,
Все блага позабыть и жизнь отдать свою.

К. Р.

---

* Орловский военный вестник № 9(25) 2014 год, стр. 82.

Сергей Павлович Андоленко (1907–1973) – сын драгунского офицера. Он ещё ребёнком был вынужден покинуть Россию после Гражданской войны. Поступил во французское Высшее военное училище и стал офицером Иностранного легиона. Участвовал в боевых действиях в Африке во время Второй мировой и закончил свою службу бригадным генералом французской армии, но при этом всю жизнь оставался русским, написал множество работ по военной истории России.

** Андоленко С.П. Два знамени. // Военная быль. Париж. 1968. № 90 (март). С. 6–13. (http://www.grwar.ru/library/AndolenkoTwoBanners/AB_001.html).

В «Войне и Мире» графа Толстого есть следующая фраза: «...не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках...» Она не понравилась генералу Драгомирову: «Графу Толстому, конечно, известна та особенность человеческой природы, в силу которой всякая матерьяльная вещь приобретает значение не столько сама по себе, сколько по тем понятиям, которые он соединяет с этой вещью. С этой точки зрения самый ничтожный предмет может стать для человека святыней, сохранение которой для него сливается с сохранением собственной чести и становится неизмеримо выше сохранения собственной жизни. Мы идём дальше, спускаемся в разряд тех вещей, с которыми человек не соединяет собственно никакого особенного значения и которые бросает, как только они отслужили свой срок. Какое чувство возникнет в вас, если незнакомый человек, подойдя к вам и схватив положенную вами подле хоть папиросницу, бросит её на пол. Этот человек оскорбляет этим вас, между тем как в сущности он сделал самое невинное дело, бросил копеечную вещь на пол. Из этого следует, что всякая самая ничтожная вещь, становясь принадлежностью человека, обращается как бы в часть его самого до такой степени, что грубый поступок относительно её вы считаете уже посягательством на ваше личное достоинство.

Что верно относительно единичных личностей, то ещё более верно относительно тех больших сборных личностей, которые называются батальонами, полками. Не представляя по внешности одного существа, они нуждаются в таких символах, в таких вещественных знаках, служащих осязательным свидетельством внутреннего духовного единения людей, составляющих известную часть. Знамя именно и есть этот символ. В порядочной части все может умереть для войсковой жизни, одно остаётся неизменным и вечным, насколько вечны создания человека: дух и знамя, его вещественный представитель. Часть, в бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенной, несмотря на самые тяжёлые, иногда гибельные положения; часть, потерявшая знамя, то же, что опозоренный и не отплативший за свой позор человек. Взяв это в соображение, всякий согласится, что кусок материи, который соединяет около себя тысячи человек, сохранение которого стоило жизни сотням, а может быть и тысячам людей, входивших в состав полка в продолжение его векового существова-

ния, что такой кусок материи есть святыня, не условная военная святыня, но святыня в прямом и непосредственном значении этого слова, и что из всех трофеев это именно тот, который более всего свидетельствует о нравственной победе над врагом».

«А егда опасной случай в ретираде учинится, тогда знамя от древка отдрать надлежит и у себя схоронить или около себя обвить и тако со оным спастись».

Император Пётр Великий

Возможно, что, занося эти слова в свой регламент 1716 г., Пётр вспоминал, как были спасены многие знамёна под Нарвой. С тех пор, следуя его завету, так и спасались попавшие в беду русские знамёна. Так было и в Семилетнюю войну, и в кампанию 1799 г., и под Аустерлицем, так было и в 1914-м году.

Тяжкие испытания выпали на долю полков армии генерала Самсонова, попавших в окружение в августе 1914 г. в Восточной Пруссии.

Исполнить свой долг по отношению к знамени было нелегко.

Тяжёлая артиллерия и пулемёты, сметавшие с лица земли целые роты, вообще ставили вопрос о целесообразности присутствия знамён в бою. Ведь знамя служило символом, вокруг которого собирались бойцы, а в новых условиях боя, когда пришлось зарываться в землю и стремиться оставаться невидимыми, казалось, знамени вообще не было места. Некоторые армии, как, например, английская, знамён в поход не брали уже с 80-х годов прошлого столетия, другие, как германская и австро-венгерская, с 1915 г. отослали их в тыл. Только французы и русские остались при другом мнении и держали всегда знамёна при полках... Даже во вторую мировую войну.

Армия Самсонова попала в тесное кольцо окружения. О судьбе её знамён мы уже имели случай кратко писать на страницах этого журнала. Здесь мы возможно подробно разбираем два случая, обращаясь к читателям с просьбой пополнить приведённые нами данные. Оба свидетельствуют о героическом, жертвенном духе, одушевлявшем офицеров, унтер-офицеров и рядовых Императорской Армии, от которых мы не отделим и представителей военного духовенства.

Какие чувства питали к своим знамёнам и штандартам русские офицеры, ясно вырисовывается из следующих двух выписок из воспоминаний полковника Успенского, 106-го пех. Уфимского полка, и генерала графа Нирода, командира л.-гв. Драгунского полка:

«На душе было невесело. Несмотря на страшную усталость, я въ эту ночь заснуть не могъ въ той хате, где пришлось ночевать, настолько нервы мои были напряжены. Забота о полковом знамени, зашитом у меня в шинели, не давала мне покою. Я снял с себя эту шинель, повесил её в углу около икон и сам не отходил отсюда. Все те статьи закона, на которых мы, офицеры и солдаты, были воспитаны, о хранении и спасении знамени, как полковой святыни, и о страшной ответственности, как моральной так и юридической, за потерю знамени, неотступно стояли в моем уме. Почему командир не снял с меня этой ответственности вчера, по окончании боя. Почему не охранять знамя караулом, как всегда, а не потайно, одним человеком. Мысленно упрекал я командира полка. Ведь вот, сейчас, ночью, когда полное изнурение и глубокий сон объяли весь полк, немцы могут ворваться в эту хату и что я смогу сделать? Я нервничал, волновался, хотел опять идти к командиру полка... но в то асе время начинал оправдывать командира, упрекать себя в малодушии и трусости... и так до рассвета, в полубреду, провёл всю эту ночь».

полк. Успенский.

«Живо припоминаю одну мысль, гвоздём засевшую у меня в голове и не покидавшую меня весь день. Куда девать штандарт в случае неудачи, если нам отрежут единственный путь к отступлению. Под командой в этот день было около 1.000 человеческих жизней, а я думал и мучился о куске шёлковой материи, прибитой к куску дерева. Что же это значит? Теперь, когда у нас все потеряно, значение этого куска материи ещё ярче выступает и ещё более понятно. Это была эмблема всего святого, всего соединяющего, без чего немислима никакая правовая организация, и за неё-то я боялся больше, нежели за все человеческие жизни, мне порученные».

гр. Нирод.

Один из приводимых нами эпизодов относится к гвардейскому полку, л.-гв. Кексгольмскому, а другой к армейскому, 29-му пехотному Черниговскому. Оба полка были старыми, Петровскими. Оба, по завету своего основателя, спасли, несмотря на, казалось, безвыходное положение, в которое они попали, свои знамёна и свою честь.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КЕКСГОЛЬМСКИЙ ПОЛК

Полк этот своим сопротивлением 27–29 августа дал возможность отойти разбитому XV корпусу. Из германских дневников и полковых памяток видно, что за эти три дня все полки их I армейского корпуса, имели дело с Кексгольмцами.

Уже 28 августа полк выдерживает тяжёлый бой со 2-й германской пехотной дивизией. Генерал Головин пишет: *«Вскоре после полудня выясняется наступление немецкой пехотной дивизии на Ронцкен. Огонь многочисленной артиллерии сопровождает это наступление, противопоставить [так в тексте] которому ген. Кондратович может только л.-гв. Кексгольмский полк. Громадное превосходство в силах немцев заставляет этот полк отодвигаться. Но отходит он шаг за шагом, осаживая в общем направлении на Лана»*. О том, какое сопротивление оказали врагу Кексгольмцы косвенно свидетельствует германская официальная история войны: *«Атака 2-й дивизии развивается очень медленно. Эта дивизия потеряла свой прежний боевой дух»*.

«В поле ржи, к югу от Ронцкен, среди васильков (эмблема полка) лежит оставшаяся верной долгу рота Кексгольмцев, целиком скошенная немецкими пулемётами».

29-го положение ухудшилось. На оставшиеся 8 рот под д. Радомин навалилось уже две дивизии. На следующий день из всего полка отступали только две роты со знаменем. По мере продвижения, к остаткам полка присоединились отдельные небольшие группы, что составило ещё одну роту. Окружённые со всех сторон Кексгольмцы сильно беспокоились о судьбе своего знамени.

Уже в ночь с 29 на 30 августа, сознавая почти неизбежную гибель, командир полка, генерал-майор Малиновский, приказал срезать полотнище знамени и передал его подпоручику Константину Анучину, как молодому, высокому и худому, дабы

обмотанное вокруг тела знамя не бросалось бы в глаза. Древко с двуглавым орлом продолжал нести знамёнщик.

К рассвету увидели д. Валлендорф. С севера и северо-запада начался артиллерийский обстрел. Командир созвал офицеров. Древко было уничтожено, а наверхие закопано в землю. Судьба скобы нам неизвестна. Место отмечено на карте. Выбрали двух лучших коней, на которых посадили Анучина и призванного из запаса унтер-офицера Васильева, служившего в кадровый период л.-гв. в Уланском Его Величества полку и ген. Малиновский приказал им пробираться со знаменем в Россию, а всем остальным Кексгольмцам, разбившись на мелкие группы, пробиваться через окружение.

Отметим, что запас синего шелка, находившийся на древке, был снят и спрятан. Некоторые офицеры взяли по маленькому кусочку полотнища. Всего в Россию пробилось 6 офицеров и около 400 солдат, в числе их была в полном составе пулемётная команда.

«5 октября, – пишет принявший остатки полка в Варшаве генерал Адамович, – один из офицеров, пробившихся из окружения, передал мне крохотный обрывок синего полотнища, взятый им при снятии знамени с древка. Много времени спустя, делопроизводитель по хозяйственной части, состоявший постоянно при обозе, представил мне хранившуюся в канцелярской двуколке синюю, скрученную в трубку длинную полосу шелка, очевидно – оставшуюся на древке при срезывании полотнища и сорванную с древка перед его закапыванием и как-то вывезенную и сохранившуюся».

Это были единственные части знамени, вынесенные из окружения.

Что же касается полотнища, то судьба его была другая.

Расставшись с полком на рассвете 30 августа, Анучин и Васильев пустились в путь. Они поскакали на юг, но счастье им не улыбнулось. Вскоре они попали под ружейный огонь и обе лошади были убиты. Они спешили и стали пробираться среди кустов. Где они маялись до ночи, где они шли и где ночевали, они не знали сами. Со всех сторон раздавалась стрельба, виднелись и слышались немцы. С рассветом 31 августа, изнеможённые и голодные, они снова пустились в путь, но, пробираясь в кустах, наткнулись на какой-то патруль.

Васильев встал во весь рост и со словами: «*Ваше Высокоблагородие, спасайте знамя, я их задержу*», начал стрелять. Немцы ответили. Васильев успел выпустить одну обойму и упал смертельно раненным. У него из горла хлынула кровь, и Анучин смог расслышать только его последние слова: «*Бегите, спасайте знамя*». Герой Васильев своей смертью спас знамя, дав возможность Анучину уйти от немецкой заставы. Пригнувшись к земле, то ползком, то на четвереньках, подпоручик скрылся в лабиринте пересекающихся тропинок.

Весь день, до вечера, Анучин, обёрнутый знаменем под походным мундиром, искал выхода. Казалось, что спасение близко, но он был окружён внезапно налетевшим разъездом и взят в плен. К счастью, немцы его не обыскали...

Трагедия 2-й армии оканчивалась. Пленные отводились в тыл. Вот что пишет бывший полковой адъютант Кексгольмского полка, полковник Янковский о встрече с Анучиным:

«С чувством затаённого беспокойства, каждый из нас осматривал вновь подводимую партию офицеров, страшась найти в ней Анучина. К своему неописуемому ужасу, в одной из них мы увидели и нашего знаменосца. Красноречивый разговор немигающих глаз нам пояснил, что знамя при нем. Картина спасения знамени унтер-офицером Старичковым стала перед нашими глазами. Наш путь ещё не кончен, наш долг ещё не выполнен. Знамя должно быть спасено и доставлено в Россию. Окружив подпоручика Анучина, мы старались, не привлекая всеобщего внимания, охранять его. В городе Нейсе нам удалось попасть в одну из комнат казарм, где находился и подпоручик Анучин. Потянулись печальные дни нашего заточения».

«Немцы что-то тщательно искали, – записывает ген. Адамович. – Ходили слухи, что они искали знамени. Казалось, что при этих условиях сохранившегося чудом у Анучина знамени спасти невозможно. Однажды ночью, когда после обхода стражи все наружно затихло, все «спавшие» офицеры, бесшумно, по одиночке, собрались в комнате командира. В 1926-м году, полковник В.И. Чашинский мне писал: «Прошло уже почти двенадцать лет с той страшной ночи, но все происшедшее стоит у меня перед глазами. Совершалось священнодейственное святотатство. С лицевой стороны знамени был вырезан Лик Спаса Нерукотворенного. Знамя разорвали, куски расщипали на мелкие куски и сжигали в печи. Оставили один из уг-

ловых российских гербов и один большой лоскут, как доказательство сохранения частей нашего знамени. Эти неуничтоженные три части вложили между доской и жостью большой иконы, оказавшейся у отца Константина Введенского, и с этой иконой они были ему переданы на хранение. Когда же отца Константина переводили в другой лагерь (он умер в плену), то он передал эту икону трём нашим полковникам».

«Из опасения раскрытия тайны, – продолжает генерал Адамович, – командир приказал, чтобы никто не оставлял у себя ни одной частицы знамени. У некоторых всё же, кроме частей знамени, запрятанных в икону, сохранились: большая корона с одного из угловых гербов, герб царства польского с крыла российского герба и наружная кромка с шитой звездой. В последующих частых обысках ни одна часть знамени не попала в руки немцев».

Чувства, волновавшие офицеров при частичном уничтожении знамени, очень живо передаёт полковник Янковский:

«Приняв решение, командир полка приказал, после вечерней укладки, когда весь лагерь заснёт, всем офицерам приступить к работе, выставив к дверям комнаты сторожевых, на обязанности которых было предупредить при приближении немецких дозорных, обходивших все помещения по несколько раз в ночь.

Наступил трагический момент в нашей жизни, когда каждый из нас, с торжественным благоговением прикасаясь к священной материи знамени, разделял его на части, во имя его же спасения. Безмолвно выполняя эту страшную по существу, но необходимую по создавшемуся положению работу, каждый из нас рисовал себе картины первой присяги, первого целования и всегдашнюю торжественность выноса знамени под звуки исторического полкового марша.

Прислушиваясь к малейшему шуму и шороху, при слабом свете огарка Кексгольмцы спешно делали своё дело, превращая части знамени, подлежащие уничтожению, в пушистую волну синего шелка, густо перемешанную с серебром и золотом. Большое присутствие металла в пушистом шёлку, делало знамя несгораемым. В слабом пламени печи медленно тлели разрозненные остатки полковой святыни, дабы по дыму из трубы немцы не могли бы обнаружить нашего священнодействия. Многие офицеры, желая принять участие в сохранении

знамени, решили оставить и небольшие части его для более наглядного воспроизведения знамени впоследствии. Тяжело было отделять себя от полковой святыни».

Ища знамёна, немцы не стеснялись разворачивать иконы. Один такой случай увенчался успехом. В связи с этой новой опасностью, остатки полотнища были вынуты из иконы, двуглавый орёл с частью канвы взял на себя полковник Владимир Иосифович Чашинский, икону Нерукотворенного Спаса – полковник Георгий Львович Буланже, а вензель Государя – полковник Владимир Эрнестович Бауер.

Полковник Богданович вспоминает: «Около двух лет я сидел в плену в Крефельде, где находилась главная масса Кексгольмцев, во главе с командиром полка. Старший полковник, полковник Бауер, не снимал с себя шинели ни летом, ни зимой и даже спал в ней. Я его неоднократно спрашивал, особенно летом, почему он мучается в тёплой шинели, на что он отвечал мне и всем, что его замучил ревматизм и он спасается только шинелью, а врачам не верит. Потом выяснилось, что Бауер носил зашитым в его шинель полковое знамя».

В сентябре 1914 г. командиром восстанавливаемого полка был назначен генерал Адамович. Перед отъездом на фронт он представлялся Государю Императору. Государь был уверен, что знамя Кексгольмского полка в руки немцев попасть не могло. Вот какой произошёл разговор:

– Вы получили ваше знамя?

– Никак нет, Ваше Императорское Величество, но разве знамя спасено? Мы ничего не знаем.

– У немцев вашего знамени нет. Мне говорил военный министр, что знамя доставлено... Впрочем, если знамени ещё нет, возьмите с собой старое полковое знамя. Но ваше знамя погибнуть не могло. Знамя вернётся полку.

О судьбе знамени в полку ничего не было известно, когда начали получаться письма от пленных офицеров из Германии. В них часто писалось о «Зине». «Зина с нами, шлёт привет старику», «Зине лучше», «Зина надеется вернуться к старику» и т.д.

Но первое определённое известие о спасении знамени привезла в Россию как будто вдова генерала Самсонова, ездившая в Германию разыскивать тело генерала и побывавшая в лагерях военнопленных.

По окончании войны пленные были освобождены. Все части спасённого знамени были вывезены из Германии. Один из полковников отправился в Петербург. С ним вернулся в Россию и образ Нерукотворенного Спаса. Полковник давно скончался. Судьба хранившегося им куска полотнища неизвестна. Другой полковник возвратился на свою квартиру в Варшаве; он тоже умер и как распорядился своим куском, неизвестно. Только полковник Чашинский очутился на территории, занятой Добровольческой Армией, и мог представить хранимый им кусок полотнища по команде. После эвакуации Крыма он хранился в Русском Кадетском Корпусе, директором которого был генерал Адамович. Вот что он пишет:

«В 1921 г. на моё служебное попечение были переданы все сохранившиеся регалии Императорской Армии... с душевным трепетом увидел я среди срезанных полотнищ знамён угловой герб от знамени родного полка с прикреплённой к нему запиской «л.-гв. Кексгольмский полк». Наше знамя вернулось».

Кроме орла, генерал Адамович получил ещё в эмиграции семь мелких частиц полотнища.

Не будь революции, подвиг спасения знамени был бы отмечен внесением в полковые списки имён доблестных Кексгольмцев: генерала Малиновского, за отдачу распоряжению по спасению знамени, и за сохранение его в плену: полковников Чашинского, Буланже и Бауера, подпоручика Анучина (впоследствии расстрелянного большевиками), отца Константина Введенского и, возможно, старшего унтер-офицера Васильева, принявшего геройскую смерть во имя спасения полковой святыни.

29-й ПЕХОТНЫЙ ЧЕРНИГОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ДИБИЧА-ЗАБАЛКАНСКОГО ПОЛК

История спасения этого знамени кажется ещё более чудесной. Два раза оно было спасено в бою, первый раз - 23 августа, под Орлау, а второй раз при окружении полка, 30 августа. Вынесено оно было в Россию сразу же по окончании боев, при совершенно исключительных обстоятельствах и уже в октябре 1914 г. возвращено в полк.

---

* Почти все данные о знамени л-гв. Кексгольмского полка нам были любезно сообщены генералом Витковским.

К глубокому сожалению история сохранила только одно имя отца Иоанна Соколова. Имена многих других, жертвенно содействовавших сохранению знамени, остались неизвестными.

Андрей Ромасюковъ. Бой за знамя 29-го пѣхотнаго Черниговскаго полка подъ Орлау. Августъ 1914 г.

Первый эпизод подробно описан полковником Богдановичем, офицером штаба 6-й пехотной дивизии, производившим расследование на следующий день после боя под Орлау. Из его книги «Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г.», изданной в 1964 г., мы позволили себе заимствовать следующие выдержки:

«Командир 29-го Черниговского полка Алексеев, находившийся за центром боевого расположения, увидя отходившие части его полка, вызвал последний резерв, знаменную полуроту, приказал развернуть знамя и во главе полуроты, имея знамя справа, а полкового адъютанта, поручика Голубева, слева, пошёл в контратаку против немцев, появившихся уже на плато к северу от высоты 189. Полковник Алексеев сразу был ранен в шею, подбежавший фельдшер хотел перевязать рану, но Алексеев крикнул ему: «Нашёл время заниматься перевязками, уходи вон!» В следующий момент немецкая пуля в рот

прекратила жизнь доблестного командира полка, сложившего свою голову под знаменем родного полка * ...

Как магнит притягивает железо, так и вид гордо реющего знамени неудержимо влѣк к полковой святыне и немцев и Черниговцев ** ... Завязалась упорная борьба. Первые стремились овладеть самым почётным боевым трофеем, который может дать поле брани, вторые рванулись на защиту своей военной чести и своего полка. Трижды раненный знаменщик наконец выпускает из своих ослабевших рук знамя, его подхватывает поручик Голубев. Падает смертельно раненный поручик Голубев у тела своего командира, а знамя подхватывается следующим Черниговцем, и опять продолжается эпическая борьба; немцы пишут: «Может быть не существует в мире другого военного трофея, за обладание которым шла бы такая героическая и драматическая с обеих сторон борьба, как велась за знамя Черниговского полка. Снова падает убитым Черниговец, державший своё знамя, тогда раненый знаменщик срезает полотнище и прячет его у себя на груди. На этот раз поднимается уже древко, снова идёт смертельная схватка за него, груда трупов и раненых растёт и растёт...»

Немцы не могут овладеть древком. Отогнанные от него, они теперь решили ружейным и пулемѣтным огнѣм истребить всех защитников древка. Это им не удалось, древка больше не видно, как нет больше ни одного Черниговца, стоящего на ногах в этом печальном месте, все или ранены или убиты. Но все же немцы не могут овладеть знаменем, все доступы к нему теперь находятся под жестоким обстрелом других Черниговцев...

Попытки немцев подойти к месту знамени обходятся им слишком дорого. Находящиеся у древка раненные Черниговцы, не зная, как окончится бой, частями разбитого затвора, выламывают Георгиевский крест из копья знамени, а древко пытаются закопать, сломать на куски древко ни у кого не хватает физических сил, и недостаток этих сил не дал возможности закопать древко на поле, заросшем волчаном. Атака Берникова, картечь Слухоцкого, контратака Алексеева и удар Цимпакова снова погнало немцев, но для далѣкого их преследования уже не было организованных сил. Наступили сумерки,

---

* Полковник Александр Павлович Алексеев, коренной офицер л-гв. Литовского полка.

** На защиту знамени бросились также несколько солдат соседнего Полтавского полка.

густой, туман, шедший клубам из расщелины р. Алле, ещё более усилил темноту...»

С наступлением темноты явилась наконец возможность добраться до того места, где произошёл рукопашный бой за знамя. К несчастью первым попавшим на это место был егерь Аве, 1-го егерского батальона, он и подобрал древко.

«Как только стих бой, – продолжает полк. Богданович, – Черниговцы бросились к тому месту, где шла такая нечеловеческая борьба за их знамя. Горы убитых и раненых окружали это место. Докопались, наконец, до знамёнщика, подпрапорщика, он был тяжело ранен, но был ещё жив, говорить не мог, лишь жестом указал на свою грудь на вопросы о знамени. Расстегнули залитую кровью гимнастёрку и под ней нашли полотнище знамени. На вопросы о древке никто из раненых ничего не мог сказать, кроме того, что в темноте его кто-то вытащил и унёс. Решили поиски древка и выломанного из копья Георгиевского креста отложить до утра. Утром нашли в волчане крест, но древка найти не удалось к глубокому горю и отчаянию доблестных Черниговцев».

Назначенный 1 сентября командиром полка генерал Ступин впоследствии писал: «Рука немца не коснулась знамени. Несколько немцев бросились, чтобы взять знамя, но раньше чем добежать до него, были переколоты. Положение только такое, что унести знамя не было возможности. Солдаты спороли знамя и одному из них навернули на тело».

Древко попало в руки немцев. При каких точно обстоятельствах выяснено не было. В донесении XX германского армейского корпуса было сказано следующее: «23 августа 1914 г., в бою под Орлау, егерский батальон графа Иорка, после того как русские были оттеснены, нашёл в их окопах, под грудой убитых, знамя русского полка фон-Дибича. Но полковая история 147-го полка уточняла, что дело шло не о знамени, а о древке, без полотнища и без Георгиевского креста, но со скобой. История егерей так описывает бой: «Затем отход... настроение угнетённое, никто не говорил ни слова от отчаяния неудачи и громадных потерь батальона. Он потерял 17 офицеров и 254 н. чина. Древко знамени русского 29-го полка было найдено под кучей убитых, поздно вечером, егерем Аве...»

Впоследствии, несомое подобравшим его егерем Аве, древко парадировало в Берлине и было поставлено в Цейхгауз.

Полковник Богданович предполагает, что Аве набрёл в темноте на место боя и случайно ему попало древко. Было тихо и покойно и никакого боя за древко Аве не пришлось вести. «Я думаю, что Аве просто запутался в отдельных очагах боя, которые были брошены и нами и немцами. Не забудьте, что это был первый бой и бой очень упорный и, как первый бой, очень кровопролитный».

Дальнейшая судьба знамёнщика, имя которого мы не установили, была следующей. Эвакуированный в Иейденбургский госпиталь, он сначала был взят в плен, но потом, при вступлении в город отряда генерала Сирелиуса, был освобождён и с описанием его подвига отправлен в Варшаву. Полковник Богданович свидетельствует, что Высочайшим приказом он был произведён в подпоручики и награждён орденом св. Георгия.

24-го утром в расположение полка прибыл командир XV корпуса, генерал Мартос. Спасённое знамя было ему представлено и тут же прибито к казачьей пике. В таком виде оно вновь стало в строй полка, порученное новому знамёнщику.

Но на этом не оканчивается история знамени Черниговского полка. 30 августа, после нескольких дней тяжёлых боев, Черниговцы оказались в окружении. 700 человек пробились. Знамя вынести не удалось. Оно было вновь снято с импровизированного древка и вновь спрятано на солдатской груди, под гимнастёркой. Знамёнщик попал в плен.

В одну из ночей после последнего боя, пленных Черниговцев и Полтавцев разместили в большом сарае, под охраной часовых. Беспокоясь об участи знамени и страшась обыска, хранивший его солдат узнал среди бывших в сарае своего полкового священника, отца Соколова. Он подполз к нему в полумраке сарая и доложил о спасении знамени. Считая, что священнику было бы легче сохранить знамя, чем простому солдату, он просил его принять от него полотнище. Батюшка согласился. Тут же, не спуская глаз с часовых, солдат передал знамя священнику, а последний спрятал его под рясу.

Утром отца Соколова вызвали в лазарет к умирающим. Воспользовавшись этим, он просил сестру милосердия забинтовать знамя на нём, что и было исполнено.

Вскоре в барак явился немецкий офицер и объявил, что император Вильгельм приказал отпустить на родину одного священника и десять солдат, которые могли бы свидетельствовать о том, как хорошо немцы обращаются с пленными. В

бараче было несколько священников, но выбор пал как раз на отца Соколова. На другой день было подано две подводы, на которых батюшку и солдат в сопровождении немецкого унтер-офицера двинули в направлении границы. Сразу по возвращении отец Соколов отправился в Ставку, в Барановичи, где лично передал спасённое им знамя Великому Князю Николаю Николаевичу. Увы, фамилию солдата, передавшего ему знамя, батюшка не знал.

По реставрации и укреплению на новом древке, знамя было возвращено в полк. Отец Соколов был принят Государем и лично награждён им золотым крестом на Георгиевской ленте. Вот что писали тогда газеты: «Государю Императору, в 29 день минувшего сентября, благоугодно было лично Высочайше пожаловать при представлении Его Императорскому Величеству священнику церкви, 29 пех. Черниговского Генерал-фельдмаршала графа Дибича Забалканского полка От. Иоанну Соколову, за спасение полкового знамени, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, из кабинета Его Императорского Величества».

Старое же древко осталось у немцев. Полковник Богданович пишет:

«Зима 1938-го года. Я в Берлинском военном музее, перед легендарным древком знамени 29-го Черниговского полка. Следы сабельных ударов, выбоины, царапины и рыжие пятна крови покрыли все древко. Дыра в копье на месте выломанного из него Георгиевского креста зияет грозной слепотой. В глубоком душевном волнении стоял я перед немым, но, одновременно, и слишком красноречивым свидетелем того, как в злобном вое шрапнелей, в зловещем стрекотании пулемётов и в предательском визге ружейных пуль, в лязге скрещивающихся штыков и в глухом треске ударов прикладами, в клубах пыли, в тяжёлом вихре первого боя, с короткими, хриплыми выкриками «Ура» шла смертельная борьба за обладание знаменем. Сколько людей, бившихся за обладанием им, покоится уже много лет в вечном сне братских могил у Орла».

В скупом свете берлинского зимнего дня, бесконечно одиноким, заброшенным и забытым пленником казалось древко, в его пустом копье чудился какой-то суровый укор... Я уходил с такой болью в сердце, с какой, вероятно, уходят после свидания из тюрьмы, в которой находится в пожизненном заключении близкое и дорогое существо».

Андрей Смирнов*

«Засыхало без корней полковое знамя...»

Поразительная история спасения двух воинских знамён
и чести Кексгольмского и Невского полков

28 сентября 1760 года, в Семилетнюю войну, Кексгольмский и Невский пехотные полки, вместе с одиннадцатью другими, заняли город Берлин.

Через полтора века, в 1913 году, в памятке по истории полка Невского поручик Михаил Еремич подчеркнул: «Будем же беречь свои знамёна! Будем благоговеть перед кровью тысячей Невцев, забрызгавших ею их полотнища»¹.

Всего через несколько месяцев, в августе 1914-го, лейб-гвардии Кексгольмскому и 1-му пехотному Невскому полкам пришлось схватиться с немцами в Восточной Пруссии, в сражении при Танненберге. И подтвердить святую воинскую истину: знамя – честь полка.

Причём подтвердить невероятным образом!

В бою

Кексгольмский полк 15 августа один оказался на пути врага, обходившего фланг центральной группировки 2-й русской армии. И весь день сдерживал целую немецкую дивизию (2-ю пехотную) – с боем отходя от деревни Ронцен к деревне Лана.

Контратаковал! «В поле ржи, к

* Кандидат исторических наук.

¹ Еремич [М.И.]. Памятка 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка. 1913 г. Рославль, 1914. С. 55.

югу от Ронцкен, среди васильков (эмблема полка²) лежит оставшаяся верной долгу рота Кексгольмцев, целиком скошенная немецкими пулемётами»³ ...

С целой дивизией (ландверной Гольца) сразился в тот день и Невский полк. И не оборонялся, а наступал! И неполными тремя батальонами выбил 10 немецких из леса Кеммерай. И рассеял их – так, что генерал-лейтенант Георг барон фон дер Гольц и его начальник штаба потеряли управление войсками!

А утром 16 августа, у деревни Мёркен, очередную немецкую дивизию – 37-ю пехотную – задержал один лишь 1-й батальон невцев, которым командовал капитан Александр Артаболовский. Только после нескольких часов боя – в котором пяти русским батальонам противостояли 36 немецких, – прижатый к озеру Гроссер Плауцигер, батальон Артаболовского был частью пленен, частью уничтожен.

В этом бою попал в плен и младший офицер 1-й роты поручик Еремич. Автор памятки по истории полка. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Но было кому спасти честь полка.

В кольце

Несмотря на геройские дела полков и дивизий, 17 августа центральная группировка 2-й армии была окружена в Грюнфлиссском лесу. Попытки пробиться не удалось: войска устали и перемешались, а командование не блистало распорядительностью. Командир Невского полка полковник Михаил Первушин с батальоном невцев и двумя ротами и пулемётчиками из других частей опрокинул немецкий заслон – но был тяжело ранен и вести войска уже не мог. А впереди вырос новый заслон...

Стало ясно, что многим не избежать плена.

И, значит, надо «беречь знамёна».

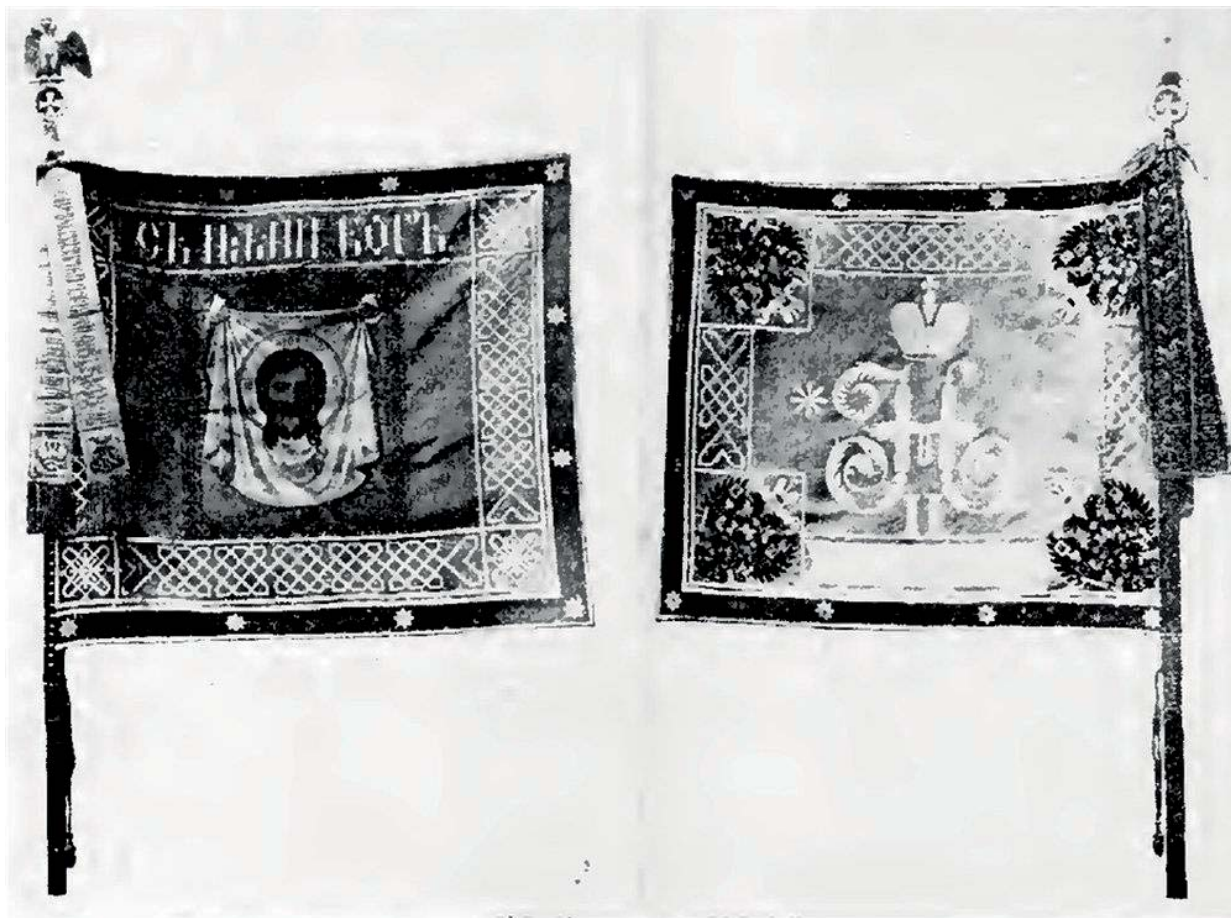
Знаменщик Невского полка, подпрапорщик Никифор Удалых по приказанию Первушина зарыл знамя в землю – и запомнил место.

---

² Точнее, «цветок полка» (Адамович Б. Трыстенъ. 15-28.VII.1916. Ко дню 225летия Л.-Гв. Кексгольмского полка. 1710 - 29/VI - 1935. Париж, 1935. С. 50). С 1832 года цветом воротников, околышей и шинельных петлиц полка был светло-синий (васильковый), а с 1912-го - почти не отличимый от него голубой.

³ Цит. по: Андоленко С. Два знамени // Военная быль (Париж). 1968. Март. N 90. С. 8.

Содействие ему оказал подпоручик Николай Гладков.
Запомним эти имена. Мы ещё вернёмся к ним.

А знамя Кексгольмского полка решено было вынести из окружения так, как учили ещё при Петре Великом – на себе. Уже в ночь на 17 августа, по приказанию командира полка генерал-майора Александра Малиновского, подпоручик Константин Анучин обмотал срезанное с древка полотнище вокруг туловища, под походным мундиром.

Утром 17-го, когда остатки полка попали близ деревни Валлендорф под артиллерийский огонь, по общему решению офицеров древко знамени уничтожили.

Венчавшее древко наверху – посеребрённого двуглавого орла с лавровым венком и крестом ордена Св. Георгия – зарыли в землю.

Анучина же и знаменщика, старшего унтер-офицера Васильева (бывшего улана Его Величества), посадили на лошадей и приказали спасать полотнище.

На волоске

Прежде чем сжечь древко, с него сняли оставшуюся от срезанного полотнища полоску шелка – ту, что была прибита гвоздями. И, как малозначимую, сдали в обоз.

По иронии судьбы, обоз из окружения пробился.

А Васильев с Анучиным не пробивались. Потеряв под обстрелом лошадей, они целый день пробирались по кустам, но утром 18 августа наткнулись-таки на немцев.

«Ваше Высокоблагородие, спасайте знамя, а я их задержу», – решил Васильев. И, отвлекая внимание от Анучина, поднялся во весь рост и стал стрелять.

Ему удалось выпустить одну обойму прежде чем пуля попала ему в горло...

Анучин же – где ползком, где на четвереньках – успел скрыться в кустарнике. Однако вечером его все-таки пленил немецкий разъезд.

К счастью, подпоручика не обыскали. Командир полка не зря выбрал именно его: он был настолько высок и худ, что даже с обёрнутым вокруг тела знаменем не выглядел подозрительно полным...

Всего в плен попали 39 кексгольмских офицеров (многие – ранеными)⁴...

«С чувством затаённого беспокойства, – вспоминал полковник (а тогда поручик) Евгений Янковский, – каждый из нас осматривал вновь подводимую партию офицеров, страшась найти в ней Анучина. К своему неопишуемому ужасу, в одной из них мы увидели нашего знаменосца. Красноречивый разговор немигающих глаз нам пояснил, что знамя при нем»⁵...

А вокруг – немцы!

Священнодейственное святотатство

Офицеры старались окружать Анучина, чтобы он не был на виду.

Но в силезском лагере Нейссе немцы стали часто обыскивать пленных. По слухам – искали именно знамёна. С юридиче-

---

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 42. Л. 91, 91 об.

⁵ Цит. по: Андоленко С. Указ. соч. С. 9.

ской точки зрения знамя, отобранное у пленного, было таким же законным трофеем, что и взятое в бою.

И тогда по приказу генерала Малиновского после отбоя, выставив сторожевых, офицеры-кексгольмцы собрались у него, чтобы СЖЕЧЬ СВОЁ ЗНАМЯ.

«Прошло уже почти двенадцать лет с той страшной ночи, но все происшедшее стоит у меня перед глазами, – с болью писал в 1926 году полковник Владимир Чашинский. – Совершалось священнодейственное святотатство»...

«Наступил трагический момент в нашей жизни» (полковник Янковский)⁶.

Эти люди жили свои полком, своим «родным Стариком».

Знамя – символ полка, его души. Его чести.

Но они понимали: спасти в плену честь полка можно, только уничтожив его символ.

...При тусклом свете огарка вырезали из полотнища – чтобы всё-таки сохранить! – лик Спаса Нерукотворного, один из государственных гербов в углах и вензель Николая II.

Вложили их между доской и жестяной обивкой иконы и отдали икону полковому священнику отцу Константину Введенскому.

А полотнище разорвали на куски, «расщипали» и сожгли в печке.

Насыщенный серебряным шитьём, шёлк горел плохо (сильный огонь не разводили: дым мог привлечь внимание немцев)...

Может быть, старые кексгольмцы-полковники – 48-летний Бауер, 45-летний Чашинский, 41-летний Буланже – вспомнили в эти минуты свою молодость, декабрь 1894 года, когда Кексгольмский гренадерский полк стал гвардейским.

Как выжигали тогда серебро из их старых погон. Чтобы отлить из него, «из последних Гренадерских погон Кексгольмских офицеров»⁷, «Гренадерский кубок» и копию посмертной маски основателя полка – Петра Великого...

⁶ Цит. по: Там же. С. 9.

⁷ Адамович Б. Опись музея Л. Гв. Кексгольмского Императора Австрийского полка. Варшава, 1907. С. 14, 316.

«Зина здорова»

«Все больше налаживалась переписка с пленными однополчанами, – гораздо позже вспоминал генерал-лейтенант Борис Адамович, – всё чаще стало появляться в нашей тайнописи имя «Зина» и все чаще и твёрже повторялось «оттуда»: «Зина здорова», «О Зине не беспокойтесь, она похворала, но больше опасности нет», «Зина только и мечтает о встрече с родным Стариком»⁸.

«Стариком» офицеры-кексгольмцы издавна называли свой полк – сформированный ещё в 1710 году. «Зина» – его знамя.

Но затем стало известно, что в поисках «Зин» немцы обшаривают и лагерные церкви, и иконы.

Поэтому сохранённые фрагменты полотнища спрятали ветераны полка, хранители его традиций – полковники Владимир Бауер (вензель Николая II), Владимир Чашинский (государственный герб) и Георгий Буланже (лик Спаса Нерукотворного).

Бауера с тех пор можно было видеть только в шинели – и зимой, и летом. Он даже спал в ней, а на недоуменные вопросы отвечал, что врачи не в состоянии вылечить его ревматизм.

В шинель был зашит фрагмент знамени...

Как оказалось впоследствии, несмотря на запрет генерала Малиновского, частички полотнища рискнули уберечь от сожжения и сохранить на себе ещё семеро офицеров.

Ни одна частичка полковой святыни врагу не досталась.

Разные судьбы

Вернувшись в 1918 году из плена, полковник Чашинский вступил в Добровольческую армию, а в 1920-м уехал из Крыма туда, где прослужил 25 лет в Кексгольмском полку – в Варшаву. Там и умер в 1936-м...

Спасённый фрагмент знамени он передал в музей, созданный в 20-е годы в Сараево его однополчанином генерал-лейтенантом Адамовичем.

В Варшаву вернулся и полковник Бауер. Свой фрагмент полотнища он, видимо, хранил до самой смерти (последовавшей не позднее 1934 года).

---

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 42. Л. 84.

Полковник Буланже уехал из плена в Советскую Россию. Работал на заводах техническим приёмщиком, контрольным мастером.

В марте 1935 года, после убийства Кирова, бывший гвардейский офицер, как «социально опасный элемент», был выслан из Ленинграда в Саратов. А в октябре 1937-го снова арестован и в ноябре расстрелян.

Судьба вынесенного им из плена фрагмента знамени неизвестна.

Отец Константин Введенский скончался в плену.

Константина Анучина – дослужившегося в Добровольческой и Русской армиях до полковника, но оставшегося в 1920-м в Крыму – расстреляли в Евпатории красные.

Александр Малиновский был тяжело ранен, но выжил. Бывший генерал умер в апреле 1924 года в Детском Селе (бывшее Царское Село) – там, где 29 лет служил в лейб-гвардии 2-м стрелковом батальоне...

Где-то в 1920-е скончался и другой «старик в потёртой шинели» (вспомним героя рассказа Константина Паустовского) – Михаил Первушин. Его похоронили в том самом Рославле, из которого он повёл в 1914-м на фронт свой Невский полк.

Возможно, он успел узнать о невероятной развязке истории со знаменем его полка.

Подпрапорщик Удалых: встреча с судьбой

Подпрапорщик Удалых и подпоручик Гладков из окружения вышли. И в числе сотни-другой воинов, что остались от более чем 4-тысячного Невского полка, были направлены на переформирование в Западную Белоруссию, в Лиду.

Туда же прибыл и только что выпущенный в Невский полк из военного училища подпоручик Александр Игнатъев.

По воспоминаниям руководившего переформированием XIII армейского корпуса генерала от артиллерии Василия Флуга, служил он ревностно, но выглядел несколько странно.

Мало того, что Игнатъев не расставался с морской свинкой и канарейкой – таская их даже в карманах шинели, – он всё время пребывал в «тоскливом настроении». Объясняя это «разочарованием, постигшим его, когда он, по выпуске из Училища, попал не в славный боевой полк, как он того ожидал, а в

какую-то нестроевую команду, без боевого прошлого и святыни – знамени»⁹.

Это был человек, чьим призванием была война.

Игнатьева сжигало желание воевать. И воевать в регулярной армии с её рыцарскими традициями. В старом полку со славной историей!

К страстному желанию добавились энергия и решительность молодости. И однажды к нему подошёл подпрапорщик Удалых...

Замкнутого Игнатьева всё чаще видели беседующим с Удалых.

А октябре 1914-го оба они исчезли.

На них завели дело о дезертирстве.

Но через две или три недели оба вернулись в Лиду.

Раненый Игнатьев распахнул «ободранный тулуп» – и снял с себя обмотанное вокруг туловища знамя Невского полка!

Приём у императора

Они дважды пересекли линию фронта – проходившую верстах в 300 от Лиды. Дважды незаметно пройдя свою линию сторожевого охранения и дважды – немецкую.

Пробрались (питаюсь абы чем) в Грюнфлисский лес и откопали спрятанное Удалых знамя.

На обратном пути, хоронясь от немцев, долго сидели в моховом болоте – так что в кармане Игнатьева захлебнулась его канарейка (морская свинка уцелела).

Шли в крестьянской одежде. По законам войны, попади они, военнослужащие, в руки противника, их следовало расстрелять как шпионов. Солдат воюет в военной форме своей страны!

Во всю эту историю верится с трудом – но факт есть факт. Знамя вернулось.

Героев принял сам Николай II. Игнатьев стал кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени, а Удалых – уже имевший Георгиевские кресты 4-й, 3-й и 2-й степеней за японскую войну – получил крест 1-й степени. То есть стал полным Георгиевским кавалером.

---

⁹ Флуг В. Из воспоминаний о первой Великой войне // Военная быль (Париж). 1957. Сентябрь. N 26. С. 20.

Это было первое награждение Георгиевским крестом 1-й степени в Первую мировую войну.

Никифор Климович Удалых, уроженец Орловской губернии (Брянский уезд, д. Вязовка), полный кавалер солдатского Георгиевского креста. © Фото: Public domain

Источник: <https://rg.ru/2018/10/08/rodina-istoriia-spaseniia-znamen-keksgolmskogo-i-nevskogo-polkov.html>

Анатолий Марков*

Знамя Орловского Бахтина кадетского корпуса**

Знамя Орловского Бахтина корпуса. Фото В.В. Левицкого, 1910 г.

На снимке мы видим тонкое шёлковое полотнище с оборванными краями:— среди кадет существовала негласная традиция – при выпуске отрезать на память маленькую частицу.

В центральном государственном военно-историческом архиве хранится документ «О пожаловании знамени». Бумага за подписью военного министра издана военным министерством 18 апреля 1847 года и адресована «господину, исправляющему должность главного начальника военно-учебных заведений». Вот её текст:

---

* Орловский военный вестник № 12, 2013 год, стр. 114.

** Автор этих воспоминаний – Анатолий Львович Марков, выпускник Воронежского кадетского корпуса 1914 года, затем – Николаевского кавалерийского училища. Служил в Добровольческой армии в офицерском конном полку, эвакуирован из Новороссийска в Египет, служил в египетской армии. Умер в 1961 году в Сан-Франциско (США).

«Государь Император по всеподданнейшему докладу представления начальника штаба военно-учебных заведений № 11 485 о том, что в Орловском Бахтина кадетском корпусе 3-я рота уже сформирована, всемилостивейший соизволил пожаловать знамя этому корпусу. О таковой Монаршей воле, уведомляя Ваше Высокопревосходительство и препровождая при сем удостоенную Высочайшего подписания грамоту на Всемилостивейшее жалуемое знамя Орловскому Бахтина кадетскому корпусу и самое знамя с принадлежащими к нему: шёлковой тесьмой, бронзовым золочёным орлом с подтоком, серебряными кистями на темлячной тесьме и гвоздями, покорнейше прошу о получении оных меня уведомить» (ЦГВИА, фонд 725, опись 56, дело 1470).

Напомним что открытие корпуса, построенного на средства мецената-жертвователя – М.П. Бахтина, состоялось четырьмя годами раньше, в 1843 году. Знамя же было пожаловано корпусу только тогда, когда военное учебное заведение было полностью укомплектовано: сформирован возрастной состав кадет и штат офицеров-воспитателей и командиров.

Когда была сформирована и вооружена рота, 11 января 1847 года ОБКК было пожаловано знамя при Высочайшей грамоте следующего содержания:

«В изъявление Монаршего Нашего благоволения, Всемилостивейше жалуя Орловскому Бахтина кадетскому корпусу. Препровождаемое у сего знамя. Повелеваем освятить оное сообразно с воинским уставом и, по прочтении перед всем корпусом сей Нашей грамоты, употребить знамя на службу. Мы уверены, что сей новый знак Монаршего внимания Нашего к молодым дворянам, посвятившим себя воинскому поприщу, усугубит в каждом из них пламенную ревность сделаться верными слугами престола Нашего и Отечества».

Прибитие знамени к древку происходило на квартире у директора в присутствии офицеров и некоторых воспитанников. На другой день совершено молебствие и торжественное освящение знамени перед батальоном кадет, выстроенных на плацу. Знаменщиком был избран унтер-офицер старшей роты Шумовский Владимир. В том же году в сентябре корпус посетил государь. В 1849 году был произведён первый выпуск 35 воспитанников, отправленных для окончания военного образо-

вания в Дворянские полки. 13 сентября 1850 года корпус посетил государь и объявил корпус лучшим среди других.

История корпусного знамени неизвестна. Известно лишь, что сразу после революции 1917 года оно было спасено и тайно переправлено в надёжное место. В книге «Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине» из серии «Россия забытая и неизвестная», изданной Российским Дворянским Собранием (М., Центрполиграф, 2003), говорится следующее:

«...Знамя Орловского Бахтина корпуса тайно было унесено из храма офицером-воспитателем, подполковником В.Д. Трофимовым, совместно с двумя кадетами спрятано в надёжном месте при очень трудных обстоятельствах...».

Руслан Москвитин

Флаги Белого Движения

Во время Гражданской войны в России возникло огромное количество новых флагов. Однако подавляющее большинство из них принадлежало национальным регионам страны: Кавказу, Поволжью. У «белых» армий отличительных флагов почти не было. Дело в том, что «белые» считали себя наследниками единой и неделимой России. Отсюда логично использование ими старой российской символики.

Различного рода сепаратисты, стремящиеся развалить Россию на части, были для «белого» движения такими же врагами как большевики. Так, например, адмирал Колчак в бытность Верховным главнокомандующим запретил региональные флаги Урала.

Знамя 42-го Троицкого стрелкового полка 11-й Уральской стрелковой дивизии армии Колчака, затем Оренбургской казачьей армии

Российское правительство Колчака использовало российский бело-сине-красный флаг.

Сохранились эскизы знамённой символики колчаковской армии, а точнее подписанные самим А.В. Колчаком эскизы флюгеров с изображением андреевского креста и национально-го триколора.

Есть также сведения о флаге и брейд-вымпеле, утвержденных А. Колчаком. На них изображался двуглавый орёл с державой и мечом в лапах (где меч символизировал борьбу с большевизмом), над орлом крест Константина и девиз «Сим победиши».

Знамя пехотного полка генерала Маркова было выполнено в традициях знамён императорской армии конца XIX века: на белом поле в центре изображалась полковая икона, по кромкам девиз - «Верю спасётся Россия». Марковский полк имел также чёрный полковой значок с белым андреевским крестом.

Особенностью того периода стало использование бело-сине-красного флага в армии. А помимо флага и просто национальных бело-сине-красных цветов (например, на нарукавных шевронах, кокардах).

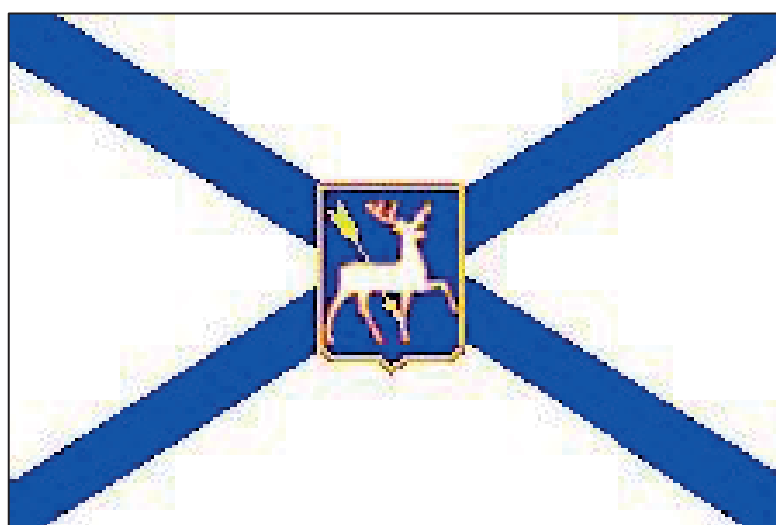
Ударный Корниловский полк использовал бело-сине-красный флаг с добавленным на него словом «Отечество» (отмечен во время Ледяного похода). В конном корпусе генерала А.Г. Шкуро использовались черные сотенные значки.

На многих знамёнах, а также в униформе, появились изображения черепов и костей. Это символизировало готовность к смерти за Родину. На знамени 3-го батальона 1-й Сибирской Штурмовой бригады Пепеляева черепа изображены с обеих сторон. На лицевой стороне череп внутри нарукавного шеврона. В углах полотнища на месте, где раньше помещались вензеля императора четыре буквы «П» (Пепеляев).

Летом 1918 года на Азовском море был создан флот Все-великого войска Донского. 31 октября 1918 года в Своде морских постановлений Донской республики появилось описание кормового флага военных кораблей. Это был Андреевский флаг, но в его центре помещался герб Донской республики - в лазуревом поле серебряный олень, раненый золотой стрелой.

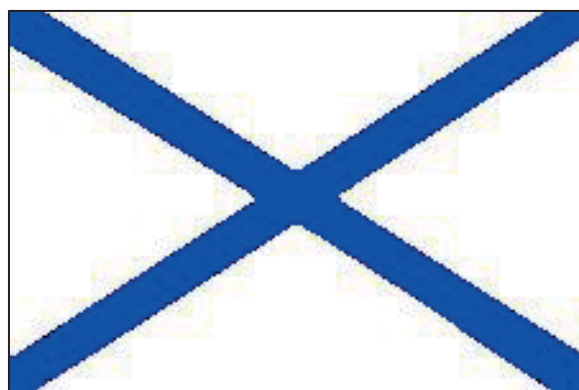
Вспомогательные суда по флотской традиции несли синие флаги с вышеописанным кормовым флагом в кантоне.

Вымпел Донской республики был аналогичным российскому, но в центре андреевского креста тоже помещали герб с оленем.

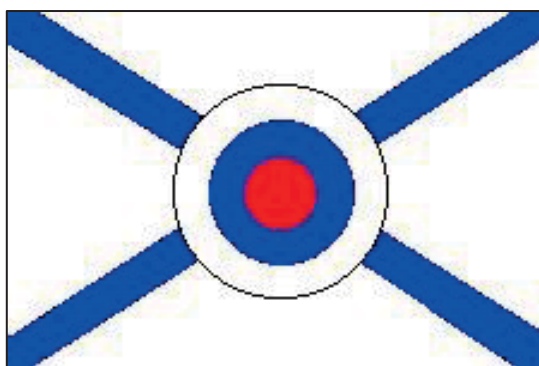

Андреевский флаг продолжал использоваться на кораблях «белых» во время и после Гражданской войны. Лишь в декабре 1924 года в городе Бизерта в северной Африке андреевский флаг спустили последние белогвардейские корабли (29 декабря стало известно о признании Францией Советского правительства России).

Когда после поражения А.И. Деникина за белыми остался лишь Крым, для награждения совершивших военные подвиги был учреждён Орден Святителя Николая Чудотворца (март 1920). Приказом генерала П. Врангеля в Вооружённых силах Юга России 26 июня 1920 года были учреждены николаевские флаги и вымпелы. Они были атрибутом Ордена Святого Николая (созданного Врангелем для награждения отличившихся в военных действиях; вручение царских военных орденов Врангель считал безнравственным, так как противниками в войне были русские люди).

Николаевский флаг повторял Андреевский, но имел в центре красно-сине-белую кокарду.

Николаевский вымпел повторял «ординарный» вымпел российского флота. Этот вымпел получили несколько канонерских лодок и вооружённых пароходов.

Георгиевский николаевский адмиральский флаг повторял георгиевский флаг российской империи, но московский щиток в центре флага обрамляла лента национальных цветов.

В августе 1920 года генерал Врангель учредил особый вид награды - авиационный флаг с лентами и знаком ордена Св.Николая Чудотворца. Вероятно это был Андреевский крест с авиационным опознавательным знаком в центре (на самолётах тогда изображали три концентрических круга - белый, синий и красный, белый в центре).

В белой армии не использовался даже традиционный Красный крест. Вместо него использовался белый крест на синем поле.

Знамя Всевеликого Войска Донского

17 мая 1918 года войсковым кругом был принят и флаг Все-великого войска Донского: сине-жёлто-красный триколор (он единственный из казачьих флагов реально появился и использовался ещё во время Гражданской войны). Синий цвет на флаге символизирует донских казаков, жёлтый – калмыков, а красный – жителей других областей. Создание флага приписывается генералу (атаману) Краснову. Флаг просуществовал до 1920 года.

Знамя бронепоезда «На Москву!»

Источник: <https://m.my.mail.ru/community/history0/54EA751B52AF194B.html>

Андрей Коц

Сохранить честь. Как русские воины спасали свои знамёна от врага

Красный флаг над площадью Павших борцов, освобождённого Сталинграда. © РИА Новости / Георгий Зельма

Утрата знамени боевой части производит сильнейший деморализующий эффект, не сохранивших полотнище военнослужащих отдадут под трибунал, а подразделение обычно расформируют. Солдаты и офицеры русской армии не рисковали жизнью, совершали подвиги, спасая воинское знамя от врага. Некоторые из этих героических историй – в материале РИА Новости.

Не жалея себя

В Русско-японской войне 1904-1905 годов Российская императорская армия не сдала врагу ни одного боевого знамени. В качестве трофеев японцам достались лишь два знаменных древка, все полотнища и юбилейные ленты удалось сохранить. Офицеры и солдаты, спасавшие свои знамёна, нередко проявляли не только героизм, но и недюжинную смекалку. В ночь на 20 декабря 1904-го перед капитуляцией гарнизона осаждённого Порт-Артура лейтенант Алексей Косинский собрал штандарты девяти полков и Квантунского флотского экипажа, оборонявших крепость, а также серебряные рожки канонерских

лодок «Бобр» и «Гиляк» и погрузил их на эскадренный миноносец «Статный». Под покровом темноты команде удалось незамеченной проскользнуть мимо кораблей японского флота и прорваться в китайский порт Чифу, где знамёна передали русскому консулу. Позже их вернули в полки.

Русские миноносцы в гавани Порт-Артура. 1904 год

© Фото: Public domain

Известно несколько эпизодов спасения боевых знамён в ходе кровопролитного Мукденского сражения. Двадцать пятого февраля 1905 года 162-й пехотный Ахалцыхский полк сошёлся врукопашную с превосходящими силами противника. Знамя части находилось при сводной роте, которой командовал **капитан Степан Жирнов**. Опытный офицер вовремя заметил, что противник почти завершил окружение его подразделения, и отдал приказ прорываться на штыках. Перед последним броском **унтер-офицер Гришанов** спрятал полотно знамени под одеждой, в то время как Жирнов отвлек противника на себя, бросившись с древком в другую сторону. Капитан погиб в бою, однако Гришанову позже в плену удалось спрятать штандарт. Он передал его поручику своего полка Хондажевскому, который хранил реликвию почти девять месяцев до своего освобождения. Знамя вернулось в распоряжение 162-го полка.

Народ и армия

В первые, самые страшные месяцы Великой Отечественной войны немцы захватили десятки знамён советских полков и дивизий, принявших на себя удар танковых клиньев вермахта. Красная Армия отступала на восток, ожесточённо отбиваясь и истекая кровью в попытках хоть немного задержать могучего и безжалостного врага. Но даже в котлах лета-осени 1941-го советские солдаты не сдавали знамёна без боя. Один из героических эпизодов того времени связан со штандартом 24-й стрелковой дивизии, вошедшей в историю войны как Железная.

Летом 1941-го бойцы соединения противостояли многократно превосходящим силам немцев в Белоруссии и были вынуждены отходить. Знамя дивизии хранил у себя старший политрук Барбашев – 6 августа с двумя бойцами он попытался вынести полотнище из окружения в районе деревни Анютино Чериковского района Могилевской области. Но все трое погибли в перестрелке.

Свидетелем этого боя был местный житель Дмитрий Николаевич Тяпкин, ветеран Русско-японской войны. Ночью он тайком пробрался к телам красноармейцев и обнаружил у одного из них красное полотно. Позвав на помощь соседа, Дмитрий Николаевич похоронил бойцов и спрятал знамя в братской могиле, где оно и хранилось до октября 1943-го. Когда войска 38-го стрелкового корпуса освободили Анютино, Тяпкин рассказал о могиле начальнику политотдела соединения. А 8 марта 1944-го в штаб 24-й дивизии поступил приказ за подписью заместителя наркома обороны Маршала Василевского. В документе были изложены причина пропажи и история спасения знамени дивизии. Далее указывалось следующее: «Для сохранения славных боевых традиций старейшей дивизии Красной Армии вернуть 24-й стрелковой Бердичевской дивизии боевое знамя и впредь именовать ее «24-я стрелковая Бердичевская, дважды Краснознаменная Железная дивизия». **Дмитрий Николаевич Тяпкин** был награждён орденом Красного Знамени и навечно зачислен в списки соединения.

Ещё более удивительная история произошла со знамёнами 968-го и 970-го стрелковых полков 255-й стрелковой дивизии, оборонявшей в первые месяцы войны Киев. Двадцатого сентября 1941-го десятилетний школьник **Костя Кравчук**, прятавшийся в подвале от бомбёжки, выбрался наружу и увидел на

перекрёстке двух красноармейцев. Они, убедившись, что мальчишка – пионер, передали ему тугой свёрток с полковыми знамёнами и попросили как следует его спрятать. Сначала парень закопал их в ближайшем саду, но потом, испугавшись за их сохранность, перепрятал – сложил полотна в холщовый мешок, просмолил его и опустил в заброшенный колодец. Позже Костю отправили на принудительные работы в Германию, однако он сбежал и перешёл линию фронта. Киев к тому моменту освободили, поэтому вскоре после возвращения домой пионер достал из тайника знамёна и отдал их коменданту города. Первого июня 1944 года Костя Кравчук был награждён орденом Красного Знамени, став самым юным кавалером этой высокой награды.

Источник: <https://ria.ru/20190209/1550549314.html>

**1 июня 1944 года 12-ти летний киевский пионер
Костя Кравчук был награждён орденом Красного Знамени ***

Софья Милютинская Десятилетний Костя, спасший знамёна

...А было-то киевлянину Косте Кравчуку всего десять лет. Сегодня детей такого возраста мы стараемся не выпускать одних вечером на улицу, и это вполне понятно и оправданно. И в школе по-настоящему ответственных дел третьеклассникам не поручают, потому как малы ещё. А тогда, далёком 1941 году, советские бойцы доверили этому мальчишке святыню – два боевых знамёна.

Это случилось 19 сентября в Киеве, который в тот день заняли немцы. Шли тяжёлые, кровопролитные бои. Наши солдаты отступали. А Костя потихоньку от мамы (он жил с ней вдвоём, отец погиб ещё до войны) улизнул из подвала, где прятались женщины и дети. Не праздное любо-

---

* Орловский военный вестник № 6 (122) 2022 год, стр. 7.

пытство гнало мальчугана на улицу. Думал хоть чем-то помочь Красной Армии. И наткнулся на двух раненных бойцов. Костя предложил им свою помощь и дом. Но солдаты отказались – по-видимому, не хотели подвергать семью ещё большей опасности. Или же раны их были настолько тяжелы, что обойтись без медицинской помощи не представлялось возможным. Бойцы попросили мальчишку о помощи другой: сберечь два красных знамени.

Верили ли они сами в ту минуту, что драгоценная реликвия оказалась в надёжных руках? Думаю, да. И потому, что война и не до игр даже маленьким людям. И потому, что дети способны на большие, а порой и огромные поступки – без пафоса, искренне, веря до последнего так, как зачастую взрослые не могут.

Итак, знамёна оказались у Кости. Им надо было найти подходящее место, куда не смогли бы добраться враги. Мальчишка закопал реликвию в саду около своего дома. Успел. Опоздай он минут на десять – погиб бы. Потому как возле их дома уже стучали немецкие сапоги. Правда, в сам дом фашисты не вошли, только выбили несколько окон.

В первый же день оккупации стало ясно: место нужно надёжнее. Немцы устрашали людей, как могли. Если по городу вели колонну пленных, то, видя, что вокруг собирается народ, фашисты расстреливали отстающих или просто выхватывали кого-то из колонны и закалывали штыками. Убирать погибших не разрешали – это была зверская демонстрация силы и власти. Так и лежали замученные красноармейцы вдоль дороги.

Каждый день проводили обыски в разных домах. И Костя, не сказавший о знамёнах ни слова даже маме, боялся, что немцы заметят рыхлую почву в огороде и догадаются обо всём. Кроме того, вскоре должны были начаться дожди – ткань тогда бы испортилась. И вот ночью мальчуган выкопал знамёна, сунул их в холщовый мешок, просмолил его. На следующий день спрятал в заброшенном колодце, который с виду был настолько непригляден, что даже мысли не могло возникнуть, будто там вообще можно что-то спрятать. Да ещё как пробрался к этому колодцу! Улицы же патрулировались круглосуточно. Задержат ночью – не жди пощады. Значит, прятать надо только днём. Костя вывел корову, зажал подмышкой какие-то палки, повесил сумку через плечо – и погнал бурёнку к дальнему лесу, на пути к которому, на самой окраине, и находился колодец.

На пути он то и дело встречал фашистов. Но никому из них не пришло в голову, что простенький пастушок несёт драгоценную святыню. Что этот неприметный мальчишка тоже помогает Красной Армии. Помогает, как умеет, как требуется в эту минуту. И если придётся, жизнь отдаст за два знамени.

Редко, но регулярно мальчишка проверял, на месте ли знамёна. Всё было в порядке. Но однажды (это уже в 1943 году) Костя не успел вернуться домой до наступления комендантского часа – правда, совсем чуть-чуть. Полицаи схватили мальчишка, обыскали. Ничего не нашли. Видимо, Костя выглядел настолько «неподозрительно», что его даже допрашивать не стали. Решили «одарить великой милостью» – отправить в Германию. Вместе с остальными детьми загнали в эшелон. Представьте: мама-то Костина этого не знала. Она искала сына по городу, ходила в немецкую комендатуру, но так ничего и не выяснила. А там, в эшелоне, мучился неизвестностью мальчишка. Он представлял маму – несчастную, испуганную, убитую горем – и сердце холодело. Потом воображение рисовало нашу Победу. Два стрелковых полка – 968-й и 970-й – входят в Киев. У них нет знамён, а как без этого? А знамёна-то лежат совсем рядом, в колодце. Лежат – и будут лежать ещё много-много лет, так отчаянно необходимые. И никто не узнает, что Костя выполнил просьбу бойцов...

При подъезде к одной из станций, когда состав уменьшил скорость, мальчуган как-то выломал доску и выпрыгнул. Эшелон уехал уже далеко от Киева. И десятилетний мальчишка по путям пошёл назад.

И ведь пришёл! Что он ел по дороге, как смог остаться целым?..

Вернулся домой Костя уже после того, как родной город очистили от врага. И едва увидевшись с оторопевшей, высохшей от горя матерью, повёл её к колодцу. Объяснил всё по дороге. Вместе они вытащили знамёна 968-го и 970-го стрелковых полков 255-й стрелковой дивизии, вместе и принесли нашим солдатам.

За спасение боевого знамени полагается орден. Это честно и справедливо. Вот и на юного героя составили наградной документ, и 1 июня 1944 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Константина Кононовича Кравчука орденом Красного Знамени.

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество К Р А В Ч У К Константин Кононович

2. Звание гражданин 3. Должность, часть ученик

Представляется к награде орденом "Красное Знамя"

4. Год рождения 1931 5. Национальность украинец 6. Партийность б/п

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в Отечественной войне (где, когда) не участвовал

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне не имеет

9. С какого времени в Красной Армии не был 10. Каким РВК призван не признавался

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи _____

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В период боевых операций 1941 года, в районе города Киева, остатки отходящих с боями наших частей проходили через город. Раненные знаменщики 970 и 988 стрелковых полков несли с собой боевые знамена. Теряя последние силы бойцы передали свои знамена попавшему им навстречу мальчику КРАВЧУКУ Константину Кононовичу, сказав последнему: - "Храни, мы вернемся и отомстим проклятому врагу".

Костя КРАВЧУК, рискуя своей жизнью и жизнью своих близких, взял боевые знамена, вложил в мешок, осмолел и опустил их в колодезь. И так, в течение всего периода оккупации, юный патриот не выдал тайны и хранил боевые знамена до прихода частей Красной Армии и с радостным волнением ожидал своих боевых товарищей - знаменщиков, но они не пришли и КРАВЧУК Константин Кононович передал их Команданту гарнизона.

Юный патриот совершил подвиг. Он своими действиями не дал возможности фашистскому зверю освернить боевые знамена, политые кровью бойцов, защищавших свою родную землю.

Поступок КРАВЧУКА Константина Кононовича заслуживает высокой правительственной награды и достоин награждения орденом "Красное Знамя". -

ВОЕННЫЙ КОМАНДАНТ ГАРНИЗОНА г. КИЕВА
ПОЛКОВНИК
(Иващенко)

Командир (начальник) _____ (звание)

23 . мая 1944 г.

Наградной лист Кравчука Константина Кононовича
© Центральный архив Министерства обороны

Это был первый орден Кости. А второй – уже Трудового Красного Знамени, появился после войны, когда Константин Кононович (кстати, окончивший суворовское училище) трудился на заводе «Арсенал».

Источник: <https://topwar.ru/99242-desyatiletniy-kostya-spashshiy-znamena.html>

Владимир Нагирняк

Как во время Великой Отечественной спасали важнейший военный символ*

Святой символ Великой Отечественной – красные знамёна воинских частей и соединений – очень часто оказывался во время войны в большой опасности. Берегли и спасали его зачастую вовсе не кадровые военные, а обычные граждане СССР, в том числе с риском для жизни. Как именно это происходило, рассказывают архивные документы Минобороны.

Знамёна войсковых частей и соединений являются символом их доблести и чести. Одновременно боевое знамя – это важная воинская традиция, оказывающая большое воспитательное воздействие на личный состав вооружённых сил и напоминающая ему о присяге и долге. Во время Великой Отечественной войны в Красной Армии отмечался резкий рост традиций, связанных со знамёнами. Перед Красным Знаменем советские воины давали присягу и клятву драться с врагом, «не щадя своей жизни и крови».

Сейчас мы привычно ассоциируем Красное Знамя с символом победы. С 1943 года, после важных побед Красной Армии, оно стало символом наступления, освобождения и мести врагу. Но первые два года войны Красное Знамя нуждалось в защите, так как для советских войск это было время поражений. С началом blitzkriega в июне 1941-го командование вермахта делало ставку на стремительные прорывы своих танковых соединений, нацеленные на окружение противника.

Увы, части Красной Армии оказывались в котлах и несли серьёзные потери. В окружение попадали не только личный состав и техника, но и штабы, расположенные близко к линии фронта. Это означало, что вместе с ними во вражеском кольце оказывались и знамёна частей.

Советские бойцы и командиры сознавали, что их попадание в руки врага недопустимо, стараясь спасти символы своих частей любой ценой. Спасение и сохранение Красного Знамени считалось героическим поступком, подвигом, за который полагалась правительственная награда. Как свидетельствуют военные документы, были случаи награждения гражданских лиц,

---

* © Деловая газета "Взгляд".

помогавших красноармейцам сохранить символы Красной Армии, рискуя своей жизнью.

Давший обещание вернуться

Большинство случаев возвращения населением знамён частей, разбитых в 1941-м, связано с началом наступления Красной Армии на запад и освобождением территории, оккупированной вермахтом. Примером тому является случай, произошедший на 1-м Украинском фронте осенью 1943-го.

16 сентября части 27-й армии освободили хутор Крыжановка в Полтавской области. Спустя две недели один из его жителей Никифор Ткаченко был призван на воинскую службу и направлен в 737-й стрелковый полк 206-й стрелковой дивизии. Но по его прибытии в часть командование ждал сюрприз, так как новоиспечённый красноармеец заявил, что у него дома хранится знамя 213-го стрелкового полка – одной из старейших частей Красной Армии! После этого Ткаченко был немедленно отправлен в Крыжановку, откуда вместе с полковым знаменем он привёз документы адъютанта командира 168-го полка лейтенанта Блинова, петлицы и галуны подполковника Курмышева. Красноармейца немедленно доставили в штаб 27-й армии, где он рассказал свою историю.

В октябре 1941-го, спустя две недели после прихода немцев в Крыжановку, в хату колхозника Ткаченко ночью зашли подполковник Леонтий Курмышев и лейтенант Григорий Блинов, в одиночку вышедшие из окружения. Трое суток Ткаченко укрывал советских командиров, а затем помог им перейти линию фронта, дав гражданскую одежду и еду. Перед уходом Курмышев отдал колхознику на хранение знамя 213-го стрелкового полка, попавшего в окружение. Как вспоминал Ткаченко: «При этом он меня предупредил, что Красная Армия скоро вновь вернётся, а он придёт за знаменем».

Освобождения пришлось ждать два года. Колхознику удалось сохранить знамя, несмотря на ряд обысков его дома, проведённых немцами. Но даже когда советские войска пришли в Крыжановку, подполковник не вернулся. Курмышеву действительно удалось выйти к своим. Весной 1942 года он командовал полком в 266-й стрелковой дивизии во время Харьковской операции, но вновь оказался в окружении и попал в плен. Не дождавшись возвращения офицера, Ткаченко отдал знамя командованию 27-й армии.

Патриоту не пришлось долго ждать награды за свой подвиг. Уже в январе 1944-го командование 206-й дивизии наградило его орденом Славы 3-й степени. А спустя два месяца его ждало повторное награждение за спасение знамени, когда командующий фронтом маршал Жуков наградил Ткаченко орденом Красного Знамени.

Верная клятве

Похожая история произошла с женой офицера 477-го стрелкового полка – жительницей белорусского села Шиловичи Анной Ефремовной Гороховой. В первые дни войны полк её мужа вёл бой на шоссе Минск – Борисов, пытаясь задержать немецкие танки. Эта часть практически сразу попала в окружение, но сумела прорваться и соединиться с 161-й стрелковой дивизией, впоследствии отступая с боями на восток южнее шоссе Минск – Москва.

Обстановка складывалась тяжёлая. 477-й полк ещё не раз попадал в окружение, и чтобы избежать захвата полкового знамени врагом офицеры полка решили укрыть его у надёжного человека. Когда в дом к Анне пришли её муж – командир комедантского взвода младший лейтенант Иван Горохов и начштаба полка капитан Иван Давыдов, последний попросил её сохранить святыню части. Девушка поклялась сделать это и после ухода офицеров зарыла знамя на сеновале, обернув мешком.

Увы, Горохов и Давыдов за ним не вернулись, пропав без вести в окружении. Но Анна хранила его почти три года в немецкой оккупации. Опасаясь, чтобы знамя не подверглось гниению, она извлекла его из земли и спрятала в своём доме за печкой. Девушка хранила знамя в строжайшей тайне, которую не доверила даже своей матери.

После освобождения Шиловичей, 12 сентября 1944-го Анна Горохова извлекла свой секрет и отнесла знамя в Могилёвский областной военкомат, откуда его отправили в Москву и затем передали на хранение в 3-й гвардейский стрелковый полк, ставший приемником 477-го полка. За свой подвиг Анна Ефремовна была представлена к правительственной награде, но, увы, по неизвестной причине ей пришлось ждать свой орден 20 лет. Лишь в 1965 году мужественная женщина была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Старый солдат русской армии

Вероятно, начальник политотдела 38-го стрелкового корпуса полковник Петров был удивлён, когда к нему явился пожилой колхозник, доложивший о себе так: *«Товарищ полковник! Солдат Старой русской армии 8-й роты 301-го Бобруйского полка Дмитрий Тяпин во время немецкой оккупации сохранил знамя войсковой части»*.

Оказалось, что 6 августа 1941-го этот 62-летний ветеран Русско-японской и Первой мировой войн из деревни Анютино Могилёвской области стал свидетелем гибели трёх красноармейцев, убитых немцами, когда они пытались пройти по болоту за деревней, чтобы догнать свою часть, ушедшую за реку Сож. Вместе с односельчанином Тяпин перенёс тела на кладбище, где они их и похоронили. Но перед этим Дмитрий Николаевич обнаружил рядом с одним убитым вещмешок, где лежало знамя 24-й стрелковой Самаро-Ульяновской Железной дивизии с прикрепленным к нему орденом Красного Знамени. Понимая его значение, старый солдат обернул вещмешок плащ-палаткой, положил его в могилу красноармейцев и закопал.

Два года Тяпин хранил тайну своей находки. А когда в октябре 1943-го Анютино было освобождено частями 38-го корпуса, он раскрыл её советскому командованию. Когда могилу вскрыли, то в ней действительно было обнаружено дивизионное знамя. Кроме того, к гимнастёрке одного из похороненных был приколот орден Красного Знамени. По его номеру удалось установить, что он принадлежал старшему политруку 274-го полка Александру Барбашеву, считавшемуся пропавшим без вести.

Встал вопрос: чем наградить героя? Сначала Тяпина представили к ордену Красной Звезды, но вмешался заместитель наркома обороны Маршал Василевский. Своим приказом № 035 от 20 февраля 1944-го он наградил ветерана орденом Красного Знамени и навечно зачислил в списки 1-й роты 7-го стрелкового Прикарпатского полка 24-й дивизии. Но дело этим не ограничилось, так как уже в сентябре Тяпин был повторно награждён командованием 1-го Украинского фронта таким же орденом. Кстати, существует утверждение, что колхозник не захотел быть красноармейцем только на бумаге и изъявил желание присоединиться к своему полку на передовой, пройдя с ним до Праги и закончив войну старшиной. Если они правдивы, то это делает Дмитрия Николаевича уникальным ветераном трёх войн.

Одеяло и железный ящик

В конце февраля 1943-го 8-й гвардейский кавалерийский полк попал в окружение во время неудачного рейда в район Синельниково, где советская кавалерия пыталась перерезать немецкие коммуникации между Днепропетровском и Запорожьем. В результате во вражеском тылу оказался не только его личный состав, но и полковое знамя, которое носил с собой замполит полка майор Аракильян. Попытки выйти из окружения оказались неудачны. В середине марта майор решил закопать знамя, чтобы оно не досталось врагу. Но на счастье замполита ему довелось встретить человека, готового сохранить святыню полка:

«В селе Старо-Семёновка колхозница Дмитриенко Мария Петровна, несмотря на угрозы фашистской жандармерии о сдаче военных вещей, а в случае несдачи – расстрела, согласилась хранить у себя дома знамя. Знамя положили в железный ящик и закопали у неё в погребке, которое Дмитриенко сохранила до сентября 1943 года». После выхода к своим и освобождения села, Аракильян получил от женщины сохранённое знамя. За свой подвиг Мария Петровна была награждена орденом Красной Звезды.

Аналогичную награду получила и Нина Цвященко – жительница села Новосельцы Киевской области. В дни отступления Красной Армии в 1941 году, от неизвестного советского лейтенанта она приняла на хранение знамя 133-го стрелкового батальона. Невзирая на угрозы со стороны немецких властей, Цвященко хранила знамя более двух лет, зашив его в одеяло. 4 февраля 1944-го, после освобождения села Новосельцы, Нина Филипповна передала знамя офицерам 7-й гвардейской мотострелковой бригады.

Два знамени – два ордена

Приведённые примеры показывают высочайшую степень патриотизма советского гражданского населения, даже в оккупации демонстрировавшего единство народа и армии.

Кстати, об армии. В завершение стоит упомянуть о полном кавалере ордена Славы – старшине Александре Ситникове, дважды спасшем знамя своего полка. Летом 1944-го, когда немецкие танки прорвались к штабу, находившийся у знамени Ситников успел снять с древка полотнище, спрятать его под гимнастёркой и укрыться в воронке на ржаном поле. Схожая ситуация произо-

шла 14 января 1945-го, когда старшина спас знамя полка от захвата немецких автоматчиков, прорвавшихся к штабу.

Командование высоко оценило оба подвига Ситникова, наградив его за них «Славой» 2-й и 1-й степеней. Таким образом, неважно кто и где спасал знамёна – гражданский или военный, в тылу или на передовой. Любое такое действие было подвигом.

Источник:

https://news.rambler.ru/education/48618730/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

СПАСЁННЫЕ ЗНАМЁНА

В годы Великой Отечественной войны, особенно в начальный период, командиры и бойцы Красной Армии в критических ситуациях делали все возможное для того, чтобы сохранить свои знамёна. Настоящими патриотами при спасении Боевых Знамён проявили себя и жители белорусских городов, деревень.

В Национальном архиве Республики Беларусь имеются документы, раскрывающие историю спасения нескольких Боевых Знамён воинских частей Красной Армии.

Жительница д. Нерушайки бывшего Заславльского района Минской области Мария Михайловна Бруневская с осени 1942 года была связана с партизанами. Собирая брошенные оружие и боеприпасы, она нашла в Тарасовском лесу спрятанное Боевое Знамя 11-й кавалерийской дивизии Красной Армии. Это знамя она хранила у себя дома до мая 1944 года, затем передала его командованию партизанской бригады «Неуловимые», оттуда знамя было переправлено в Москву.

Кроме этого, М.М. Бруневская передала партизанам собранные и спрятанные ею ручной пулемёт, восемь винтовок, четыре нагана, 2800 винтовочных патронов, пишущую машинку, перевела в партизанский отряд восемь военнопленных – бойцов Красной Армии.

13 ноября 1944 года начальник Белорусского штаба партизанского движения А.А. Прохоров собственноручно оформил наградной лист, согласно которому М.М. Бруневская представлялась к награждению орденом Отечественной войны I степе-

ни. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1948 года Мария Михайловна была удостоена этой награды.

* * *

Аналогичный патриотический поступок совершили брат и сестра Пётр Михайлович Мисник, 1897 года рождения, и Евдокия Михайловна Михно, 1899 года рождения, жители деревень Черноручье и Заболотье Лепельского района Витебской области.

Летом 1941 года при отступлении частей Красной Армии на восток в родном доме появился сын П.М. Мисника лейтенант 84-го артполка Роман Петрович Мисник, который передал отцу на хранение знамя своего полка. В течение трёх лет в условиях немецкой оккупации патриоты, брат и сестра, смогли сберечь боевую святыню. После освобождения Белоруссии она была передана в Лепельский РК КП(б)Б.

За этот подвиг П.М. Мисник был награждён орденом Красного Знамени, а Е.М. Михно – орденом Красной Звезды. Теперь спасённое ими знамя полка как боевая реликвия хранится в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны.

* * *

Там же, в Белгосмузее, находится и Боевое Знамя 56-й Московской стрелковой дивизии, которое хранил житель д. Узносное Толочинского района Витебской области Аркадий Карпович Зелютков, партизан 2-го отряда имени Щорса бригады Н.П. Гудкова.

В мае 1943 года А.К. Зелютков был направлен на Бегомльский аэродром для доставки знамени в Москву, но по пути туда он попал в немецкую блокаду. Опасаясь того, что знамя может попасть к врагу, Зелютков спрятал его в лесу. По окончании блокады Аркадий Карпович вместе с комиссаром партизанской бригады отыскал святыню и передал в Москву. А.К. Зелютков был отмечен орденом Красного Знамени.

* * *

Ещё один документ, повествующий о спасении боевой реликвии, – расписка командира отдельного кавалерийского партизанского отряда бывшей Барановичской области Д.А. Денисенко о получении от гражданки М.В. Вашестик знамени, которое до войны находилось в Мирском райсовете. Приводим текст расписки полностью.

«Дана партизанским отрядом депутату районного Совета гражданке Вашестик Марии Васильевне, 1900 года рождения, из д. Скоричи Мирского района Барановичской области (ныне – Еремичский сельский Совет Кореличского района Гродненской области.– Авт.), в том, что у неё взято Красное Знамя, которое она сохранила и передала отряду в полной сохранности.

Сохранение знамени не раз грозило для неё потерей жизни, но она как преданный большевик и преданная дочь своей Родины не боялась фашистских гадов, твёрдо верила в то, что Красная Армия вернётся, разгромив всех врагов своей Родины, и что Красное Знамя встретит героическую Красную Армию. Партизанский отряд благодарит Вашестик Марию Васильевну за сохранение знамени и за то, что она отдала его отряду для дальнейшего сохранения и дальнейшего разгрома фашистских гадов, имея в руках символ свободы – это боевое Красное Знамя». Датирован этот ценнейший для нашей истории и памяти документ 19 января 1943 года.

* * *

Летом 1941 года заведующий делопроизводством обозно-вещевого снабжения 222-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии техник-интендант 2 ранга И.В. Шишов, выходя из окружения, передал на хранение Боевое Знамя полка жителю д. Млын Кащинского сельского Совета Холопеничского района Минской области (ныне – Новозарянский сельский Совет Чашникского района Витебской области) Евгению Антоновичу Павловскому. С помощью сельчанина офицер Шишов связался с партизанским отрядом В.С. Леонова и до октября 1943 года являлся агентурным сотрудником этого отряда. Затем И.В. Шишов был вызван в Белорусский штаб партизанского движения (БШПД), куда и доставил хранящееся у Е.А. Павловского знамя полка.

Согласно справке БШПД, Евгений Антонович Павловский с первых дней оккупации района немецко-фашистскими захватчиками был тесно связан с партизанами, помогая разведсведениями, продуктами питания, боеприпасами.

За спасение Боевого Знамени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1944 года Е.А. Павловский был награжден орденом Красного Знамени.

* * *

Интересна история спасения двух белорусских знамён за пределами республики.

В ноябре 1947 года в Президиум Верховного Совета БССР поступило письмо от председателя Артемовского горисполкома тогдашней Сталинской области Украинской ССР о спасении в годы войны Красного Знамени Белорусской ССР 10 летней девочкой Ниной Форафоновой.

В феврале 1943 года в г. Артёмовске дислоцировалась немецкая танковая часть, личный состав которой был расквартирован по домам местных жителей. В доме Натальи Григорьевны Форафоновой, которая проживала с дочерью Ниной, две комнаты занимал начальник почты части вермахта, хозяйка же ютилась в кладовке. Спустя две недели унтер-офицер принёс в дом красный свёрток и велел Н.Г. Форафоновой застелить им его кровать.

Нина увидела Красное Знамя БССР с портретом И.В. Сталина – и у Нины появилась мысль похитить это полотнище...

Прошло несколько дней, а унтер-офицер прибежал на квартиру и распорядился собрать его вещи, пояснив: он срочно выезжает. И тогда девочка, не сказав об этом даже матери, завернула знамя в марлю, вышла во двор и спрятала полотнище в снежный сугроб. А когда немцы уехали, Нина все рассказала матери – и принесла знамя в дом.

Наталья Григорьевна Форафонова спрятала реликвию под сиденье дивана, там её хранили до августа 1943 года. При отступлении немцев из Донбасса начались частые обыски и грабежи, поэтому патриотки – мать и дочь – ночью закопали знамя в огороде, там оно хранилось до освобождения города частями Красной Армии.

В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б от 25 февраля 1948 года за проявленный патриотизм Наталья Григорьевна и Нина Форафоновы были награждены Почётными грамотами Верховного Совета Белорусской ССР.

И ещё одна история спасения знамени. В августе 1946 года в Белорусский республиканский комитет профсоюза финансово-банковских работников было передано переходящее Красное знамя Брестского областного управления гострудсберкасс и госкредита, которое обнаружили бойцы гвардейской Звенигородско-Будапештской дивизии при занятии столицы Австрии

Вены. Вместе со знаменем поступило письмо от командования части, приводим его текст в сокращённом виде.

«...Мы, гвардейцы прославленной, трижды орденоносной Краснознамённой части, знаем цену Красного Знамени у нашего народа. Как святыню мы берегли в самых тяжёлых условиях свои гвардейские знамёна – как символ наших побед и нашего могущества... Так же нежно и бережно мы хранили и ваше Красное Знамя. Оно хранилось наравне с нашими боевыми знамёнами... Кончилась война, и пришло время доставить вам ваше Красное Знамя и в связи с этим – приятную неожиданность. Грязной рукой фашистского грабителя сделана и прикреплена к вашему знамени неграмотная надпись на немецком языке: «Советское партийное знамя. Брест-Литовск». На своём боевом пути мы срывали немало таких и прочих бахвальных фашистских надписей и ярлыков, а эту надпись на вашем знамени мы предоставляем право сорвать самим... Пусть это знамя, как и боевая слава гвардейцев, будет постоянным символом величия и несокрушимости нашей Великой Родины!»

На заседании президиума БРК профсоюза финансово банковских работников 6 сентября 1946 года было принято решение: *«Считать целесообразным возвращённое переходящее Красное Знамя Брестского управления гострудсберкасс и госкредита передать музею Отечественной войны как отвоёванное доблестной Красной Армией у немецко-фашистских захватчиков».* На этом след того знамени обрывается... Ни в Белгосмузее истории Великой Отечественной войны, ни в нынешнем профсоюзе работников банковских и финансовых учреждений Республики Беларусь сведений о нём не имеется.

...Таковы лишь некоторые истории спасённых нашими патриотами и бойцами знамён. А сколько их было спрятано воинами Красной Армии, прорывавшимися из окружения, – спрятано с надеждой когда-то вернуться сюда и отыскать их!.. Известны, впрочем, и вполне объяснимые случаи, когда документы и знамёна передавались на хранение жителям белорусских деревень, а те, боясь разоблачения, уничтожали их. Да, и это – война...

Источник: <https://ok.ru/nazadsssri/topic/67468483581420>

Андрей Сидорчик

Рождение легенды. История появления Знамени Победы

Евгений Халдей / ТАСС

30 апреля 1945 года над Рейхстагом было водружено Знамя Победы.

Предложение товарища Сталина

Знамя Победы является одним из главных символов триумфа советского народа в войне с фашизмом. Как и полагается подобному символу, его история окружена набором легенд и мифов. Некоторые недоговорённости, присутствовавшие в официально принятом в СССР описании водружения знамени над Рейхстагом, позволили некоторым усомниться в том, что флаг был действительно установлен **Михаилом Егоровым** и **Мелитоном Кантарией**.

Впервые идея водружения Знамени Победы была озвучена 6 ноября 1944 года **Иосифом Сталиным** на торжественном заседании Моссовета, посвящённом 27-й годовщине Октябрьской революции.

В своей речи советский лидер сказал: «Советский народ и Красная армия успешно осуществляют задачи, вставшие перед

нами в ходе Отечественной войны... Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти, и теперь перед Красной армией остаётся её последняя, заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы».

Разумеется, идею товарища Сталина горячо одобрили, а к её практической реализации перешли уже весной 1945 года, за неделю до начала Берлинской операции.

Древки делали из карнизов для штор

9 апреля 1945 года на совещании начальников политотделов всех армий 1-го Белорусского фронта было дано указание о том, чтобы в каждой наступающей на Берлин армии были изготовлены красные флаги, которые могли бы быть водружены над Рейхстагом.

В находившейся на направлении главного удара 3-й ударной армии было изготовлено 9 таких знамён, по количеству дивизий в составе армии. Каждое из знамён было пронумеровано.

Флаги были сделаны из простого красного материала по образцу государственного флага СССР. Звёзды, серп и молот рисовали через трафарет. Древки для знамён делал армейский киномеханик из карнизов для штор. Никакой парадности и помпезности в этом процессе не было, но те, кто в нём участвовал, вспоминали необычайное воодушевление – ведь эти простенькие флаги были символом приближающегося окончания войны.

Интересно, что в Москве одна из фабрик получила секретный заказ на создание парадного флага из знамённого бархата. Однако этот флаг в войска так и не был отправлен.

В ночь на 22 апреля штурмовые флаги были вручены от имени Военного совета 3-й ударной армии представителям стрелковых дивизий.

К этому моменту первое красное знамя уже развевалось над столицей рейха. 21 апреля на одном из берлинских зданий его установил **ефрейтор, разведчик-наблюдатель 1-й батареи 106-го миномётного полка 1-й миномётной Брестской бригады 5-й Артиллерийской Краснознамённой Калининской дивизии прорыва РК Александр Муравьёв.**

Вопрос о том, на каком из берлинских зданий должно было быть установлено главное Знамя Победы, адресовали лично

Сталину. Вождь указал на Рейхстаг. Разумеется, Иосиф Виссарионович причин своего выбора не объяснял. Возможно, причиной стало то, что именно с поджога Рейхстага начиналась гитлеровская диктатура в Германии, вылившаяся впоследствии в мировую войну.

Флаг на фронте

На ближние подступы к Рейхстагу советские части вышли 29 апреля. Здание обороняли наиболее фанатичные части СС, включая подразделения, сформированные из латышских, французских и скандинавских коллаборационистов. Дрались последние защитники нацизма с остервенением.

30 апреля штурм Рейхстага начали бойцы 171-й стрелковой дивизии под командованием **полковника Алексея Негоды** и 150-й стрелковой дивизии **генерал-майора Василия Шатилова**.

Утренний штурм был отбит, а во время дневного штурма отдельным группам советских солдат удалось проникнуть во внутренние помещения Рейхстага.

Именно во время этого второго штурма сразу несколько групп бойцов обеих советских дивизий сумели добраться до фасада Рейхстага и установить на нём несколько красных флажков.

Согласно журналу боевых действий 150-й стрелковой дивизии, в 14 часов 25 минут 30 апреля 1945 года **лейтенант Рахимжан Кошкарбаев** и **рядовой Григорий Булатов** «попластунски подползли к центральной части здания и на лестнице главного входа поставили красный флаг».

Флаг на фронте здания, находящегося под контролем врага, считать знаменем Победы сложно. Тем не менее Кошкарбаев и Булатов были представлены к званию Героя Советского Союза, но получили ордена Красного Знамени.

Указом Президента Республики Казахстан от 7 мая 1999 года Рахимжану Кошкарбаеву посмертно присвоена высшая степень отличия – звание «Халык Қаһарманы» («Народный Герой»).

Эквилибристика на куполе

Успешным для советских частей оказался вечерний штурм Рейхстага 30 апреля, когда им удалось ворваться внутрь, после чего развернулось ожесточённое сражение в здании.

Сразу несколько групп советских солдат получили приказ добраться до крыши Рейхстага и установить там знамя. Штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии был вручён группе в составе **лейтенанта Алексея Береста, сержанта Михаила Егорова и младшего сержанта Мелитона Кантарии**. Знамённую группу прикрывала огнём рота автоматчиков под командованием **старшего сержанта Ильи Сьянова**.

Изначально этот флаг был установлен на фронтоне главного входа Рейхстага – на восточной части здания – и прикреплён к конной скульптуре **Вильгельма I**.

На тот момент здание ещё не находилось под полным контролем советских войск – в отдельных его помещениях гитлеровцы продолжали сопротивляться.

Во второй половине дня 2 мая Знамя Победы было перенесено на купол Рейхстага. Задача, которую выполняли те же Берест, Егоров и Кантария, была крайне сложной – стеклянный купол был разрушен, и в ходе подъёма по металлическим переплётам Егоров едва не сорвался. Однако в итоге всё закончилось благополучно.

Первый среди уцелевших

То, что флаг, установленный группой Алексея Береста, не был первым на крыше Рейхстага, – чистая правда. Это знамя было четвёртым по счёту, однако три первых были сбиты огнём продолжавших сопротивление нацистов.

Знаменем Победы флаг, поднятый бойцами 150-й стрелковой дивизии, был назван по двум причинам. Во-первых, он был «номерным», то есть официально выданным для установления, во-вторых, он не был сбит гитлеровским огнём.

Первый флаг на крыше Рейхстага был установлен штурмовой группой под командованием **капитана Владимира Макова** в составе **старших сержантов Гази Загитова, Александра Лисименко, Михаила Минина и сержанта Алексея Боброва**. Буквально с разницей в несколько минут свои знамёна установили ещё две группы – **майора Бондаря и лейтенанта Сорочкина**.

История первых трёх знамён на крыше Рейхстага, сбитых гитлеровцами, не являлась большим секретом. В частности, она описана в издании «История Второй мировой войны», вышедшем в 1979 году.

Правда, чаще всего, говоря о Знамени Победы, в советской прессе писали о Михаиле Егорове и Мелитоне Кантарии, не упоминая о старшем знамённой группы лейтенанте Бересте.

Лейтенант в тени подчинённых

Почему же из канонической советской версии выпало имя Алексея Береста? Почему ему, в отличие от Егорова и Кантарии, не было присвоено звание Героя Советского Союза?

Точного ответа на этот вопрос нет. Тем более что из воспоминаний ветеранов имя Береста не вымарывалось, поэтому о его участии в водружении Знамени Победы над Рейхстагом можно было узнать, но только в случае большого интереса к теме.

По самой популярной версии, звания Героя Советского Союза Алексей Берест не был удостоен по воле всесильного **Жукова** – маршал не любил замполитов, а Берест занимал именно эту должность. По другой версии, жёсткий характер Береста не нравился его непосредственному начальству. По третьей, на самом вершине решили, что в качестве знаменосцев Победы лучше всего будут выглядеть два простых солдата – русский и грузин, и офицером решили пожертвовать.

6 мая 2005 года за боевую отвагу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, личное мужество и героизм, проявленные в Берлинской операции и водружении Знамени Победы над Рейхстагом, указом **Президента Украины Виктора Ющенко** Алексею Бересту присвоено звание Герой Украины с удостоением ордена «Золотая Звезда» (посмертно).

Как на Знамени Победы появилась надпись

Далеко не все знают и ещё об одном интересном моменте. Изначально на флаге, ставшем Знаменем Победы, не было никаких надписей. Над куполом Рейхстага развевалось красное полотнище со звездой, серпом и молотом, а также номером «5» – под этим номером значилось знамя, выданное 150-й стрелковой дивизии.

Первый комендант Берлина генерал-полковник Николай Берзарин торжественно провожает Знамя Победы в Москву.

Фото: РИА Новости/ Виктор Кинеловский

После того как флаг был снят с Рейхстага, он хранился сначала в штабе 756-го стрелкового полка, а затем в политотделе 150-й стрелковой дивизии. 19 июня, накануне отправки знамени в Москву, **начальник политотдела 150-й дивизии подполковник Артюхов** приказал сделать на нем надпись белой краской: «150 стр. ордена Кутузова II ст. Идриц. Див.». Это означало «150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия».

Данная самодеятельность не понравилась приехавшему проверять знамя перед отправкой в Москву **начальнику политотдела 79-го стрелкового корпуса полковнику Крылову**.

Артюхов предложил дополнить надпись: «79 стр. корпус, 3 ударная армия, 1 Белорусский фронт». Однако места на флаге осталось мало, и поместилось только «79 с.к., 3 у.а., 1 б.ф.»

Такой вариант полковника Крылова устроил, и знамя отправили в Москву. В столице решили в его внешнем облике ничего не менять. Именно так появился знакомый теперь всем вид Знамени Победы.

Источник:

https://aif.ru/society/history/rozhdenie_legendy_istoriya_poyavleniya_znameni_pobedy

Елена РАКОВА

Первое Знамя Победы над Рейхстагом разведчики сделали из немецкой перины*

Иван Никифорович Лысенко

О том, что Знамя Победы над Рейхстагом водрузили Михаил Егоров и Мелитон Кантария, писалось во всех школьных учебниках. Имена других героев – военных разведчиков из отряда Семёна Сорокина – стали известны не так давно, в девяностые годы. Почти полвека историческая правда замалчивалась «по идеологическим причинам».

Единственный живой свидетель тех событий – брянец Иван Лысенко – 9 октября 2014 г. отпраздновал 97-летие. Легендарный разведчик живёт в посёлке Красная Гора. Судьба этого человека поистине удивительна: в его жизни были и Соловки, и штрафная рота, и золотая звезда Героя Советского Союза...

Брянский краевед, историк военной разведки Сергей Шестаков провёл собственное расследование: изучал архивы, воспоминания свидетелей... Сейчас вместе с кировским историком-краеведом Сергеем Серкиным он заканчивает работу над книгой под рабочим названием «Триумф и трагедия знаменосцев Победы». В ней пойдёт рассказ о судьбах разведчиков из группы Сорокина, штурмовавших Рейхстаг.

* Орловский военный вестник № 5(36) 2015 год, стр. 12.

Сиротство, Соловки, штрафбат

Посёлок Красная Гора, тихая речка Беседь, аккуратные улочки, дома с резными ставнями... Найти дом героя-разведчика несложно – он живёт на улице, которую семь лет назад назвали его именем. Меня встречают дочери Ивана Никифоровича: Евдокия, Раиса и Екатерина. Они приехали на юбилей отца из Калининграда и Украины. В последнее время Иван Никифорович чувствует себя не очень хорошо, но нашёл силы, чтобы поговорить со мной за кружкой чая и домашним пирогом.

– Отец родился в октябре 1917 года в селе Кузнецы, это недалеко от Красной Горы, – рассказывает его дочь Екатерина Ивановна. – В шесть лет остался сиротой, его воспитывала тётка. В 12 лет пошёл работать в колхоз. Время было голодное, выживали, как могли. Про те годы отец не любит рассказывать...

Это фото героя-разведчика Лысенко сделано в 1946 году

Ивану было всего 16, когда он получил 10 лет Соловецких лагерей. За пшеничные «колоски», которые паренёк нашёл на уже убранном колхозном поле. Кто-то заметил, настрочил донос... На Соловках Иван пробыл около трёх лет – освободили по амнистии. Вернулся в родные Кузнецы, в 40-м году женился на односельчанке, красавице Татьяне. Летом, перед самой войной, родилась дочка Дуся.

На фронт Лысенко попал в 1943 году. На следующий день, после того как из Кузнецов прогнали фашистов, пошёл в райвоенкомат в Гордеевку. Его отправили в штрафбат – был в оккупации. В первом же бою, недалеко от родного села, на Гомельщине, у реки Сож, получил тяжёлое ранение в подбородок. «Искупив свою вину перед Родиной кровью», Иван Лысенко стал бойцом разведотряда Семёна Сорокина 674-стрелкового полка, 150-й Идрицкой дивизии, 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Потом были ещё два ранения, к счастью, лёгкие...

Штурм

– Ну как же это забыть... – вздыхает Иван Никифорович. – Все помню... Как ворвались в Рейхстаг, а навстречу немцы. Мы – давай в них стрелять. Потом поднялись на второй этаж, потом на крышу, поставили знамя... И ребят своих всех помню: Провоторова, Булатова, Орешко, Сорокина...

30 апреля 1945-го. В 13.00 советские орудия начали прямой артобстрел Рейхстага.

– Перед разведчиками из взвода Сорокина, в котором старший сержант Лысенко был заместителем командира, поставили задание: любой ценой прорваться в здание и установить там красный флаг, – рассказывает историк военной разведки Сергей Шестаков. – В группе, вместе с командиром Семёном Сорокиным, было десять человек, двое из них погибли ещё на площади перед Рейхстагом. Восемь разведчиков через боковой вход для obsługi прорвались в здание. Гранатой Иван Лысенко взорвал несколько немецких солдат. А потом поднялся на фронтон второго этажа и укрепил там самодельное знамя из красной обшивки немецкой перины. Её разведчики нашли в доме, в котором ночевали перед штурмом.

Затем отважная восьмёрка поднялась на крышу Рейхстага и установила ещё одно знамя – на статуе Вильгельма II.

– Григорий Булатов, как самый лёгкий и молодой, залез на плечи Виктора Провоторова, их поддерживали Иван Лысенко и Степан Орешко, – говорит Сергей Шестаков. – Булатов закрепил на статуе штурмовое полковое знамя. В бинокль с противоположной стороны улицы это видел командир полка Александр Плеходанов. Это было примерно в 14.25.

Обстрел продолжался, разведчики спустилась вниз. За одной из закрытых дверей Лысенко услышал немецкую речь... Иван распахнул её и увидел двух немецких генералов и их адъютантов.

– Это были генералы медицинской службы, один из них – главный медик Берлина, – рассказывает Сергей Шестаков. – Иван Лысенко взял их в плен. В этом бою он отличился дважды: первым установил флаг на Рейхстаге и добыл двух важных «языков». Тогда за пленение генералов сразу давали Звезду Героя. Когда об этом докладывали командиру полка Александру Плеходанову, он сказал: «Разведчиков наградить, а Лысенко особо».

Разведчики из взвода Семёна Сорокина у Рейхстага:
 1. Иван Лысенко. 2. Виктор Провоторов. 3. Семён Сорокин.
 4. Григорий Булатов. 5. Степан Орешко. 6. Михаил Пачковский.
 7. Павел Брюховецкий. 8. Михаил Габидуллин

Позже в наградном листе Ивана Лысенко напишут: *«...30 апреля тов. Лысенко первым ворвался в здание Рейхстага, гранатным огнём истребил больше 20 немецких солдат, достиг второго этажа и водрузил Знамя Победы».*

А примерно в 22.10 группа артиллерийских разведчиков капитана Макова тоже установила на крыше Рейхстага своё знамя. Среди них тоже был наш земляк из Клинцов – старший сержант Александр Есименко.

– После войны они с Лысенко дружили, часто приезжали в гости друг к другу, – говорит Сергей Шестаков. – А Егоров и Кантария установили знамя Военного совета уже 1 мая, утром, между четырьмя и пятью часами. Но политика партии была такова, что знаменосцами победы обязательно должны были стать русский и грузин...

Однополчане. Иван Лысенко – четвёртый слева во втором ряду.
Фото: из архива Ивана Лысенко

Судьбы разведчиков

После войны Иван Лысенко вернулся в родные Кузнецы.

На встрече ветеранов. В центре – Виктор Провоторов и Михаил Пачковский

– Мама рассказывала, что когда отец приехал, то не знал еще, что получил звезду героя, – вспоминает Евдокия Ивановна. – По дороге к дому его встретил односельчанин, сказал что-то вроде «Ну, здравствуй, герой». А отец в ответ: «Да все мы герои». А потом из газеты он узнал, что ему при-

своили звание Героя Советского Союза.

В 46-м Иван отправился на заработки на шахты Донецка. Хотел даже перевезти туда семью, но жена наотрез отказалась: «Здесь родные могилы, никуда из Кузнецов не поеду!» Татьяна и Иван вырастили трех дочерей и двух сыновей. Иван Никифорович всю жизнь проработал в колхозе, долгое время был на хлопотной должности председателя. Последние 30 лет живёт с младшей дочерью в Красной Горе.

– Отец несколько раз в 60-е и 70-е годы ездил в Москву на встречи ветеранов, – говорят его дочери Екатерина и Раиса. – Переписывался со своими однополчанами... И всегда с горечью рассказывал нам, как с их отрядом обошлись после войны. Сильная обида у них у всех была на власть. Сначала они пытались восстановить правду, писали письма в ЦК партии, в различные комитеты. Но, когда с разведчиками из группы Сорокина стали происходить странные вещи, отец понял, что это бесполезно.

В 1973 году историк Максим Сбойчаков опубликовал книгу «Они брали Рейхстаг». В ней говорилось о первых знаменосцах Победы.

На обороте снимка написано: «На добрую память о встрече в Москве, моему другу Ивану Никифоровичу Лысенко, Герою Советского Союза, участнику штурма Берлина, Рейхстага и водрузившему на нём Знамя Победы»

Встреча однополчан. Слева направо: Алексей Провоторов – брат Виктора Провоторова, Иван Лысенко, Семён Сорокин. Фото сделано 15 декабря 1974 года в Москве

– Эту книгу быстро изъяли из оборота, – рассказывает Сергей Шестаков. – Цензура запретила любые упоминания в печати о группе Сорокина. А с теми, кто пытался рассказать правду, случались несчастные случаи. Иван Лысенко сам мне рассказал: в 1974 году на очередной встрече фронтовиков в Москве, заметил за собой слежку, когда с друзьями пошёл ве-

чером в ресторан. Опытный разведчик ушёл от «хвоста». Сразу после этого он вернулся к себе в Кузнецы. И больше ни на какие встречи не ездил.

Судьбы многих разведчиков из группы Сорокина сложились трагично. Их как будто преследовал злой рок... Впрочем, историк Сергей Шестаков считает: череда несчастий вовсе не была случайностью.

– С Виктором Провоторовым в 1962 году произошёл странный несчастный случай, – говорит Сергей Шестаков. – Он, опытный электрик, вдруг взялся за оголённый провод... Его убило током. Григорий Булатов, по официальной версии, в 1973-м повесился в туалете на заводе, где работал. Михаил Пачковский, который работал снабженцем, в 1974-м внезапно умер в Бресте. Степана Орешко, лесника, – в 1990-м убило упавшее на него дерево. Командира группы Семёна Сорокина нашли повешенным на даче в 1994 году. А следы Михаила Габидуллина и вовсе теряются в середине 60-х: известно только, что, женившись, он взял фамилию жены и уехал из страны. Ничего неизвестно и о судьбе Павла Брюховецкого.

ДОСЛОВНО

Из наградного листа старшего сержанта Лысенко Ивана Никифоровича

«...в бою 16.04.1945 года при прорыве обороны противника с плацдарма на западном берегу реки Одер... немецкий офицер – командир зенитного орудия, действующего по прямой наводке, дважды почти в упор стрелял в тов. Лысенко из пистолета, не дано было умереть герою. Подмоченный автомат тов. Лысенко отказал на какое-то мгновение, он прикладом разбил голову немецкому офицеру и его денщику. В стане врага поднялась паника. Момент был использован. Через канал переправились ещё несколько наших групп.

...30 апреля тов. Лысенко первым ворвался в здание Рейхстага, гранатным огнём истребил больше 20 немецких солдат, достиг второго этажа и водрузил Знамя Победы. За проявленное геройство и мужество в бою достоин присвоения звания «Герой Советского Союза»

*Командир 674-го стрелкового полка подполковник Плеходанов.
6 мая 1945 год».*

Источник: <http://www.orel.kp.ru/daily/25973.3/2908651/>

Официальная информация:

Знамя Победы*

Знамя Победы – штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, водружённый 1 мая 1945 года на куполе здания рейхстага в городе Берлине военнослужащими Красной Армии Алексеем Берестом, Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантария.

Российским законодательством установлено, что «*Знамя Победы является официальным символом Победы советского народа и его Вооружённых Сил над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, государственной реликвией России*» и «*...находится на вечном хранении в условиях, обеспечивающих его сохранность и доступность для обозрения*». Также Знамя Победы является официальным символом Победы в Беларуси (с 1996), Приднестровье (с 2009) и в Украине (с 2011).

По внешнему виду Знамя Победы – это изготовленный в военно-полевых условиях импровизированный Государственный флаг СССР, представляющий собой прикреплённое к древку однослойное прямоугольное красное полотнище размером 82 см на 188 см, на лицевой стороне которого вверху у древка изображены серебряные пятиконечная звезда, серп и молот, на остальной части

* Орловский военный вестник № 1, 2013 год, стр. 63.

полотнища добавлена надпись белыми буквами в четыре строки: «150 стр. ордена Кутузова II ст. идрицк. див. 79 С.К. 3 У. А. 1 Б. Ф.» (150-я стрелковая ордена Кутузова II степени идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта), на обратной стороне полотнища в нижнем углу у древка – надпись «№ 5».

Водружение Знамени

29 апреля начались ожесточённые бои в районе рейхстага. Штурм самого здания, который обороняло более тысячи германских военнослужащих, начался 30 апреля силами 171-й (под командованием полковника Негоды А.И.) и 150-й (под командованием генерал-майора Шатилова В.М.) стрелковых дивизий. Первая попытка штурма, предпринятая утром, была отражена сильным огнём обороняющихся. Второй штурм был начат в 13-30 после сильной артиллерийской подготовки. 30 апреля 1945 года по всесоюзному радио, вещавшему также на зарубежные страны, прошло сообщение, что в 14 часов 25 минут над рейхстагом водружено Знамя Победы. Основанием для этого стали донесения командиров частей, штурмовавших рейхстаг. Так в донесении начальника штаба 150-й стрелковой дивизии полковника Дьячкова начальнику штаба 79-го стрелкового корпуса от 30 апреля указано: «*Доношу, в 14.25 30.4.45 г., сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания рейхстага, 1 сб 756 сп и 1 сб 674 сп штурмом овладели зданием рейхстага и водрузили на южной его части Красное знамя...*». В действительности к этому моменту советские войска ещё не захватили рейхстаг полностью, а лишь отдельные группы смогли проникнуть в него. Данное сообщение стало причиной того, что в течение долгого времени в литературе история водружения Знамени Победы была искажена. Как отмечает А. Садчиков, «*появление этого радиосообщения объясняется вовсе не идеологическими или политическими мотивами. Ошибку совершило командование той же 150-й стрелковой дивизии, которое поторопилось и преждевременно доложило наверх о своем „успехе“.* Когда военачальники

разобрались в ситуации, изменить что-либо было уже невозможно. Новость стала жить своей жизнью».

Егоров (справа) и Кантария на фотографии 1945 года со Знаменем Победы

9 мая 1965 года. Подпись под снимком: Москва. Красная площадь. Участники штурма рейхстага Михаил Егоров, Константин Самсонов и Мелитон Кантария на параде, посвященном 20-летию Победы.

Фото Евгения Халдея (ФотохроникаТАСС).

В своих воспоминаниях командир 756-го стрелкового полка Герой Советского Союза Ф.М. Зинченко пишет: *«Всему виной поспешные, непроверенные донесения. Возможность их появления была не исключена. Бойцы подразделений, залёгших перед рейхстагом, несколько раз поднимались в атаку, пробивались вперёд в одиночку и группами, вокруг все ревело и грохотало. Кому-то из командиров могло показаться, что его бойцы если и не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели».*

Только третий штурм рейхстага увенчался успехом. Бой в здании продолжался до позднего вечера. В результате боя часть здания была захвачена советскими войсками, в разных местах рейхстага были закреплены несколько красных знамён (от полковых и дивизионных до самодельных), и появилась возможность водрузить красное знамя на крыше рейхстага.

Предназначенный для водружения над рейхстагом штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, ставший Знаменем Победы, был установлен на крыше рейхстага около трёх часов утра 1 мая. Он стал четвёртым по счёту знаменем из установленных на крыше здания парламента. Первые три знамени были уничтожены в результате ночного дальнобойного немецкого артобстрела крыши рейхстага. В результате артобстрела был разрушен также стеклянный купол рейхстага, остался только каркас. Но вражеская артиллерия не смогла уничтожить закреплённое на восточной крыше знамя, водружённое Берестом, Егоровым и Кантария.

Командир батальона, штурмовавшего рейхстаг, С.А. Неустроев в своих мемуарах пишет, что после полуночи (по местному времени) командир полка полковник Зинченко приказал М. Егорову и М. Кантария немедленно идти на крышу рейхстага и на высоком месте установить штурмовой флаг. Замполиту батальона лейтенанту А. Бересту было приказано возглавить выполнение боевой задачи по установке флага. Первоначально – около трёх часов ночи – Знамя было установлено на фронтоне главного входа рейхстага – на восточной части здания – и прикреплено к конной скульптуре Вильгельма I.

В документальном фильме «Знамя Победы» полковник Ф. М. Зинченко вспоминал: *«Я подозвал Егорова и Кантария к окну. Видите купол? Вот там должно быть знамя»*. С. А. Неустроев добавил: *«Чтобы было надёжно, решили послать Береста. Он дойдёт обязательно – мощный, сильный, волевой. Если что случится с Егоровым и Кантария, он доберётся»*. Участвовавший в съёмках фильма Кантария вспоминал: *«Нам сказали – знамя прикрепите к колонне. Через некоторое время была поставлена другая задача – Бересту, мне и Егорову пробираться на купол рейхстага. Задача Береста – охранять Егорова и Кантария. Мы пробрались на крышу. Показали знамя, чтобы все видели»*.

По одной из версий, Егоровым и Кантария Знамя было перенесено на купол рейхстага только во второй половине дня 2 мая. Однако об обстоятельствах перенесения Знамени на купол рейхстага участник штурма рейхстага С. А. Неустроев вспоминал: *«Помню, как кричал командир 756-го полка Зинченко: „Где знамя? Не на колонне оно должно быть. Наверх надо,*

на крышу рейхстага! Чтобы все видели!“ Через некоторое время бойцы вернулись подавленные – темно, нет фонарика, не нашли выход на крышу. Зинченко матерился так, что стены дрожали как при артобстреле. Прошло больше часа. Думали, всё: нет никого в живых. И вдруг видим: на фоне стеклянного купола рейхстага пляшут трое. Понятно, что не от радости. Просто, если двигаешься, меньше вероятности попасть под пулю».

В полдень 1 мая Знамя Победы с борта самолёта По-2 сфотографировал фотокорреспондент газеты «Правда» В. А. Тёмин. Этот снимок обошёл газеты и журналы десятков стран мира. Лётчик И. Ветшак впоследствии вспоминал: «В связи с очень сложной обстановкой нам, к сожалению, удалось всего только раз пролететь вблизи рейхстага, где развевался красный флаг. Вот так и появился этот единственный снимок».

На фото: памятник Геннадию Ивановичу Митину в музее этой исторической фотографии. Снимок «Знамя Победы над рейхстагом в Берлине» В. А. Тёмин 29.78.1090.

Фотография корреспондента газеты «Правда» В.А. Тёмина «Знамя Победы над рейхстагом 1 мая 1945 года в Берлине».

Снимок удостоен наград в СССР и за рубежом

85-летний дагестанец Абдулхаким Исмаилов - последний из тех, кто водружал знамена над рейхстагом в мае 1945 года. Он запечатлен на знаменитой фотографии Евгения Халдея «Знамя Победы над рейхстагом».

Россия, Дагестан. 5 мая 2002 года.

Капитан К.Я. Самсонов, ст. сержант М.В. Кантария, капитан С.А. Неустроев, сержант М.А. Егоров, ст. сержант И.Я. Сьянов со Знаменем Победы перед отправкой в г. Москву

Командование 3-й Ударной армии поздравляет отличившихся при штурме рейхстага с присвоением высокого звания Героя Советского Союза.
Слева направо: С.Неустроев, К.Самсонов, И.Сьянов, М.Егоров и М.Кантария. 1946 г.

Судьба немецких знамён на Параде Победы 1945 года

78 лет назад, **24 июня 1945 года** состоялся первый Парад Победы, который навсегда вошёл в историю нашей страны. Он словно завершал тот нелёгкий путь, который начали у стен Кремля участники парада **7 ноября 1941 года**, уходящие с Красной площади сразу на фронт под Москвой.

Сценарий парада продумывался тщательно. Его кульминацией стало бросание к подножию Мавзолея двух сотен знамён немецких вооружённых сил. Мир навсегда запомнил кадры кинохроники, как в самом конце парада строй рослых советских солдат под резкую дробь барабанов с силой бросает поверженные штандарты на брусчатку Красной площади.

Строй «носильщиков» на Красной площади/ © РИА Новости

Спустя десяток лет после знаменитого парада это событие стало постепенно обрастать мифами и спорными деталями, а к нашему времени вокруг него и вовсе сформировалась устойчивая легенда. Многие утверждают, что гитлеровские знамёна сожгли, и даже вместе с перчатками, которые были на руках

знаменосцев. Первым к стенам Мавзолея был, якобы, брошен личный штандарт Гитлера, а чтобы не осквернить брусчатку, для этого акта даже соорудили специальный деревянный помост. Но историческая реальность далека от возникших мифов. Вот как все было на самом деле.

Кто придумал?

Генерал Сергей Штеменко, который участвовал в подготовке Парада Победы, вспоминал, что это была инициатива Сталина. В середине мая 1945 года, принимая решение о проведении парада он дал указание генералам:

«На Парад надо вынести гитлеровские знамёна и с позором повергнуть их к ногам победителей. Подумайте, как это сделать».

Такое действие было не в новинку для русской армии. Ещё Александр Суворов практиковал «казнь» трофейных знамён, как некий ритуал «небрежения не к неприятелю, а к его поверженным военным отличиям».

Но перед нашими генералами стояла действительно нетривиальная задача. Нужно было проработать этот демонстративный акт вплоть до мельчайших деталей, чтобы бросание фашистских знамён не превратилось в свалку или толкучку. Но начинать следовало с другой важной задачи – найти что бросать.

Откуда знамёна?

Для парадной коробки батальона необходимо было иметь 200 гитлеровских знамён и штандартов. А у организаторов Парада не было вообще ни одного. Дело в том, что в Третьем рейхе боевые знамёна вручались лишь в период с 1936 по 1939 годы, а части, которые были сформированы во время войны, знамён уже не получали. Кроме того, ещё в августе 1944 года Гитлер распорядился забрать и вывезти все штандарты и знаки воинских отличий из фронтовых зон в музеи вермахта. Так что Красная Армия, которая громила немцев, даже в случае окружения вражеских подразделений не имела возможности захватывать боевые знаки отличия.

Проблему решил «СМЕРШ». Его трофейная команда за короткое время смогла привезти в Москву необходимое количество знамён. Они отбирались по всей Германии и в основном изымались из музеев. Поэтому на Парад Победы попала

«сборная солянка» знамён, флагов и немецких штандартов, по которой можно было изучать историю Германии. Были там и кавалерийские штандарты прусской армии 1860 года, знамя народного ополчения 1890 года, имперские знаки отличия 1935 года. Попадались партийные флаги, знамёна немецкого Трудового фронта, Гитлерюгенда.

Перед началом прохода по Красной площади/ © wwii.space

Трофейная команда СМЕРШа тогда привезла в Москву гораздо больше знамён, чем это было необходимо для парада. И специальная комиссия ещё и отбирала, что включить в список «казнённых регалий», а что отложить в сторону. Историки считают, что принцип отбора заключался исключительно во внешней красоте знамён. Большие, тяжёлые, «украшенные» орлами и свастикой, они как нельзя хорошо подходили для того, чтобы быть презрительно брошенными оземь.

Кто бросал?

Для выполнения задачи был сформирован особый сводный батальон. В документах их именовали не знаменосцами, а «носильщиками трофейных знамён». В эту группу отбирали молодых, высоких (не ниже 176 см) и физически крепких бойцов.

Часть из них действительно воевали на фронтах, но костяк батальона составляли военнослужащие дивизии НКВД.

«Трофейный батальон», перед тем как бросить фашистские знамёна к Мавзолею. Слева – сержант Фёдор Легкошкур с древком штандарта дивизии СС «Адольф Гитлер»/ © ТАСС

«Носильщики», как и остальные участники парада, тренировались в мае-июне на Ходынском поле в Москве. Только в руках у них вместо немецких стягов были палки-распорки от солдатских палаток длиной 1,8 метров. Сами же знамёна им раздали за неделю перед парадом.

Вот что рассказывал фронтовик Иван Назаров:

«Для тренировок на поле Центрального аэродрома был сооружён макет Мавзолея. Один надзирающий генерал выразил неудовольствие: «Что это вы знамёна фашистские складываете перед Мавзолеем? Их швырять надо!» Стали швырять...».

А швырять их было непросто – нацисты при изготовлении своих знамён не жалели металла и скрепляли им не только древки, но и делали из железа навершия и тех самых орлов со свастикой. Так что резко швырнуть такую штукину было довольно сложно.

Мифы и легенды

До сих пор у историков есть несколько неясных и спорных моментов, которые из-за отсутствия чётких сведений о них, обросли мифами и легендами.

Первый миф связан с тем, куда все-таки бросали немецкие регалии. Генерал Сергей Штеменко вспоминает, что для того, чтобы не осквернить Красную площадь был сделан специальный деревянный помост, куда бойцы батальона с силой швыряли знамёна. Однако на многочисленных фотографиях никакого помоста нет. Наоборот, прекрасно видно, что их бросают на каменную ступеньку у Мавзолея.

Никакого помоста нет/ © ТАСС

Второй миф касается личного штандарта Гитлера. Якобы, его бросили первым и сделал это рослый и статный сержант Фёдор Легкошур. Впоследствии он вспоминал, что держать в руках «ношу» было нелегко, так как регалия почти целиком была сделана из литья и немало весила. Но скорее всего Фёдор Антонович так никогда и не узнал, что он швырнул оземь не личный штандарт Гитлера, а всего лишь штандарт 1-й танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». А Гитлеровский так никогда и не был найден, вероятнее всего его сожгли вместе с телом диктатора после его самоубийства (одна из версий).

Третий миф, пожалуй, самый распространённый. Все гитлеровские знамёна, якобы, сожгли вместе с тем самым помостом. Вовсе нет. Если бы это произошло, то сохранилось бы большое количество фотографий, ведь для чего было устраивать такую акцию, и не рассказать и не показать её всему миру? Но нет, ни одной фотографии не существует, а многие гитлеровские регалии живы и сегодня.

Куда дели знамёна?

Если их не сожгли, то тогда куда их убрали с Красной площади? 500 гитлеровских знамён и штандартов, включая те, что «участвовали» в Параде Победы, потом по описи были переданы в Центральный музей Красной Армии. Как говорит его старший научный сотрудник Елена Анисимова, в 60-х годах часть знамён (100 штук) была передана представителям ГДР, в музей Болгарской народной армии и Войска Польского. Несколько десятков единиц в 90-х годах были подарены музеям США. А остальные и по сей день являются частью знамённого фонда музея и хранятся в его запасниках.

Источник: <https://dzen.ru/a/YrQiveGh1IWAfMtm>

Александр ВОЛКОВИЧ

Находка в Малоритском лесу

Когда армия терпит поражение, она закапывает свои знамёна, дабы они не достались победителю.

Валентин Пикуль «Нечистая сила»

Полковое знамя 144-го Вышневолоцкого стрелкового полка, мужественно сражавшегося в Брестском регионе в первые дни Великой Отечественной войны, хранится сегодня в музее обороны Брестской крепости, напоминающая потомкам о подвиге наших дедов и отцов.

Прежде чем стать музейным экспонатом, воинский стяг прошёл тяжкий боевой путь, затем полковая святыня почти два десятилетия пролежала спрятанной в земле и была случайно найдена местным жителем в 1960 году в лесу под Малоритой. Не

сразу стали известны подробности этой удивительной истории,

которая имеет начало, но не имеет конца, ибо её нравственная суть относится к категории вечных...

На тему воинской доблести и славы я подробно беседовал с ветераном войны, подполковником в отставке Николаем Афанасьевичем Десятовым, закончившим войну в Берлине в 22-летнем возрасте в должности командира стрелковой роты, который и показал мне старенькую фотографию с изображением группы людей с полуистлевшим боевым знаменем в руках.

Именно так выглядело полковое знамя, которое обнаружил на окраине деревни Замшаны местный житель Зиновий Тарасюк. Отправился выкопать яблоньку-дичку – и наткнулся в земле на полуистлевший свёрток.

Развернул, а там воинский стяг – полуистлевший, местами с пробоинами от пуль и осколков...

На одной стороне некогда красного полотнища были изображены серп и молот на фоне пятиконечной звезды и вышиты слова «ЦИК СССР», на другой – лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а ниже – герб Советского Союза и надпись «144-й стрелковый Вышневолоцкий полк».

А что такое знамя полка для воинской части, её бойцов и командиров, для всех причастных к символу ратной славы, зовущему к победе, напоминать, пожалуй, излишне.

Тогда Зиновий Тарасюк сообщил о драгоценной находке в Малоритский районный военкомат, где в то время проходил службу мой собеседник, т.е. Николай Десятов. Офицеры военкомата капитаны Н. Десятов и М. Поляков отправились на место, к ним присоединились секретарь Малоритского райкома партии А. Кот, научные сотрудники музея обороны Брестской крепости И. Караваев, Д. Лозоватский и другие. Затем все присутствующие сфотографировались на память.

Найденное знамя было передано в музей обороны Брестской крепости, где было тщательно изучено, реставрировано, а позже заняло почётное место в экспозиции 4-го зала музея. Продолжились также научно-исторические изыскания, связанные с ним. Тогда, в 1960-м, что называется, по горячим следам, выяснились некоторые малоизвестные обстоятельства. Помог в этом Иван Сахарчук – сын лесного объездчика Александра Демьяновича Сахарчука.

Оказывается, знамя было закопано невдалеке от того места, где раньше стоял дом лесника, впоследствии сожжённый фашистами (а самого лесника за помощь красноармейцам и связь с партизанами немцы расстреляли). Сыну Ивану было в ту пору 14 лет. Он вспоминал, что 23 июня к их дому, расположенному в лесу вдали от дорог и населённых пунктов, подошли два командира Красной Армии и несколько бойцов из 28-го стрелкового полка 75-й стрелковой дивизии (это выяснится гораздо позже). Части этой дивизии в июне 1941 года сдерживали натиск врага на рубеже Домачево – Малорита и несли большие потери. Командиры вызвали хозяина и долго с ним беседовали, попросили помочь спрятать знамя полка и ящик с документами.

Александр Демьянович пригласил гостей в дом подкрепиться, а сына с ведром молока для раненых отправил в близлежащий лес, где укрывалась основная группа бойцов. Неожиданно нагрянули немцы. Завязалась перестрелка. Знамя, которое хотели было зарывать, лесник успел спрятать на чердаке, а после, когда немцы убрались восвояси, похоронил убитого фашистами командира, а знамя перепрятал в ближайшей чаще. Точное место никому не сообщил, даже сыну.

Вскоре Александру Демьяновичу и самому пришлось укрываться от преследования немцев и полицаев, пока его не вы-

следили и не убили. Сын лесника Иван был угнан в Германию, бежал, участвовал в борьбе с фашистскими захватчиками. Затем уже в составе Красной Армии освобождал Восточную Пруссию. Получил ранение. Вернувшись домой, на месте родного двора застал пепелище...

Из истории знамени и полка

144-й Вышневолоцкий стрелковый... 28-й стрелковый... В этих наименованиях, по сути, нет разночтения. Речь об одной и той же воинской части, которая в разные периоды своего существования называлась по-разному, а, следовательно, получала новые знамёна. По мнению историков, за точку отсчёта существования 144-го Вышневолоцкого стрелкового – 28-го стрелкового полков следует считать 1918 год, когда молодой Советской республикой в Смоленске был создан 22-й стрелковый полк 2-й Московской стрелковой дивизии.

Полк сражался на фронтах Гражданской войны, воевал на Карельском перешейке на советско-финляндском фронте. В какой-то период полком два года командовал Александр Василевский, в будущем – прославленный Маршал, дважды Герой Советского Союза. Последовательно полк переименовался в 427-й стрелковый, 144-й Кимрский стрелковый и т.д. Наименование «144-й стрелковый Вышневолоцкий» было присвоено полку в двадцатых годах после передислокации в г. Вышний Волочок. Здесь же полк получил Красное знамя ЦИК СССР. То самое знамя, которое нашёл под Малоритой местный житель Зиновий Тарасюк.

Начало Великой Отечественной полк встретил на западной границе, первый бой с фашистами принял вблизи Домачево. Отступал к Малорите, вышел на железную дорогу Брест – Пинск – Житковичи. Здесь обескровленный полк сдерживал натиск отборных частей эсэсовской дивизии «Мёртвая голова». С боями выходил из окружения. Своих знамён врагу не сдавал. А всего при штабе полка, входившего к началу Великой Отечественной в состав 75-й стрелковой дивизии под нумерацией 28-й стрелковый полк, имелось четыре полковых знамени. Судьба остальных трёх до сих пор неизвестна...

Источник: [https://smolbattle.ru/threads/ Знаменосцы.82152/](https://smolbattle.ru/threads/Знаменосцы.82152/)

Фёдор Тютчев

Знамя и Слово

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

25 июня 1842

Источник: <https://poemata.ru/poets/tyutchev-fedor/znamya-i-slovo/>

Владимир Бенедиктов

Чесменские трофеи

Был то век Екатерины,
В море наши исполины
Дали вновь урок чалме,
Налетев на сопостата,
Нашей матушки ребята
Отличились при Чесме.

Наш орёл изринул пламя –
И поникло турков знамя,
Затрещала их луна,
Флот их взорван – и во влагу
Брошен в снедь архипелагу,
Возмущенному до дна.

Пронеслась лишь весть победы
Взликовали наши деды,
В гуд пошли колокола,
Пушки гаркнули в столице:
Слава матушке царице!
Храбрым детушкам хвала!

Се добыча их отваги, –
Кораблей турецких флаги
В крепость вносятся – ура! –
И, усвоенные кровно,
Посвящаются любовно
Вечной памяти Петра.
Не умрут дела благие!

Там – Невы в широкой раме
Есть гробница в божьем храме
Под короной золотой.
Над заветной той гробницей
С римской цифрой – I (единицей)
Русский выведен – П (покой),

Там – кузнец своей державы,
Дивный плотник русской славы,
Что, учась весь век, учил,
С топором, с дубинкой, с ломом,
С молотком, с огнём и громом,
Сном глубоким опочил.

По царицыну веленью
Те трофеи стали сенью
Над гробницею того,
Чья вся жизнь была работа,
Кто отцом, творцом был флота.
Возбудителем всего.

И гробница под навесом –
Под густым знаменным лесом –
Говорила за него...
Всюду честь воздать хотела
Продолжительница дела
Начинателю его.
Все невольню содрогнулись,

Арсений Несмелов

Суворовское знамя

Отступать! — и замолчали пушки,
Барабанщик — пулемёт умолк.
За черту пылавшей дереvушки
Отступил Фанагорийский полк.

В это утро перебило лучших
Офицеров. Командир сражён.
И совсем молоденький поручик
Наш четвёртый принял батальон.

А при батальоне было знамя,
И молил поручик в грозный час,
Чтобы Небо сжалилось над нами,
Чтобы Бог святыню нашу спас.

Но уж слева дрогнули и справа, —
Враг наваливался, как медведь,
И защите знамени со славой
Оставалось только умереть.

И тогда, — клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг! —
Сам генералиссимус Суворов
У седого знамени возник.

Был он худ, был с пудренной косицей,
Со звездой был его мундир.
Крикнул он: «За мной, фанагорийцы!
С Богом, батальонный командир!»

И обжёг приказ его, как лава,
Всё сердцá: святая тень зовёт!
Мчались слева, подбегали справа,
Чтоб, столкнувшись, броситься вперёд!

Ярости удара штыкового
Враг не снёс; мы ураганно шли,
Только командира молодого
Мёртвым мы в деревню принесли...

И у гроба — это вспомнит каждый
Летописец жизни полковой, —
Сам Суворов плакал: ночью дважды
Часовые видели его.

Солдатские поговорки о знамени

Знамя части – воинская святыня.
Сам погибай, но знамя спасай.
Боевое знамя над нами – победе за нами.
Держи знамя высоко – пойдёшь далеко.
Знамя несть – великая честь.
Сберечь знамя – сохранить честь.
Огню важно пламя, а воину знамя.
В знамени твоя честь, в оружии слава.

П.Г. Ободовский

«Русская песня»

Слышишь – труба звучит...	Их сверкают щиты,
Пыль клубится вдали.	Так же знамя шумит.
Из чужбины притекли	Что же грудь твоя дрожит?
Со знамёнами Отчизны	Ах! Под знаменем кровавым
Воины русской земли.	Милый друг твой не стоит...

1826 г.

Александр Прокофьев

Прощание со знаменем

...Выкликают.
Тогда с автоматом на шее
Строевым, мерным шагом
Иду, как в ряду,
Чуть бледнея
И чуть хорошея, -
К самой главной святыне иду.

На колени склоняюсь, припадаю я к ней,
Шёлк целую багровый,
И горит самолучшее слово
В душе моей.
Я прощаюсь со знаменем. Ветер
Шевелит у него бахрому.
Вся солдатская жизнь на рассвете
Поклонилась ему,
Поклонилась ему.

Подборка Анны Боднарук «ЗНАМЯ»
Источник: <https://proza.ru/2015/07/24/206>

Николай Тихонов

Советский флаг

Флаг, переполненный огнём,
Цветущий, как заря.
И тонким золотом на нём
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побеждён народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взвивают над собой,—
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нём – человечеству привет,—
И проще в мире флага нет;
В нём – нашей славы жаркий цвет,—
И жарче в мире флага нет;
В нём – нашей силы грозный свет,—
Сильнее в мире флага нет;
В нём – правда наших красных лет,—
Правдивей флага нет!

1937 г.

Источник: <https://poemata.ru/poets/tihonov-nikolay/sovetskiy-flag>

Константин Симонов

Знамя

От знамён не прикуривают.
И не шутят под ними
И около них.
И не штопают – если пробито.
Из пробитого знамени кровь не уходит,
Не надо его бинтовать!
Кровь уходит,
Когда
Знамя бросают на землю.
А когда, вынося,
Обвернут
Вокруг голого потного тела,
Знамя не будет
В обиде.
Пятен крови оно
На себе не боится.
Кровь – не грязь.
И убитого,
Если правда герой, –
Можно накрыть
Ненадолго.
Надолго
Он не позволит.
Потому что знамя
Нужно живым...

1963 г.

Источник: <https://poemata.ru/poets/simonov-konstantin/znamya/>

«Баллада о знамени»

Музыка Оскара Фельцмана,
стихи Роберта Рождественского

Утром, ярким как лубок,
Страшным, долгим, ратным,
Был разбит стрелковый полк
Наш в бою неравном.

Из него он выходил
Грозно и устало,
Сам себе и командир,
И начальник штаба.

Сколько полегло парней
В том бою – не знаю,
Засыхало без корней
Полковое знамя.

Слушайте, это было на свете.

Шёл он долго, нелегко,
Шёл по пояс в росах
Опираясь на древко
Как на вещей посох.

Слушайте, это было на свете.

Облака печально шли
Над затихшей битвой,
И тогда с родной земли
Встал солдат убитый.

Ждал он часа своего,
Мстил врагу кроваво,
Спал он в поле, и его
Знамя согревало.

Помолчал, погоревал,
И назло ожогам
Грудь свою забинтовал
Он багровым шёлком.

Слушайте, это было на свете.

Шли дожди, кружилась мгла,
Грохотала буря.
Парня пуля не брала.
Сплющивалась пуля.

Слушайте, это было на свете.

Шёл пустым березняком,
Шёл лесным овражком.
Он себя считал полком
В окруженье вражьем.

Ну а ежели брала
В бешенстве напрасном,
Незаметной кровь была
Красная на красном.

Слушайте, это было на свете.

Это было со страной
Значит, было с нами
Над тобой и надо мной
Вьётся наше знамя.

Слушайте, слушайте, это знамя бессмертно

Эдуард Асадов

Реликвии страны

Скажи мне: что с тобой, моя страна?
К какой сползать нам новой преисподней,
Когда на рынках продают сегодня
Знамёна, и кресты, и ордена?!

Неважно, как реликвию зовут:
Георгиевский крест иль орден Ленина,
Они высокой славою овеяны,
За ними кровь, бесстрашие и труд!

Ответьте мне: в какой ещё стране
Вы слышали иль где-нибудь встречали,
Чтоб доблесть и отвагу на войне
На джинсы с водкой запросто меняли!

В каком, скажите, царстве-государстве
Посмели бы об армии сказать
Не как о самом доблестном богатстве,
А как о зле иль нравственном распадстве,
Кого не жаль хоть в пекло посылать?!

Не наши ли великие знамёна,
Что вскинуты в дыму пороховом
Рукой Петра, рукой Багратиона
И Жукова! – без чести и закона
Мы на базарах нынче продаём!

Пусть эти стяги разными бывали:
Андреевский, трёхцветный или красный,
Не в этом суть, а в том, над чем сияли,
Какие чувства люди в них влагали
И что жило в них пламенно и властно!

Так повелось, что в битве, в окруженье,
Когда живому не уйти без боя,
Последний воин защищал в сраженье
Не жизнь свою, а знамя полковое.

Так как же мы донине допускали,
Чтоб сопляки ту дедовскую славу,
Честь Родины, без совести и права,
Глумясь, на рынках запросто спускали!

Любой народ на свете бережёт
Реликвии свои, свои святыни.
Так почему же только наш народ
Толкают нынче к нравственной трясине?!

Ну как же докричаться? Как сказать,
Что от обиды и знамёна плачут!
И продавать их – значит предавать
Страну свою и собственную мать
Да и себя, конечно же, в придачу!

Вставайте ж, люди, подлость обуздать!
Не ждать же вправду гибели и тризны,
Не позволяйте дряни торговать
Ни славою, ни совестью Отчизны!

1992 г.

Источник: <https://poemata.ru/poets/asadov-eduard/relikvii-strany/>

Александр Тонконогов-Русский
Красное Знамя

Его ценили больше жизни,
Его хранили от врага,
ведь в Нём была – вся кровь Отчизны,
в Нём сама Родина была! –
Не просто ярко-алой тканью,
а тысячью кровавых дней;
и, если сохранялось Знамя,
то сохраняли жизнь частей:
и возрождались вновь из пепла
и батальоны и полки!
В сердцах людей не меркла Вера,
и Его свято берегли!..
И поднимал какой-то парень
из рук погибшего бойца
горящее от взрывов Знамя,
чтоб с Ним остаться до конца!..
Сейчас идёт война другая...
Сейчас Знамён не берегут!
Историю перевирают!
На красный цвет враги плюют!!!
Они не все сдались в том Мае,
они трусливо проросли!
Но мы поднимем наше Знамя
без страха (как тогда с земли), –
пойдём, борясь, к своей Победе,
как деды шли в боях за Ней:
одной единственной на Свете –
Победе праведных Людей
над тьмою, ненавистью, болью!
И вдохновит нас как всегда –
простое Знамя: цвета крови, –
которое предать нельзя!!!
Знамя!
Красное Знамя!!!

Источник: <https://stihi.ru/2018/01/29/5920>

Алла Корнишина

Старушка и знамя Победы

В окно старушка увидела:
Солдаты с дедом говорят,
Из-за иконы флаг достала,
Пошла благословить ребят.
Она ждала войска России
И знамя красное несла,
Шажками мелкими, но гордо,
К солдатам тихо подошла.

«Сыночки, ждали вас так долго,
Как хорошо, что вы пришли
Мы с дедом флаг наш,
Что с Победы,
Рискуя жизнью сберегли».
«Да, хорошо» – солдат ответил,
Смотря на бабушку в упор,
Снимал нацист, как насмехался,
На камеру тот разговор.
А старики так долго ждали,
Россию, армию, солдат
Глаза не те, не разглядели,
Нашивки на руках ребят.
Глумились подлые нацисты,
"Герои", что ни говори,
Над слабым легче посмеяться,
Чем честные вести бои.
Для смеха сунул ей консервы,
Пакет с продуктами отдал,
И вдруг с холодными глазами
Бандеры лозунг он сказал.
Что будет «Слава Украине»,
И тут бабуля поняла,
Что не сыны это России,
И не дожгли фашизм дотла.
Флаг вырвав резко у старушки,
Втоптал его ботинком в грязь,

Нацист стоял и улыбался,
И упивался силой, мразь.
Бабуля тяжело вздохнула,
Сказала: «Флаг ты мой отдай.
Родители мои погибли,
Ты этого не забывай».
Они фашистов тех давили,
И гордо знамя пронесли,
Исчезла чтобы нечисть ваша,
И сёла больше нам не жгли.
Она стояла, как Россия,
Перед нацистом, не боясь,
И отвечала, очень смело,
«Да, жду я русских», не таясь.
И отдала ему консервы,
Спокойно положив в пакет,
Нацист стоял с ухмылкой нервной,
Был удивлён, что страха нет.
Вдруг отступил "шутник" трусливый,
Увидел он старушки взгляд,
И понял, что вся Русь такая,
Не победить её никак.
В бабуле этой дух и сила,
Мы все такие как она,
Непобедимая Россия,
В старушке этой вся страна.

Источник: <https://stihi.ru/2022/04/14/306>

Военная поэзия
юбилейные стихи, полковые и флотские песни
(1854-1922)

От редакции: Мы представляем подборку стихов с сайта <http://militarysong.ru/>, где строки, посвящённые полковым знамёнам, штандартам **выделены нами**, чтобы показать, что практически во всех произведениях военной поэзии присутствует тема поклонения полковому знамени.

П.В. Сушильников
12 гренадерский АСТРАХАНСКИЙ Императора
Александра III полк

Сегодня, в день Святой Казанской,
Собравшись маленькой средой,
Полк гренадерский – Астраханский,
Справляет праздник полковой.
Тот полк уж двести лет, со славой,
России преданно служил.
Под знаменем, повитым славой
Своих детей он в бой водил.
На киверах у них сверкала
Гроза огня Бородина,
Под их штыками Плевна пала –
Как перед бурей – волна.
Опатов, Лагов, Зброновице,
Вот путь разгромленных врагов
И древне-польская столица,
Сам Краков – сдать был готов.
Прошли года... и нет России,
Нет старых, доблестных полков,
С Кремлевских башен, силы злые,
Двуглавых сбросили орлов.
И вот, живя теперь в изгнание,
Все, прошлым, сердце берем
И в нём заветы и преданья
Мы дедов-гренадер храним.

Сегодня, в день Святой Казанской,
Собравшись маленькой семьей,
Полк гренадерский Астраханский
Справляет праздник полковой.
И старший, чару поднимая,
Друзей помянет боевых
И снова песня полковая
Польётся дружно среди них.

11 гренадерский ФАНАГОРИЙСКИЙ Генералиссимуса – Князя Суворова полк

Среди армии Российской,
Среди доблестных полков,
Есть наш полк ФАНАГОРИЙСКИЙ, –
Полк Суворовских орлов.
Было времячко такое –
Сам Суворов нас любил,
**Наше знамя боевое
Славный Вождь с собой водил.**
Отошли в могилу деда,
И нас снова, в свой черёд,
К солнцу славы и победы
Вождь державный нас зовёт.
Немец, слышь, зашевелился,
Вздумал нас пугать войной
И австриец расхрабрился
За немецкою спиной.
Не боясь угроз австрийских,
И немецких тех затей
Славный полк ФАНАГОРИЙСКИЙ
В бой повёл своих детей.
Лагушов, Опатов, Висла –
Путь разгромленных врагов
И над Краковом нависла
Сталь Суворовских штыков.
Часто немцы и австрийцы
К нам бросались в встречный бой
И как львы, ФАНАГОРИЙЦЫ

Их сметали пред собой.
Среди армии Российской,
Среди доблестных полков,
Есть наш полк ФАНАГОРИЙСКИЙ
Полк Суворовских Орлов.

1915 год.

ПРОЩАНИЕ СО ЗНАМЕНОМ

**79 пехотный КУРИНСКИЙ
Ген. Фельдмаршала Князя Воронцова полк**

Прощай, святыня полковая,
Прощай старик седой.
Пришла тебе пора иная,
Пришёл и твой покой.
Во гремя битв ты развевалось
Пред строем нашего полка,
И кровью вражьей обагрилось
Во славу Русского штыка.
Не раз наш полк лихой в боях
Бывал тобой водимый,
И низложив врага во прах,
Сам был непобедимый.
Потом настало царство мира,
Свой век ты доживал без битв, –
Изображая лишь кумира
Для встреч, парадов и молитв.
Окончив службу вековую,
Ты строй покинешь навсегда,
Но славы, память дорогую
Полк не забудет никогда.
Снесут тебя во храм святой,
Где мир и тишина парит, –
Где юный воин пред тобой
Не раз молитву сотворит.
А ты, свидетель старины,
Товарищ дедов и отцов, –
Припомнив прожитые дни,

Благослови молодых сынов:

На славный бой, на бой кровавый,
 На бой за Родину, Царя,
 Чтобы дрался куринец бравый,
 Как дрались прежде егеря.

Поручик АЛЕКСАНДРОВИЧ

**93 пехотный Иркутский Его Императорского высочества
 Великого Князя Михаила Александровича полк**

Лет больше сотни, товарищи, минуло,
 Как появились у нас егеря.
 Слава их доблести вовсе не сгнула,
 Ярким, как истина, светом горя.
 Горы Альпийские, грозные, снежные
 Видели дедов лихих егерей.
 Им покорялись метели мятежные,
 Деда от стужи глядели бодрей.
 Вынули деда, знать, славные жребии –
 Первый поход им успехи сулил.
 После победы при маленькой Треббии
 Полк наш Суворов отменно хвалил.
Подняли деда в далёкой Италии
Ключья победные Русских знамён,
 Наши отважно-лихие баталии
 Долго останутся в песнях племён.
 Горные щели – сухие, холодные
 Дорого дался в них каждый нам шаг
 Деда-орлы, как стихии свободные,
 Все же склонили к ногам Сен-Готард.
 Видели деда Березину ясную,
 Где охладился французский азарт,
 Если б не случай в минуту опасную,
 Был бы у дедов в плену Бонапарт.
 Прадед Ершов там Орла Одноглавого
 Сбил у бригады Латур д’Оверне.
 Подвига струсив, фельдфебеля бравого,
 Крикнули громко французы «турнэ».
 Страны французские, страны немецкие

Слышали песни лихих егерей,
В город Париж, егеря молодецкие
Гордо вступили со свитой царей.
Стены Силистрии, крепости каменной,
Могут потомству о том рассказать,
Как после штурмов, с отвагою пламенной,
Деды стремились на штурмы опять.
Ночью морозною, ночью холодной,
Силы теряя за братьев-славян,
Рать басурманскую сильную, грозную
Били отцы на вершинах Балкан.
Турки суровым отпором нас встретили,
Были знакомы им к Шипке пути,
Только «османы» навеки заметили –
Мимо Иркутцев никак не пройти.
Взяли от дедов мы трубы не медные,
Приняли славный Суворовский «бой»,
Сделаем всё, чтобы лавры победные
С честью могли бы хранить за собой.

ПРИПЕВ: Грянем же, братцы, родное «УРА»,
Вспомнить минувшую славу пора.

Поручик ЗАБЕЛИН

115 пехотный ВЯЗЕМСКИЙ полк

Споёмте, братцы, про победы
Да про дела былых времён,
**Про то, как завещали деды
Нам славу Вяземских знамён.**
Раздайся песня удалая,
Орлом лети под облака.
Греми ты, слава боевая
Родного нашего полка.
При Императоре, при Павле
Наш полк начало получил.
Был сформирован в Ярославле
И «мушкетёрским» назван был.

По воле Царской, да небесной
Крестила полк с Кавказом брань:
Отцом был Карс, а маткой крестной
Служила крепость Эривань.
За речкой было Арпачаем,
Юсуф-Паша нас окружил.
Да богатырь наш Несветаев
Его в могилу уложил.
Шестнадцать лет кровь нашу пила
Земля кавказских удальцов,
Но все же их разлилась сила
В груди у наших молодцов.
С Кавказа слава боевая
Далече по свету пошла.
Она наш полк к брегам Дуная
С врагами биться привела.
Крепит турецкие траншеи
Река широкая – Дунай,
Но не страшны нам батареи,
Коль Царь приехал – НИКОЛАЙ.
«А ну, ребята, покажите
Как мы умеем бить врагов»,
Сказал нам Царь, – «Редут возьмите,
Что виден с этих берегов».
Мы быстро в лодках переплыли,
В редут влетели, как орлы,
Врага разбили – сокрушили
И взяли приступом валы.
Во время штурма, турки-черти
Взорвали склад пороховой.
Да, не один тут славной смертью
Погиб, как истинный герой.
За нами – прибыл Царь со свитой,
Не знал, как нас благодарить:
Ласкал живых, а по убитым
Велел обедню отслужить.
Тут Бондаренко, егерь смелый,
Нас помнят персы и грузины
Что первый на вал вскочил,
На грудь, за храбрость, крестик белый
Из Царских ручек получил.

Нас помнят персы и грузины,
И турки и Венгерский край.
Кавказа горы и долины
И Севастополь и Дунай.

Мичман А.Г.

Линейный Корабль «ПЕТРОПАВЛОВСК»

Гей друзья, нальём бокалы,
Выпьем залпом их до дна.
За наш славный «ПЕТРОПАВЛОВСК»
Грянем дружное – УРА...
За здоровье командира
Первый наш бокал идёт,
Он в сраженье, на победу,
В славный бой нас поведёт.
«ПЕТРОПАВЛОВСКОМ» гордиться
Должен каждый адмирал –
Вутаков и, сам, Макаров
На нём Флаг свой подымал.
В глубине морского ила
Славный предок наш лежит –
То Макарова могила,
«ПЕТРОПАВЛОВСК» старый спит.
Выпьем чару за команду
Наших храбрых молодцов,
За лихую стаю славных
«Петропавловских» орлов.

Написано в марте 1916 года, в бытность командиров кап. I ранга
В.К. Пилкина и под флагом контр-адмирала М.К. Вахирева.

Иван САГАЦКИЙ

Лейб-гвардии КАЗАЧИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полк

Блестящий старый полк,
Седых штандартов шёлк,
Вас знает целый свет
В деяньях прежних лет.

С тех пор, как в первый раз
Пришёл на юг указ
И выслал лучших Дон
Хранить Российский Трон.

В тумане прошлых лет
 Неясный виден след
 Тех предков, чей конвой –
 Надёжный конный строй
 Смиренье всем вещал,
 Когда сопровождал
 В Москву, где Кремль высок,
 Царицын, в ночь, возок.
 Бессмертный храбрый полк,
 Твой голос не умолк
 И после всех побед,
 Российских тяжких бед
 Лишь Ты один живёшь,
 На подвиг всех зовёшь,
Стремишься в быль времён
И веришь в сень знамён.
 С пути Ты не сойдёшь
 И весь его пройдёшь,
 И будет высока рука лейб-
 казака

В огне, в призыве в бой,
 В молитве за родной,
 За наш великий Дон
 И за Российский Трон.
 Старинный строгий полк,
 Суров твой вечный долг.
 Тебя давно поют,
 Твои преданья вьют:
 Ведь, Ты, прожив сто лет,
 Несёшь и видишь свет
 Во мраке новых дней –
 Конвойный блеск огней.
 В тебе он вечно жил,
 С тобой он всюду был,
 Хранил тебя порой
 Царицын призрак – строй,
 Тебя он вдохновлял,
 На смерть благословлял
 За наш великий Дон
 И за Российский Трон.

П. ПРОХОДОВСКИЙ

(в оригинале плохо видна фамилия)

ПРИМОРСКИЙ драгунский полк

С войны Приморский полк идёт,
 Его Приморец и ведёт
 Сам – командиром.
 Довольны лица у драгун,
 Идут под сень родных лагун
 Гордясь мундиром.
 Вот взвод на серых трубачей
 Рубак лихих и усачей
 И ветеранов.
 И льётся марш родной полка,
 Мелодья явонка и легка,
 Затихли раны.
 На рыжих первый эскадрон
 Считает в битвах свой урон,
 Что был без меры...

Второй за ним, на вороных,
Драгун так мало в нём родных
И офицеров.
А вот и третий эскадрон:
Всегда готов у нас был он:
Строй – словно лава.
Врагам Четвёртый был не брат...
Пронзённый пулями Штандарт
Вот – наша слава
Буланный, дальше и былой,
Но Пятый самый удалой,
Сплошная рана...
За ним разомкнутый Шестой,
Сметал он часто вражий строй,
Как ураганом...
Команда конных пулемёт,
Немало что скосила рот
И эскадронов...
И грозный наш победный крик,
И звон клинков и острых пик
И дождь патронов...
Всё долго помнить будет враг
Наш славный полк и гордый стяг
И гибель тронов.

17 гусарский **ЧЕРНИГОВСКИЙ Е.И.В.В.К. Михаила Александровича полк**

Была теплая пора,
Когда Мазепа непокорный
С неблагодарностью чёрной
Знамёна поднял на Петра.
И обнажил на братьев меч
И вскоре не было уж тайной,
Что, за поднявшейся Украиной,
И Гордиенко двинул Сечь.
Пошли мятежные полки
Все за Мазепу, за Ивана,
Лишь Многогрешного Демьяна

Остались верны казаки.
Любовью к родине горя,
Одни черниговцы лихие,
Бойцы Демьяна удалые
Все дружно встали за Царя.
Когда войска Наполеона
Пришли из западных сторон,
Был арьергард Багратиона
Судьбой на гибель обречён.
Отряд храбрейшего Мюрата
Всё продолжал вперед идти;
Врагов на каждого солдата
Здесь приходилось по шести.
Багратион был атакован
И ликовал уже Мюрат,
Кольцом стальных штыков окован
Багратионовский отряд.
Бой закипел и продолжался
Всё горячее и горячее,
Людскою кровью напивался,
Краснел Шенграбенский ручей.
Уж близко полночь. Звук отбоя
Остановил лихих бойцов,
Но половина после боя
Не уцелела храбрецов.
Теперь историк хладнокровный
Свободно может сосчитать,
Тогда ж борьба была неровной:
На тридцать тысяч – Только пять.
Так свято помните об этом
На предстоящем Вам пути.
Пусть будет Вам всегда заветом:
Всегда «пять против тридцати».

7 гусарский БЕЛОРУССКИЙ Императора Александра I полк

Завтра бой, голубые гусары,
Снова вьётся родимый штандарт,
Снова полны задравные чары,
Снова блещет старинный булат.

Как на праздник, пойдём мы в сраженье,
Беззаветно мы бросимся вскачь,
Лишь услышим сигнал наступленья
Иль атаку протрубит трубач.
Пусть в гробах мирно спят наши деды:
Мы сумеем исполнить свой долг.
Вновь воскреснут былые победы,
Новой славой покроется полк.
Завтра в битву мы ринемся лавой,
А пока – я беспечен и пьян;
Может кровью окрасится алой
Завтра мой голубой доломан.
Ну, так что ж? Знать судьба мне такая.
Смерть бывает один только раз.
Но хотел бы, хоть миг, умирая,
Видеть вновь влажный блеск троих глаз.
Мы сегодня расстались с тобою.
Ты, рыдая, крестила меня
И клялась не забыть, а рукою
Вороного ласкала коня.
По щекам льются горькие слёзы,
Поцелуи горят на устах
И твой образ, прелестнее грёзы,
Всё мерещится в пьяных глазах.
Чу... Пора, голубые гусары.
Трубачи протрубили поход.
Допивайте заздравные чары
И по коням – ведь слава не ждёт.

К.Р.*

НАШ ПОЛК

Наш полк. Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас – всё также ново
И знаменует нам и братство и семью.
**О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою,
Чьё сердце, за твои лоскутья, не готово**

---

*Поэтический псевдоним Великого князя Константи́на Константи́новича.

Все блага позабыть и жизнь отдать свою?
Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Всё благородное: отвага доблесть, долг.
Лихая удаль, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове том сливается: наш полк.

ГРОХОВО

Лейб-гвардии УЛАНСКИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полк

И снова, в день Гроховской битвы,
Тринадцатого февраля,
Под звук торжественной молитвы
Слилась уланская семья.
И снова, от сынов Отчизны,
Летит привет со всех концов,
Ко дню победной нашей тризны
Над прахом дедов и отцов.
Лихих сподвижников Грохова
В живых уж нет, но час придёт
И полк улан покажет снова,
Что дух отцов ещё живёт.
**Тогда опять герой бессмертный,
Победоносный наш Штандарт,
Покажет нам пример заветный
Идти на бой, как на парад.**
И с ним, под трубный звук похода,
Лишь зарумянится заря,
Пойдём на смерть, в огонь и воду
За Русь Святую, за Царя.

БОЙ под КЮРЮК-ДАРА

16 драгунский ТВЕРСКОЙ 1 Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк

Вспомянем, братцы, бой великий –
Кровавый бой Кюрюк-Дара,
Орудий гром, команды клики,
Победоносное ура.

Когда граф Нирод вёл нас к славе
И Куколевский вместе с ним
И несся строй на бой кровавый,
Как ураган неудержим.

Рвались, грызя железо, кони
В огонь турецких батарей,
Неслись в атаку эскадроны
Тверских драгун-богатырей.

За ревом пушек смертоносных,
Команд не слышно было нам,
Но мы, волной победоносной
Неслись к дымящимся жерлам...

В тот день, – из нас, иные пали
Во славу Вечного Творца
И от турецкой острой сабли,
И от турецкого свинца...

**Нам крест штандарта боевого
О вечной славе говорит
И луч венца его святого
Тверские трубы серебрят.**

12 драгунский СТАРОДУБОВСКИЙ полк

Уж много лет прошло с тех пор,
Когда по Аддовой долине
Наш полк скакал во весь опор,
Подобно снеговой лавине.
Спят мертвым сном – таков удел –
Драгуны, старики седые
Не прозвучит уж им «аппель»
Призывом в бой, как в дни былые.

Дрались под Миром и под Красным,
Дрались в бою Шевардина,
Воспоминанием ужасен
Французам – день Бородина.
Сам Царь венчал драгун наградой,
Драгунский кивер отличён
Наградой Царской, как отрадой,
Навеки полк запечатлён.
**И памятник о том есть вечный –
Штандарт Георгиевский в строю
Под ним умрёт драгун беспечный,
Сложивши голову свою.**

2 лейб-драгунский Псковский

**2 лейб-драгунский Псковский её Императорского
величества Государыни Императрицы Марии
Феодоровны полк**

Так вспомним славу полковую,
Седую спутницу мечей.
Подыдем чару круговую
За честь родимых Псковичей.
Поверьте, нам ещё придётся
Сразиться с яростным врагом.
Штандарт наш снова разовьётся
Над бело-розовым полком.
Так в час сраженья, грозной сечи
Мы будем знать что в этот миг,
С благословеньем реют тени
Над нами прадедов седых.
И вновь, и лаврами, и славой
Свои победные мечи
Помчавшись в битву, грозной лавой
Покроют снова Псковичи.
Так пусть гордятся наши деды
Творцы истории седой.
Мы вновь вернем полку победы
Во славу Родины святой.

Лев ПАНАЕВ

12 гусарский АХТЫРСКИЙ... полк

12 гусарский АХТЫРСКИЙ генерала Дениса Давыдова
ныне Е.И.В.В.К. ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ полк

Звени народная бандура,
Певец – стихи свои пиши
Про Бородинский бой, Латур-Мобура
Дивизия сломала палаши
О древко нашего штандарта
И повернула вся назад.
Мы удержали Бонапарта,
Ещё не знавшего преград.
Наполеон увидел виды,
Когда Ахтырцы тут и там
Из-под Москвы до Атлантиды
Французов гнали по пятам,
Припомним также наше дело,
Когда гусары в один мах
В атаку кинувшись смело,
Французов сбросили в Кацбах.
Кто вам вдохнул такие силы?
Кто научил вас побеждать?
Герои, где ваши могилы,
Чтоб мы могли их раскопать?
Под Ларгой спят и у Кагула,
У Пражских стен и у Фокшан.
У нас, где слава промелькнула,
Везде найдётся свой курган.
Истлели кости все, но диво:
Их дух живёт среди этих стен
И образами их так живо
Ахтырский полк запечатлён.
Сегодня же – гремите своды
Во славу Руси и Царя.
Княгине нашей многи годы
И их Высочествам – «Ура».

Генерал ГУЛЬКОВСКИЙ

1 уланский ПЕТРОГРАДСКИЙ Генерал-Фельдмаршала князя Меншикова полк

Век второй уж пролетел,
 Как родился славный полк.
 Он миру показать сумел,
 Как надо исполнять с вой долг.
 Полтавский бой и ряд побед,
 Что наши предки одержали
 Прейсиш-Эйлау, Гаузет –
 Вот наши славные скрижали.
И старый ветеран седой
Штандарт наш лаврами покрытый
Не раз водил в кровавый бой
Полк, под святой своей защитой.
 Потомкам – наш завет такой:
 Пусть побеждают иль умрут,
 Но, в лавры славы полковой,
 Пусть лавры новые вплетут.

**3 гусарский ЕЛИСАВЕТГРАДСКИЙ Е.И.В.В.К.
 ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ полк**

Нам трубят, гусары в дело,
 Быстро на конь, сабли гон.
 Грянем дружно, грянем смело
 За Царя, за свой закон.
 Мы гусары не из фольги:
 Всяк из нас литой булат.
Бережем мы имя Ольги,
Белый ментик и штандарт.
 В поле чистом, в поле белом
 Имя Ольги – наш закон.
 Мы влетим, гусары, в дело,
 И исчезнет враг как сон.

Если ментик наш кровавый
 Зарумянится пятном,
 То с двойною, братцы, славой
 Щеголять мы будем в нём.
 И других не будет пятен
 На почётной белизне.
 Ментик наш и чист и знатен,
 Как и в мире, так в войне.
 Кто посмотрит на полк славный,
 На гусаров удалых.
 Каждый скажет: «Ментик белый,
 Он дрался за четверых»...

Бессмертные гусары

5 гусарский АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ её Императорского
Величества Государыни Императрицы Александры
Фёдоровны полк

Слышу звуки фанфар,
Слышу марш полковой,
Бью челом вам, с чужбины далёкой.
И за Чёрных Гусар,
За свой полк дорогой,
Подымаю бокал одинокий.
Хоть далёк я от вас,
Хоть я брошен судьбой,
Хоть забыт я былыми друзьями,
В этот день, как всегда
И везде, всей душой
Я незримо за вас и меж вами.
В этот день я полней
Наливаю стакан,
Опираясь на саблю кривую.
Я молюсь за Штандарт
И за наш доломан
И за нашу семью полковую...
Многих вырвала жизнь
Из среды дорогой,
С одного положивши удара.
И толкает вперед
Проторенной тропой –
Их под маской бывшего гусара.
Но настанет пора –
И трубач полковой
Затрубит боевые сигналы...
Я из гроба прииду
Стану мёртвым я в строй,
Где бессмертным стоял я бывало.

В. КАХОВСКИЙ

Лейб-гвардии ГРЕНАДЕРСКИЙ полк

Дочь Петра, Елизавета,
Повелела приказать:
Против вражьего навета
Молодецкий полк создать.
С десяти полков армейских
Третьи роты стали брать
По прозванию – гренадерский,
Новый полк формировать.
Так знай, в тысячу семьсот
Пятьдесят шестом году
Новый полк из этих рот
Призван к славе и труду.
Не прошло четыре года,
Как с пруссаком на войне
Средь тяжёлого похода
Отличился полк вполне.
За Берлин же, град немецкий,
Что был взят среди той войны,
Получил полк молодецкий
Две серебряных трубы.
Отдохнувши лет десяток,
Полк в Туретчину пошёл
И за храбрость и порядок
Много чести приобрёл.
Гренадеры стали франты,
Как вернулись домой –
Получили аксельбанты
За Кагульский славный бой.
И Царица, за старанье,
Полк «СВОИМ» тут назвала
И полковничие званье
На Себя-то приняла.
Мы и в Швецию ходили,
Кого надо победив,
И по морю проходили
Через Кваркинский пролив.
А за то что мы держали,
Со французом долгий бой,

Знак полку в награду дали:
Стал Гвардейский – молодой.
**На знамёна водрузили
Крест Георгия святой.
Чтоб потомки не забыли
Славы нашей нажитой.**
Шум идёт с Варшавы в Краков,
Вновь полки пришлось спешить,
Чтоб мятеж среди поляков
Поскорее потушить.
И забавам ли злодейским
Быстро, слышь, конец настал.
Тут вот Старым-то гвардейским
Гренадерский полк наш стал.
А затем, в войне турецкой,
За прославленный Дубняк
Полк наш славны, молодецкий
Получил на кивер знак.
В славе лютый, в буре дерзкий,
В битвах, знавший твёрдость, полк,
Вышел Первый Гренадерский
Всея России славный полк.

ПРИПЕВ:

Лейб-гренадер удалой,
Ты люби свой полк родной
И для славы его –
Не жалея ничего.

Лейб-гвардии 4 СТРЕЛКОВЫЙ Императорской Фамилии полк

Царствуй в блеске Русской силы,
Царь наш, Господом храним.
От рожденья до могилы
Мы Тебе принадлежим.
Мы Стрелки Семьи Державной,
Трона Царского оплот.

Крест над нами православный,
А за нами весь народ.
Крест нам верный путь укажет,
Сохранит от всяких бед;
Счастлив тот, кто грудью ляжет
В поле славы и побед.
Жизни нам легка дорога,
Помолясь у Алтаря,
Мы сослужим, с верой в Бога,
Службу Батюшки Царя.
Если в бой пойдём кровавей,
Вспомним предков имена
**И покроем новой славой
Старой славы знамёна.**
Над Российской Державой,
В небе, царственно, паря,
Нас ведёт Орёл двуглавый
В путь за Веру и Царя.

Марш Лейб-гвардии ПАВЛОВСКИЙ ПОЛК

Вперёд орлы, вперёд. Павловцы, вперёд,
Где шумят знамёна, там нас Царь зовёт.
Что для нас враги, – мы сомкнём ряды
И пойдём ломить стеною, Павловцы, в штыки.

Воскресим былую славу, встарь добытую полком
На полях Прейсиш-Эйлау и под Горным Дубняком.
Вперёд, орлы, вперёд, Павловцы, вперёд,
Где шумят знамена, там нас Царь зовет.

Что для нас враги? Мы сомкнём ряды
И пойдём ломит стеною – прямо на штыки.
Пусть уже знает враг лукавый славных Павловцев удар
И на шапках прочитает: «С нами Бог и Русский Царь».

МАРШ Лейб-гвардии ГРЕНАДЕРСКОГО полка (Старый Гренадерский)

Славься лаврами покрытый,
Древний, боевой,
Славься ныне именитый,
Славься полк наш родной...
Ты хранил отцов заветы,
Помнил честь и долг,
Славься сын Елизаветы,
Славься храбрый полк.

Припев:
Встречи в боях
Страшился с ним враг.
Ты в тяжёлые годы
Первый в битвах был
Славься полк Екатерины
Полк могучих сил.
Славься древний, боевой,
Славься лаврами покрытый,
Славься полк наш родной.

Гордо славные знамёна Реют над тобой.

Славься полк защитник трона
И земли Своей родной.
Ореол победных зарев
Честный твой венец.
Славься ротой Государя
Доблестный боец.

Припев:
Встречи в боях и т.д.

И ведём мы след кровавый
В битвах за собой.
Пусть немного нас осталось
Мы не дрогнем душой.
«И инако гренадеру невозможно быть».
Аксельбант их призывает пасть иль победить.

Припев:

Где не пройдем,
Там ляжем, умрем.
Ты в тяжёлые годы
Первый в битвах был,
Славься полк Екатерины,
Полк могучих сил.
Славься древний, боевой,
Славься лаврами покрытый,
Славься полк наш родной.

Лейб-гвардии СЕМЁНОВСКИЙ полк

Мы верно служили при Русских Царях,
Дрались со славою, честью в боях.
Страшатся враги наших старых знамён,
Нас знает Россия с Петровских времён.
Царь Пётр покрыл нас славою побед,
И помнит бой Полтавский, помнит швед.
Шли мы тогда в смертный бой, в смертный бой.
Как и всегда мы пойдём, мы пойдём
Верные клятве святой – всюду за нашим Царём.
Да будет же свят сей завет вековой
Семёновской славной семьи полковой.
Да будут потомки потешных полков
Надеждой для Руси, грозой для врагов.
Царь Пётр покрыл нас славою побед
И помнит бой Полтавский, помнит швед.
Ни смерть, ни страданья в далёком краю
Не страшны нам в жарком бою.
Мы твёрдо и смело под пули пойдём,
В могиле за храбрость награду найдём.
Семёновцы были всегда впереди
И смерть дорога им, как крест на груди.
Погибнуть для Руси семёновец рад.
Не ищет он славы, не ищет наград.

Лейб-гвардии ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ полк

Знают турки нас и шведы
И про нас известен свет.
На сраженья, на победы
Нас всегда сам Царь ведёт.
С нами труд он разделяет,
Перед нами он в боях.
Счастьем всяк из нас считает
Умереть в его глазах.
Славны были наши деды,
Помнит их и швед, и лях
И парил орёл победы
На Полтавских на полях.
Знамя их полка пленяет
Русский штык их боевой.
Он и нам напоминает,
Как ходили деды в бой.
Твёрд ещё наш штык трёхгранный,
Голос чести не замолк.
Так пойдём вперёд мы славный,
Вперёд первый Русский полк.
От Петра до Николая
Верным полк наш был всегда.
В поле браки, не робея,
Грудью служим мы всегда.
Преображенцы, удалые,
Рады тешить мы Царя
И «потешные» бывшие
Славны будем в век. УРА...

АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

Гремит над морем пушек гром,
Корабль в волнах не ждёт защиты,
Враг обступил его кругом,
Безволен руль, орудья сбиты...
На смерть сражённый, командир
Уж не слуга своей Отчизне,

Одни бойцы лежат без жизни,
Другие падают от ран.
Спасенья нет. Уже смеётся
И торжествует близкий враг:
**С крестом Андрея Русский флаг
Ему трофеем достаётся.
Но этот стяг заговорён
Покорным долгу Русским сердцем,
И Русь не ведает времён,
Когда б он ник пред иноверцем.
От ядер, в рубке боевой,
Лишь два героя уцелели
И стяг родной сокрыть успели
Под океанскою волной.
В пучине вод, в тиши глубокой,
Корабль героев с ними спит
И крест Андреевский хранит
Покой могилы одинокой.**

Е. Кравченко

ПЕСНЯ ЕКАТЕРИНОДАРЦЕВ

**ЕКАТЕРИНОДАРСКИЙ Кошевого Атамана ЧЕПЕГИ полк
Кубанского Казачьего Войска**

**Сомкнись под знаменем священным,
Родной и доблестный наш полк,
Пусть гордо веет развеваясь,
Покрытый славой, старый шёлк.
Отцы и деды, верой, правдой,
Под ним служили много лет,
В борьбе не дрогнувши кровавой,
Они оставили завет:
«За Русь святую не жалейте,
Екатеринодарцы, ничего,
Потомкам славу передайте –
Один за всех – все за него...»
**И, чтя заветы наших предков,
Мы честь полка все сохраним
Или погибнем в бою славном,
Под старым знаменем своим...****

В степях, горах дальневосточных,
Наш полк примером всем служил
И генерал Линевиц, храбрый,
О том в приказе объявил...
Во дни войны Великой, новой,
Полк себя славою покрыл
И счастлив был всяк бесконечно,
Что он в рядах его служил...
Во время смуты и скитаний,
Как Руси верные сыны,
Навстречу новым испытаньям
Мы шли к Кремлю святой Москвы.
Но не сулил Господь победы...
Всё ж, верим мы – взойдёт заря,
Изгнанья нам не страшны беды –
Вернём России мы Царя...
Мы честь России и Кубани
С заветом предков сохраним
**Или погибнем в бою славном,
Под старым знаменем своим.**

Содержание

От издателя	3
Дмитрий Иванов. Боевое Знамя воинской части – символ воинской чести, достоинства и славы	4
Михаил Преснухин. Воспоминания Попадичева 1805 год (О кампании 1805 года и битве при Аустерлице)	18
Олег Гончаренко. «От Аустерлица до Парижа. Дорогами поражений и побед»	
Владимир Звегинцов. О военных реликвиях	31
Сергей Андоленко. Русские знамёна, потерянные под Аустерлицем	35
Знамёна Азовского полка под Аустерлицем	41
Георгиевский штандарт Санкт-Петербургских улан	48
Знамёна Великой армии, отбитые в 1812 году	55

Владимир Григорян. Русские знамёна	66
Евгений Голубинский. Спасение знамени 141-го пехотного Можайского полка	76
Михаил Щеглов. Возвращение Спаса Звенигородского полка	80
Сергей Андоленко. Два знамени	115
Андрей Смирнов. «Засыхало без корней полковое знамя...»	130
Анатолий Марков. Знамя Орловского Бахтина кадетского корпуса	139
Руслан Москвитин. Флаги Белого Движения	141
Андрей Коц. Сохранить честь. Как русские воины спасали свои знамёна от врага	148
Софья Милютинская. Десятилетний Костя, спасший знамёна ...	151
Владимир Нагирняк. Как во время Великой Отечественной спасали важнейший военный символ	155
Спасённые знамёна	160
Андрей Сидорчик. Рождение легенды. История появления Знамени Победы	165
Елена Ракова. Первое Знамя Победы над Рейхстагом разведчики сделали из немецкой перины	171
<u>Официальная информация:</u>	
Знамя Победы	178
Водружение Знамени	179
Судьба немецких знамён на Параде Победы 1945 года	184
Александр ВОЛКОВИЧ. Находка в Малоритском лесу	190
Фёдор Тютчев. Знамя и Слово	194
Владимир Бенедиктов. Чесменские трофеи	194
Арсений Несмелов. Суворовское знамя	196
Солдатские поговорки о знамени	197
П.Г. Ободовский. «Русская песня»	197
Александр Прокофьев. Прощание со знаменем	197
Николай Тихонов. Советский флаг	198
Константин Симонов. Знамя	199
Роберт Рождественский. Баллада о знамени	200
Эдуард Асадов. Реликвии страны	201
Александр Тонконогов-Русский. Красное Знамя	203
Алла Корнишина. Старушка и знамя Победы	204

Военная поэзия

юбилейные стихи, полковые и флотские песни (1854-1922)

П.В. Сушильников. 12 гренадерский АСТРАХАНСКИЙ Императора Александра III полк	205
---	-----

11 гренадёрский ФАНАГОРИЙСКИЙ Генералиссимуса – Князя Суворова полк	206
ПРОЩАНИЕ СО ЗНАМЕНЕМ. 79 пехотный КУРИНСКИЙ	
Ген. Фельдмаршала Князя Воронцова полк	207
Поручик АЛЕКСАНДРОВИЧ. 93 пехотный Иркутский	
93 пехотный Иркутский Его Императорского высочества Великого Князя Михаила Александровича полк	208
Поручик ЗАБЕЛИН. 115 пехотный ВЯЗЕМСКИЙ полк	209
Мичман А.Г. Линейный Корабль «ПЕТРОПАВЛОВСК»	211
Иван САГАЦКИЙ. Лейб-гвардии КАЗАЧИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полк	211
П. ПРОХОДОВСКИЙ. ПРИМОРСКИЙ драгунский полк	212
17 гусарский ЧЕРНИГОВСКИЙ Е.И.В.В.К. Михаила Александровича полк	213
7 гусарский БЕЛОРУССКИЙ Императора Александра I полк	214
К.Р. НАШ ПОЛК	215
ГРОХОВО. Лейб-гвардии УЛАНСКИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полк ...	216
БОЙ под КЮРЮК-ДАРА. 16 драгунский ТВЕРСКОЙ 1 Его Импера- торского Высочества Наследника Цесаревича полк	217
12 драгунский СТАРОДУБОВСКИЙ полк	217
2 лейб-драгунский Псковский. 2 лейб-драгунский Псковский её Императорского величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк	218
Лев ПАНАЕВ. 12 гусарский АХТЫРСКИЙ... полк. 12 гусарский АХТЫРСКИЙ генерала Дениса Давыдова ныне Е.И.В.В.К. ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ полк	219
Генерал ГУЛЬКОВСКИЙ. 1 уланский ПЕТРОГРАДСКИЙ	
Генерал-Фельдмаршала князя Меншикова полк	220
3 гусарский ЕЛИСАВЕТГРАДСКИЙ Е.И.В.В.К. ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ полк	220
Бессмертные гусары. 5 гусарский АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ её Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк	221
В. КАХОВСКИЙ. Лейб-гвардии ГРЕНАДЁРСКИЙ полк	222
Лейб-гвардии 4 СТРЕЛКОВЫЙ Императорской Фамилии полк	223
Марш. Лейб-гвардии ПАВЛОВСКИЙ ПОЛК	224
МАРШ Лейб-гвардии ГРЕНАДЁРСКОГО полка	225
Лейб-гвардии СЕМЁНОВСКИЙ полк	226
Лейб-гвардии ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ полк	227
АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ	227
Е. Кравченко. ПЕСНЯ ЕКАТЕРИНОДАРЦЕВ	
ЕКАТЕРИНОДАРСКИЙ Кошевого Атамана ЧЕПЕГИ полк Кубанского Казачьего Войска	228

**Библиотечка
военно-исторического журнала
«ОРЛОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК»
Выпуск № 32**

Боевое Знамя – символ чести

Главный редактор С.А. Ветчинников
Корректор В.С. Алексеевский
Технический редактор – С.А. Ветчинников
Консультант – А.В. Тихомиров
Дизайн обложки – К.В. Стародубцев

Редакция вправе публиковать присланные в свой адрес произведения, письма и обращения читателей.

Ссылки на источники информации актуальны на момент выхода журнала.

Редакция уважает точку зрения авторов на какие-либо события, их трактовки, хотя не всегда может их разделять, следуя правилу: «Пусть в споре рождается истина».

Цена свободная

Подписано в печать 26.10.2023 г. Дата выхода 01.11.2023 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Arial
Объем 14,5 усл. печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 40

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Адрес издателя и редакции:

302001, г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26, Тел. (4862) 44-51-45.

E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции

в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»

г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.